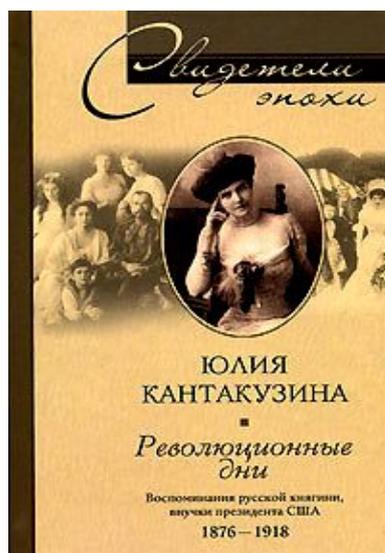

Юлия Кантакузина

Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918

Глава 1

Детские впечатления

Из многочисленных пересказов моей любимой истории с самого раннего детства узнала я о храбром и красивом мальчике [1 - Автор имеет в виду своего отца, Фредерика Дента Гранта (1850—1912).], который в возрасте двенадцати или тринадцати лет три раза убежал из школы. В первый раз он отправился прямо к отцу [2 - Автор имеет в виду своего деда, генерала Улисса С. Гранта (1822—1885).] на поле битвы. Последний тотчас же вернул его к учителям; во второй раз он присоединился к солдатам армии своего отца, где его обнаружил один из штабных офицеров и отвез в генеральский лагерь. Там мальчика отчитали и вновь вернули к занятиям, но он снова бросил их и в третий раз отправился в армию как раз накануне Вексберга. В конце концов отец, покоренный настойчивостью и преданностью сына, позволил юному солдату остаться и подвергнуться всем трудностям лагерной жизни вместе с командующим, быт которого отличался еще большей суровостью, чем у большинства окружающих. Для него нашли пони и походную кровать. По ночам отец и сын спали бок о бок в генеральской палатке, или же мальчик лежал в полусне, смутно ощущая, как молчаливый мужчина ходит взад-вперед и перебирает карты, планируя предстоящие битвы и кампании, а затем садится писать приказы для завтрашнего боя.

На рассвете отец и сын объезжали с инспекцией войска или поднимались на какое-нибудь возвышение, откуда генерал мог руководить сражением. Они всегда были вместе. По-видимому, этот благородный и преданный мальчик никогда не мешал командующему, и тот впоследствии с удовольствием рассказывал о том, какое мужество проявлял его младший товарищ под огнем и с какой жизнерадостностью переносил неудобства походной жизни во время военных действий.

4 июля 1863 года он рядом с отцом вошел в Вексберг и с тех пор оставался на фронте.

Когда в 1865 году наступил мир, на счету пятнадцатилетнего мальчика было два года постоянных участия в походах и большой накопленный опыт, сделавший его взрослее и немало послуживший ему в дальнейшей карьере. После войны последовал год подготовительных занятий, и юный ветеран поступил в Уэст-Пойнт. Дисциплина в академии, несомненно, казалась суровой для того, кто скитался по полям сражений, а озорство этого кадета нередко доводило его до беды, но его превосходное знание математики и талант ко всему, что касалось лошадей, муштры, стрельбы и прочих военных дисциплин, помогали ему. В итоге он окончил Уэст-Пойнт.

В качестве адъютанта генерала Шермана [3 - Шерман Уильям (1820—1891) – генерал Союза (т. е. северян) времен Гражданской войны, сменил Гранта на посту главнокомандующего в 1869 году.] новоиспеченный второй лейтенант осуществил поездку в Европу, где впервые увидел зарубежные страны. Ему удалось побывать во Франции сразу же после Франко-прусской войны [4 - Франко-прусская война, в которой победила Пруссия, привела к падению Третьей империи Луи Наполеона и к объединению Германии в Германскую империю. Война началась 19 июля 1870 года и официально завершилась мирным договором, подписанным 10 мая 1871 года во Франкфурте.], посетить Ближний Восток, а оттуда отправиться на Кавказ. Он остановился в Тифлисе у наместника – великого князя Михаила [5 - Михаил Николаевич (1832—1909) – великий князь, наместник на Кавказе с 1862 по 1881 год. Его отец, император Николай I (1796—1855), правил с 1825 года до своей смерти, последовавшей в 1855 году.], сына императора Николая I и младшего брата Александра II [6 - Александр II (1818—1881) – российский император, правил с 1855 по 1881 год.]. Из Тифлиса хозяин отправил моего отца на север с одним из своих адъютантов, который должен был доставить какие-то сообщения императору. Два молодых офицера помчались по обширным степям России по направлению к Москве. Мой отец влюбился в таинственную красоту равнин, где раздавались только стук копыт лошадей, запряженных в тройки, и звон колокольчиков. Затем последовала остановка в Москве, откуда по единственной в России железной дороге они отправились в Петербург.

Здесь молодой симпатичный офицер снова получил теплый прием. Великий князь Михаил предупредил свою жену, и великая княгиня Ольга Федоровна (урожденная принцесса Баденская) [7 - Начиная с XVIII века из геополитических соображений представители русского правящего дома, как правило, женились на иностранных принцессах в основном из небольших северогерманских государств и из Дании.] оказала чужестранцу радушный прием, так что он чувствовал себя как дома в ее дворце на набережной. Ее гость никогда не забывал удовольствия, доставленного ему этим посещением, и обаяние тех людей, которые были так добры к нему в юности.

Вернувшись домой в 1872 году, он активно сражался с индейцами на Крайнем Западе, принимал участие в работе созданных правительством инспекционных комиссий в Монтане и в засушливых пустынях Аризоны, где наблюдал исполненную приключений и поэзии жизнь Дальнего Запада.

Следующим этапом в карьере моего отца стало назначение в штаб генерала Филипа Г. Шеридана [8 - Шеридан Филип Генри (1831—1888) – генерал Союза времен Гражданской войны.], расположенный в Чикаго. Там он познакомился с очень красивой молодой девушкой [9 - Оноре Ида Мари (1854—1930) – дочь состоятельного чикагского капиталиста, занимавшегося недвижимостью, Генри Гамильтона Оноре, происходившего из Мэриленда.], только что с отличием закончившей учебу в монастыре в Джорджтауне.

Быстро разгорелся роман. Ему было двадцать четыре года, а ей двадцать, когда они поженились в октябре 1874 года. Загородный дом мистера и миссис Оноре стал рамой блестящей сцены. Родители невесты принадлежали к числу наиболее примечательных жителей Чикаго, а невеста и ее сестра обладали редкой красотой и очарованием. На церемонии присутствовали генерал Шеридан и весь его штаб в парадных формах, жених был окружен и членами семьи, включая президента Соединенных Штатов и его выдающихся сподвижников и друзей, – все приехали, чтобы присутствовать при заключении счастливого брака офицера.

Новобрачные поселились в Белом доме, откуда молодой полковник Грант, как и прежде, осуществлял свои длительные экспедиции на Запад. В столице, так же как и в Чикаго, молодая жена стала всеобщей любимицей. Две зимы миновало, и в июне 1876 года в тихой комнате президентского особняка, окна которой находились в тени огромного портика, родился первый ребенок, необыкновенно крупная девочка, фунтов тринадцать [10 - Более пяти килограммов.] пухлой плоти, – это была я.

Будучи первым ребенком любящих друг друга родителей и первой внучкой таких дедушки и бабушки, какими были Улисс С. Грант и его жена, я была обречена стать обласканным ребенком. Мне часто рассказывали о моем крещении, когда меня назвали Юлией в честь моей бабушки Грант. Крестил меня в большой Восточной комнате доктор Джон П. Ньюман, пастор методистской церкви, которую посещал мой дедушка Грант.

Затем мы поехали на Запад. Помню, как меня внезапно разбудили и одели ночью в поезде, медленно продвигавшемся среди кричащих толп. Поезд остановился, кто-то взял меня на руки и перенес из вагона в большой открытый экипаж. На заднем сиденье уже разместились дедушка и бабушка Гранты, только что вернувшиеся из кругосветного путешествия, нас окружало море лиц – мужских и женских. Факелы, огромное их количество, горели, вспыхивали ярким пламенем, коптили и дрожали, отбрасывая переменчивые отблески на лица, которые в моем детском воображении казались дикими от волнения. В сущности, они просто встречали национального героя, проявляя весь энтузиазм, на который только были способны. Все рты были открыты, и крики «ура!» заполняли воздух так же густо, как освещенные лица заполняли мой горизонт. «Грант! Грант! Добро пожаловать, Грант!», «Ура Гранту!», «Ура! Грант! Грант!».

Мой дедушка сидел абсолютно спокойно на своем месте среди всего этого бедлама, но я впервые заметила глубину и мощь его взгляда и обратила внимание на то, какими темными казались его глаза, хотя они и сияли. Бабушка, напротив, помахивала рукой, раскланивалась и улыбалась. Она радовалась и выражала свою радость мужу, моей матери и всем вокруг. Когда меня, перепуганную шумом, передали матери, огромная толпа качнулась вперед, казалось готовая накрыть нас. Все более и более охваченная паникой, я спрятала голову в колени матери. Потребовалась изрядная доля усилий, чтобы вернуть мне утраченную смелость.

Почти сорок лет спустя, во времена большевистского переворота в России, я увидела огромные толпы, которые держали всех в напряжении, и была напугана точно так же, как все остальные, но даже в 1917 году я не испытывала такой паники, как в тот день, когда огромная дружелюбная американская толпа выкрикивала свои приветствия моему молчаливому дедушке в Колорадо-Спрингс по возвращении из триумфальной поездки по всему миру.

После недолгого пребывания в Колорадо-Спрингс мы все вместе поехали в Галену [11 - Галена, Иллинойс, там Гранты жили до начала Гражданской войны.], и я наконец

преодолела страх перед толпами народа, которые встречали нас на каждой станции, выкрикивая приветствия и размахивая руками. Люди обступали мое окно, дарили мне цветы или, напротив, просили у меня цветков «на память», как они говорили. Они заставляли меня что-то им говорить, смеялись и аплодировали, и я начала ощущать себя важной особой, но понимала, что мой маленький личный прием был частью торжественной встречи Гранта.

В Галене мы поселились у дедушки с бабушкой, вернувшихся в свой маленький домик, где они жили до войны. Проведя четыре года на полях сражений и восемь лет в Белом доме, посетив различные европейские и азиатские дворцы, они вернулись в свой старый дом и с удовольствием поселились там, что много говорит о выдающейся паре. Вскоре мы покинули их и вернулись в наш дом в Чикаго.

Мой отец, служивший в штабе генерала Шеридана, чаще находился в Чикаго и меньше на Дальнем Западе, а однажды они с мамой уехали в путешествие, оставив меня на попечение моей прелестной тетушки, сестры матери, миссис Палмер [12 - Миссис Поттер Палмер (урожденная Берта Оноре) (1849—1918) – сестра матери автора, Иды. Поттер Палмер принадлежал к числу наиболее состоятельных чикагских бизнесменов в области недвижимости, построил знаменитый отель «Палмер-Хаус». Миссис Палмер, игравшая большую роль в жизни американского общества конца XIX века, а также в мире моды и женских изданий, взяла на себя роль покровительницы Юлии, предоставляя ей возможность роскошно одеваться и путешествовать, чего не могла предоставить ей семья.]. Это был официальный визит, который мой дедушка нанес президенту Диасу [13 - Диас Порфирио (1830—1915) – президент, фактически диктатор Мексики почти непрерывно с 1877 по 1911 год.]. Генерал Шеридан сопровождал моего деда, а мой отец поехал как адъютант Шеридана, в их группу входило и несколько важных гражданских лиц. Бабушка тоже поехала, как и прочие жены, – веселая умная компания вокруг великой центральной фигуры.

Когда мне исполнилось пять лет, в мою маленькую жизнь вошло нечто новое – в доме появился новорожденный мальчик. Моего малютку брата назвали Улиссом в честь деда, и мне доставляло огромное удовольствие помогать за ним ухаживать. Мать обладала слабым здоровьем, и отец, вышедший в отставку, перевез нас всех в Нью-Йорк, где мы переехали в новый дом номер 3 по Восточной Шестидесят шестой улице. Мне он казался большим и мрачным. С огромным интересом я услышала, как взрослые говорили, что его подарили моему деду жители Филадельфии.

Отец и дедушка решили принять участие в банковском бизнесе, в котором уже состоял один из моих дядюшек. Фирма называлась «Грант и Уорд». Это был процветающий концерн, и отец с дедом решительно вложили в него все свои сбережения, сделанные во время службы в армии. А дедушка даже вложил деньги, предоставленные ему Нью-Йорком, чтобы выразить признательность за его патриотическую службу.

Мама все еще была слаба, и, чтобы укрепить ее силы, мы переехали на зиму в прелестный коттедж в Морристауне в Нью-Джерси. Им с отцом очень понравилось это место, и я прекрасно помню, как увлеченно они обставляли мебелью свой новый дом и каким привлекательным его сделали.

Однажды вечером весной 1884 года, когда отец пришел домой, он выглядел очень усталым, бледным и взволнованным. Он, как всегда, обнял меня и поднялся с мамой в гостиную. Раздался ее возглас, полный удивления и огорчения, затем до холла, где внизу сидели испуганные дети, стали доноситься громкие вопросы и тихие ответы. Когда они

спустились, глаза у мамы были красные, и она велела мне поскорее отправляться в постель, что я и сделала, размышляя о том, что же произошло.

На следующее утро я узнала: у нас совершенно не осталось денег, и нам предстояло переехать к бабушке, которая каким-то образом сохранила достаточно средств, чтобы содержать свой дом, в то время как нам приходилось отказаться от нашего. Для меня возможность поехать к бабушке являлась компенсацией за любые неприятности, но со временем я осознала всю глубину драмы банкротства компании «Грант и Уорд» и увидела, как глубоко переживал ее отец. Он стал уходить из дому раньше обычного и возвращаться позднее. наших лошадей и экипажи увели в первый же день и продали. Каждый день приходили рабочие, чтобы упаковывать и вывозить мебель. Ежедневно, возвращаясь домой, отец спрашивал, готовы ли мы. Охваченная лихорадочным волнением и желанием помочь, я упаковывала и снова распаковывала свои игрушки и маленькие сокровища. Через несколько дней, возможно через неделю, мы закончили.

Лишь годы спустя я осознала весь героизм, проявленный моими родными в то время. Когда в это ужасное утро отец и дедушка приехали в город, за ними прислал мой дядя Улисс-младший, партнер Уорда по банку. Они узнали страшную весть: Уорд сбежал со всеми деньгами, и фирма обанкротилась. Практически все, что мой отец имел, было вложено в эту фирму, а то немногое, что у него оставалось, он тотчас же вложил в общую собственность, чтобы расплатиться с инвесторами, вложившими небольшие суммы. Мой дед поступил точно так же. Его дом в городе еще задолго до этого по его просьбе был переписан на имя бабушки, а еще он подарил ей коттедж Элберон во время своего президентства, так что он решил, что она должна сохранить их за собой и принять туда всю семью.

Именно из-за банкротства фирмы «Грант и Уорд» мы переехали в дом деда и стали там жить. Мой отец продолжал работать в Нью-Йорке, а в свободное время помогал деду просматривать старые бумаги, отыскивая военные записи и документы. Они нужны были для статей, которые дедушка намеревался написать для журнала, обещавшего заплатить неслыханную сумму в пятьсот долларов за их серию.

Весной 1884 года дед, выйдя из дому и направляясь по тротуару к экипажу, поскользнулся на апельсиновой или банановой кожуре, упал и сильно повредил бедро и ногу. Ему помогли вернуться домой, несколько дней усиленного ухода позволили избавиться от серьезных последствий, но после этого у него осталась небольшая хромота, и он стал медленней ходить.

Я знаю, какое облегчение и удовлетворение испытывал дедушка от того, что его статьи повсеместно пользовались шумным успехом и приносили ему доходы. Я слышала, что его просили написать мемуары в форме книги и что он получал весьма лестные предложения.

Мой отец, генерал Портер, мистер Дрексел и мистер Чайлдз [14 - Портер Хорас (1837—1921) долгое время был помощником и близким другом Гранта в его военной и политической деятельности; Антони Дж. Дрексел (1826—1893) и Джордж у. Чайлдз (1829—1894) – старые друзья Гранта из Филадельфии, банкир и издатель и оба филантропы, они часто давали советы и решали многие финансовые дела Гранта.] всегда говорили по поводу книги. К ней уже собирались приступить, и дедушка должен был предоставить свои записи о Гражданской войне.

Таково было положение вещей, когда до меня стали доноситься отдельные замечания членов нашей семьи или старых слуг о том, что он не очень хорошо себя чувствует. Кое-кто говорил, что он немного простудился и у него слегка побаливает горло; прошел слух,

будто у него не простуда, а горло заболело, когда он однажды проглотил кусочек кожуры персика; возможно, на персиковой кожуре было что-то, оцарапавшее нежную ткань горла. Приглашенный доктор сказал: «Горло курильщика» – и прописал лекарство для полоскания.

Казалось, дедушка как-то притих, а когда наступила осень, он время от времени упоминал, что горло не стало лучше и его нужно будет подлечить, когда семья переедет в город. К тому же порой члены семьи говорили друг другу, что у дедушки болит голова. Они приписывали это тому сидячему образу жизни, который он теперь вел, боли в бедре, испытываемой им при ходьбе, и сосредоточенности, необходимой ему при написании книги.

Вскоре отец по какой-то причине перестал ездить в город на работу и стал постоянно присутствовать в кабинете деда. Я не совсем понимала причину этих перемен, но слышала, что пожилому автору с больным бедром трудно передвигаться в поисках нужных документов, карт и книг, а диктовка утомляла его горло и голос.

Глава 2

Болезнь и смерть дедушки

В том году мы переехали в нью-йоркский дом дедушки ранней осенью. Дедушка, похоже, чувствовал себя не очень хорошо. Следовало ли в этом винить его бедро, горло или головные боли, не знаю.

Не помню, чтобы в ту зиму устраивались вечера. Рано поутру дедушка обычно отправлялся в деловой центр города на лечение горла, затем возвращался и приступал к работе над книгой – то диктовал, то писал. Многие великие люди подолгу проводили в верхней гостиной.

Постоянным гостем был генерал Шерман. Он много говорил, был высоким и энергичным, обладал незаурядной внешностью. Часто приходил посидеть и генерал Логан Черный Джек [15 - Логан Джон Александр (1826—1886) – «политический генерал» Союза, перед Гражданской войной был демократическим конгрессменом от Иллинойса. Служил у генерала Гранта при осаде Вicksberga. В 1870-х и 1880-х годах был сенатором от Иллинойса.]; сначала он хранил молчание, затем раздражался проникновенной речью, вспоминая военные истории и какие-то случаи, когда гений моего деда проявлялся в наиболее полной мере.

С наступлением зимы в гостиной бабушки время от времени стали появляться генерал Букнер [16 - Генерал Симон Боливар Букнер (1823—1914) сдал форт Донелсон в Теннесси бригадному генералу Улиссу С. Гранту 16 февраля 1862 года. После этой удачной операции Грант поднялся из безвестности и произведен Линкольном в звание генерал-майора. Впоследствии Букнер в течение одного срока был губернатором Кентукки (1887—1891).] и некоторые другие бывшие противники, они хотели продемонстрировать свою симпатию и побеседовать со своим победителем.

Приходило и много гражданских лиц. Самым интересным из них был сенатор Роско Конклинг [17 - Конклинг Роско (1829—1888) – американский сенатор и влиятельное лицо в республиканской партии, которому Грант поручил должность верховного судьи в 1873 году.] – высокий, импозантный, с красивыми седыми вьющимися волосами, седеющей бородой и гордо откинутой головой. Он выглядел настолько значительно, что заставлял

своих собеседников испытывать благоговейный трепет. Не помню, о чем он говорил – я не очень хорошо понимала, – но, когда он говорил, все слушали и, казалось, испытывали огромный интерес.

Один из частых посетителей ужасно меня пугал. Это был Марк Твен, с лохматой гривой длинных белых волос, то лежащих волной, то небрежно свисающих на его низкий лоб, а выступающие брови почти скрывали сверкающие из-под них глубоко посаженные глаза. Пожимая руку он чуть не раздавливал мою маленькую пухлую руку и смотрел на меня с несколько причудливым выражением, возможно даже не думая обо мне в этот момент. Затем он медленно, растягивая слова, произносил какое-нибудь замечание странным скучающим, монотонным голосом. Мне почему-то пришла в голову мысль, что он сумасшедший, я никому не осмеливалась сказать об этом, но, когда он приходил, старалась держаться поближе к кому-нибудь из взрослых. Помню, как однажды летом в Маунт-Макгрегор он незамеченным подошел ко мне в саду, где я играла, и когда заговорил, я обернулась, увидела его и, не ответив, с криком бросилась домой. Впоследствии, прочитав его книги, внесшие большой вклад в американскую литературу, я часто сожалела о том, что вела себя так глупо.

В эти дни в дом моих родителей приходили и другие люди. Помню, деду доставляло огромное удовольствие, когда приходил или присылал какие-то сообщения человек по имени Джефферсон Дэвис. [18 - Дэвис Джефферсон (1808—1889) – президент Конфедерации южных штатов.]

Зима медленно тянулась, и деду становилось все хуже. Он постоянно оставался в своей комнате. Время от времени мне позволяли зайти к нему, строго-настрого запретив шуметь и даже разговаривать. Он постоянно работал, отказываясь сделать передышку, как его об этом ни умоляли. В то же время все говорили о замечательной работе, которую он делал, и о главах, которых накапливалось все больше и больше.

Когда стали обсуждать планы на лето, кто-то предложил Маунт-Макгрегор у подножия Адирондака – доступное, сухое, прохладное, способное придать силы место, все что только можно желать: маленький отель, где можно было поесть, к нему был пристроен крошечный, но вполне достаточный по размеру, чтобы вместить семью, коттедж; дубовые и сосновые леса; величественный вид на простирающуюся вдали долину. Вопрос был решен. Хотя все боялись перевозить инвалида, но путешествие прошло благополучно.

Какое-то время перемены и воздух оказывали благотворное воздействие, хотя он, конечно, как прежде, испытывал боль и ему было трудно глотать. Через день-два стали прибывать силы, и дедушка стал выходить, носить свою одежду, процесс одевания и раздевания уже не так, как прежде, утомлял его; он снова стал играть большую роль в жизни семьи, организованной таким образом, чтобы он мог иметь общение в достаточной мере.

Вскоре – это произошло день, два или три спустя – мама вышла на балкон и позвала нас, детей. «Быстро, папа хочет, чтобы вы пришли повидать своего дорогого дедушку», – сказала она.

Мы прибежали к ней, и она отвела нас в комнату, где, откинувшись в кресле, сидел дедушка. Бабушка расположилась рядом с ним и тихо плакала. Она держала в руках носовой платок и маленькую бутылочку, наверное с одеколоном, и смачивала дедушке лоб. Мне показалось, что волосы у него длиннее, чем обычно, и сильнее вьются, глаза были закрыты, а лицо выглядело немного искаженным и бледнее, чем всегда. Капли пота выступили на широком лбу, а когда я подошла поближе, старый Харрисон [19 -

Харрисон Тирел был камердинером У. С. Гранта.] осторожно вытер такие же капли с тыльной стороны руки, неподвижно лежавшей на подлокотнике кресла. Отец сидел с противоположной стороны от бабушки, а доктор и сиделка стояли за спиной у инвалида. Старик Харрисон стоял на коленях рядом с моим отцом, но встал, и я заняла его место. Мама подошла ко мне сзади и сказала: «Поцелуй дедушку», но я не могла дотянуться до его щеки. Я снова обратила внимание на то, как прекрасна его рука. Я взглянула на отца, и тот, кивнув, поддержал меня. Минуту-другую я стояла рядом с ним, затем мама прошептала: «Теперь мы должны уйти». Ощущая комок в горле, я наклонилась и поцеловала прекрасную руку, и меня вывели из комнаты.

Когда няня Луиза разбудила нас на следующий день рано утром, она сказала, что ночь была тяжелой для генерала, и вся семья провела ее рядом с ним.

Когда мы открыли дверь детской и вышли в холл, Харрисон бежал по нему от комнаты моих родителей, дверь которой оставил широко распахнутой, к комнате бабушки. И принялся стучать в нее. Мы подошли к лестнице, и я увидела, что отец надевает френч, – похоже, он спал в брюках и рубашке, готовый выйти в случае необходимости. Он выскочил из спальни и бросился к лестнице, совершенно нас не замечая, я представить себе не могла, что он может так быстро взбежать по лестнице. Мама, одеваясь на ходу, тоже поспешила мимо. А из бабушкиной комнаты раздалось рыдание и возглас: «Я иду», прозвучавший в ответ на стук Харрисона.

Детей отвели в отель. Меня посадили на стул и, как всегда, велели съесть все, что лежало передо мной, но я не могла. Завтрак тянулся ужасно медленно; вдруг кто-то из прислуги сказал: «Там в коттедже все закончено»; а когда Луиза возразила, слуга добавил: «Да, да, только что принесли телеграмму, чтобы отправить ее из конторы отеля, и посыльный сказал, что генерал Грант только что умер».

Пожалуй, тогда впервые в жизни я по-настоящему испытала горе. Порой я ощущала его страдания и терпение, так что восхищение и жалость смешивались с другими чувствами, и, наконец, они всецело овладели мной, и я расплакалась. Буря миновала, я вытерла глаза и подумала, не могу ли я чем-нибудь помочь отцу, который находился в коттедже, «заботясь обо всем», как мне сказали.

Мне казалось, что я не смогу принести никакой пользы, затем я вспомнила, что для умерших делают венки. Может, и мне сделать венок? Мне пришло в голову, что самый красивый венок, какой мне когда-либо удавалось сделать, был плоский венок из дубовых листьев. Я нарвала листьев с маленьких побегов высоких деревьев и принялась за дело. Работа продвигалась быстро, и примерно через полчаса венок из широких сверкающих листьев был сплетен и выглядел очень красиво, лежа на плоском камне.

Оставалось только отнести его к бабушке. Я побежала домой и приблизилась к нему с задней стороны, чтобы не идти через сад и не встретить там няню, поднялась на балкон и заглянула в окно комнаты смерти. Отца там не было, но в центре комнаты стоял гроб, вещь, доселе невиданная мною; а вокруг ходили двое незнакомых мне мужчин и расставляли стулья. Старший из них тотчас же увидел меня, подошел к двери и спросил, что я хочу.

«Я принесла бабушке венок; я думала, папа здесь», – ответила я. Немного поколебавшись, он произнес: «Конечно, мисс. Ваш папа ушел ненадолго вздремнуть, и я на вашем месте не стал бы его беспокоить. Может, вы отдадите венок мне, чтобы я

положил его генералу. Это очень хороший венок; и, думаю, не будет вреда, если вы зайдете и поможете мне сами».

Я зашла вместе с гробовщиком, и он аккуратно положил венок на гроб. Затем он позволил мне постоять рядом, всматриваясь в знакомое лицо под стеклом, в то время как он продолжал делать свое дело, приводя все в порядок. У меня разрывалось сердце при виде дедушки, такого неподвижного и мертвого.

Позже с каждым поездом нам привозили множество цветов, и флористы приносили особые большие цветочные композиции, украсившие дом и наполнившие его своим ароматом, но я очень гордилась тем, что мой венок оставался единственным, лежавшим на гробе. Со временем он стал увядать, и листья немного загнулись, но отец заверил меня: «Ничего, малышка, венок покроют лаком, и он сохранится, а потом его похоронят вместе с дедушкой. Уверен, что он захотел бы взять его с собой навсегда».

Невозможно подробно описать, как проходила жизнь нашей семьи с 23 июля по 8 августа. Помню огромные толпы мужчин с непокрытыми головами и женщин, облаченных в черное. Складывались в груды цветы, а также выгравированные и заключенные в рамку послания с выражением соболезнования. Корзинами приносили письма. И в то же время не было никакой неразберихи или пустой болтовни. Благодаря организаторским способностям моего отца, его терпению и самоконтролю наилучший результат всегда был обеспечен.

Отец отправился в Нью-Йорк сопровождать гроб с телом деда на специальном поезде, задрапированном черным. К нам приехал дядя Улисс, чтобы позаботиться о семье и отвезти нас в Нью-Йорк. Приехав в город, мы поселились в старом отеле на Пятой авеню. У нас под окнами по улице бродили огромные толпы народа, и мне нравилось наблюдать за людьми. Принесли черную одежду, и каждый член нашей семьи купил все необходимое для траура, в том числе креповые повязки. Флаги повсюду были приспущены, и бесконечная процессия проходила через двери нью-йоркской ратуши, чтобы отдать долг моему деду. На несколько дней его тело было выставлено для прощания, и люди торжественно проходили мимо: мужчины, женщины и дети, медленно передвигаясь на усталых ногах, напряженно всматривались последний раз в черты знакомого лица.

Наступило 8 августа, рано утром наша семья заняла свое место в погребальном кортеже, готовом выстроиться в линию и двинуться, как только проедет огромный катафалк. Даже мой детский ум преисполнился благоговением перед размахом огромной демонстрации. С Двадцать третьей по Сто шестнадцатую улицы на пять миль протянулась вереница сочувствующих людей, они толпились на тротуарах и изгородях, стояли у окон и в дверях; и все лица выражали печаль, некоторые даже плакали. Я почти ничего не помню об этих часах, проведенных в погребальном экипаже, – только эту толпу. Вместе с родителями и моей тетусшкой Нелли мы оказались запертыми в жаркой полутьме. Несколько сэндвичей, длительное молчание, время от времени прерываемое заданным вопросом и ответом на него; порой я ощущала свое усталое тело и влажные глаза, но очень хорошо помню бледное застывшее лицо отца и его хриплый голос.

Наконец мы прибыли в Риверсайд [20 - Риверсайд – местонахождение могилы Гранта в Верхнем Манхэттене, выходящее на Гудзон.] – полуденное солнце ярко сияло, освещая временное маленькое кирпичное надгробие. Службы, простые и прекрасные, были проведены быстро и гладко и закончились сигналом горна. Затем мы вернулись назад в отель, испытывая чувство невыразимой усталости и потери.

С этого времени до весны 1889 года мы жили с моей бабушкой Грант. Отец приступил к

работе над книгой, которую дедушка оставил в рукописи своим наследникам, ее нужно было перечитать, исправить корректуру, предстояла и бесконечная детальная работа по тщательной подготовке карт и иллюстраций.

Маленький кабинет на втором этаже вновь превратили в бабушкин будуар, и она вскоре переехала в комнату, недавно бывшую спальней дедушки. Простую скромную мебель перенесли на третий этаж, и там, в комнате, расположенной как раз над бывшим кабинетом, отец приступил к осуществлению ежедневной работы – встречался с издателями, обсуждал условия договора, воплощал в жизнь инструкции покойного автора. Когда первое издание мемуаров было распродано и получили деньги, он взял на себя вдобавок все бабушкины дела.

Мы испытали чувство глубокого удовлетворения, когда два тома, написанные в страданиях и с таким мужеством в борьбе со смертью, были высоко оценены общественностью и достигли той цели, ради которой создавались.

Первый чек, присланный издателями, своим размером побил все рекорды. Он превышал 300 тысяч долларов!

Глава 3

В Вене и мой дебют при дворе

Весной 1889 года, когда мне было почти тринадцать лет и я была тихой высокой девочкой с длинными густыми волосами без каких-либо отличительных черт, мама как-то вечером позвала нас к себе в комнату и объявила, что у нее для нас большой сюрприз: мы все поедem надолго в Вену! Президент Гаррисон назначил моего отца чрезвычайным и полномочным послом в Австрию, и мы должны подготовиться к скорому отъезду. Меня охватило огромное волнение. Я снова и снова писала название новой должности отца до тех пор, пока не выучила, как правильно ее писать и произносить. Прежде я располагала лишь ограниченной и туманной информацией об Австрии, но я стала расспрашивать и узнала, что Вена считается одной из самых блистательных столиц Европы, что там жило множество великих династий, прославившихся в веках, включавших и баронов-разбойников, и императоров Священной Римской империи. А также она славилась искусством, музыкой, превосходными нарядами, придворными приемами, прекрасными кожаными товарами, сокровищницами и дворцами.

Мы должны были прибыть в Саутгемптон, провести некоторое время в Лондоне, а затем отправиться в Вену через Францию или Германию, в точности родители должны были решить в последний момент. В любом случае нам предстояло совершить настоящее путешествие, и я пребывала в приподнятом настроении в предвкушении этого приключения.

Мы выехали в начале марта. Бабушка с компаньонкой решила поехать с нами и провести лето за границей, так что наша компания состояла из шести человек.

Наконец с помощью книг долгая и довольно унылая поездка, продолжавшаяся около десяти дней, подошла к концу. Поездом, согласованным с пароходным расписанием, мы добрались до Лондона, огромного караван-сарая, где нетрудно потеряться. Плохая еда, комнаты, которые сами забыли, когда были чистыми, изморось, слякоть, темнота – все это вносило свою долю уныния, когда мы знакомились с достопримечательностями.

Родителей пригласили на прием, и они отправились туда, причем оба выглядели

превосходно. Мне позволили помочь маме одеваться. Она, казалось, излучала свет в своей оранжевой парче, расшитой серебряными бусинами.

В тот день королева Виктория устраивала прием при дворе и была столь любезна, что припомнила, как мой отец несколько лет назад посетил ее в Виндзорском замке. По словам мамы, принц Уэльский Альберт-Эдуард казался безумно скучным, а принцесса – улыбчивой и очень милой. Многие выдающиеся люди, государственные деятели различных стран хотели пообщаться с моим отцом и обсудить интересы Америки и текущие события европейской политики, поэтому родители встретили необычайно любезный прием в официальных кругах.

После недолгого пребывания в Англии мы отправились в Вену через Бельгию и Германию. Отец стремился поскорее занять свой пост и приступить к исполнению обязанностей, чувство долга не позволило ему допускать дальнейших остановок в пути. Он сожалел, что ему пришлось разочаровать нас, но пообещал, что когда-нибудь привезет нас туда снова, чтобы осмотреть эти земли, которые мы так быстро проскочили.

В Вене нас ожидал экипаж дипломатической миссии и лакей, и мы с первого взгляда влюбились в этот город. От поезда до нашего отеля в центре Старого города пролегал долгий путь. В первом квартале, который мы миновали, были широкие открытые улицы. Затем мы добрались до Ринга с его роскошными общественными зданиями и парками, покрывавшими то место, где когда-то стояли укрепленные стены старой Вены. Внезапно мы резко повернули направо и оказались на крошечной улице, такой узкой, что, казалось, можно было обменяться рукопожатиями, стоя на противоположных сторонах. А какие тротуары! Они могли вместить только двоих человек, а третьему пришлось бы идти по дороге.

Неожиданно мы остановились. Наш лакей, по имени Франц, сразу же объявил, что давно уже работает в дипломатической миссии и говорит по-английски свободно, он спустился и открыл дверцу. Мы высадились перед не обещающим ничего хорошего зданием и зашли в него. Франц объяснил, что есть еще другой отель, более новый, но не такой элегантный, он не подходит для того, чтобы там «жили превосходительства».

Лифта не было, вверх вела широкая лестница, огороженная стеной с обеих сторон, белая с толстым красным ковром. Один марш вверх – и открылась темная лестничная площадка, тяжелые красные бархатные портьеры и окрашенная в белый цвет деревянная дверь. Она широко распахнулась, и мы оказались на пороге апартаментов королей, принцев и превосходительств!

Две огромные комнаты, одна отделана коричневой и голубой парчой с крупным узором, другая – красным камчатным полотном; повсюду множество золота: на рамках, зеркалах, резных спинках стульев; огромные люстры из позолоченной бронзы или богемского стекла; канделябры, часы и вазы, искусно сделанные из металла, стояли на высоких каминах. Даже если бы сто человек зашли в одну из комнат, она не выглядела бы переполненной. Возможно, короли, принцы и превосходительства воспринимали подобное жилье вполне привычно, но простой американской девочке оно казалось огромным дворцом. Наши спальни были соответствующих размеров, но ванн не было, не было даже туалетных комнат. Отец осведомился о цене, и ему назвали цифру, доказывающую, что такое жилое пространство в Вене было неходовым товаром. Так что мы сняли эти комнаты.

Первый месяц мы провели в причудливом отеле «Мунш». Там было удобно, и нам все больше и больше нравился вид на площадь и роскошь обедов, подаваемых в огромном

салоне. Мы даже привыкли к отсутствию ванн, и вид лохани в комнате стал казаться вполне приемлемым.

Двор был в глубоком трауре по кронпринцу Рудольфу, умершему всего за несколько недель до нашего приезда. Поэтому мои родители почти не вели светской жизни в начале нашего пребывания в Австрии. Отец сразу принялся за дипломатическую работу и так управлялся с ней, что клерки и секретари изумлялись, как много успевали сделать под его руководством. Нам подыскали квартиру в том же здании, где находились дипломатические службы, куда мы и переехали в начале осени.

Отец вернулся домой чрезвычайно довольный монархом, когда во время первого приема вручил свои верительные грамоты. Его величество проявил безграничную сердечность: он сказал, что чрезвычайно рад тому, что мой отец представляет Соединенные Штаты в Австрии, припомнил, как принимал моего деда в Шёнбрунне [21 - Шёнбрунн – загородный дворец Габсбургов под Веной.] много лет назад, когда тот во время своего кругосветного путешествия ненадолго остановился в Вене. Император расспрашивал отца о последних годах президента Гранта, спрашивал о бабушке, которую тоже помнил. Он расточал улыбки и дружелюбие, проявлял огромное обаяние – пример того, как человек в его положении должен себя вести, чтобы завоевать сердца тех, кто приближается к нему. Он не говорил по-английски, а мой отец – по-французски, но каждый из них имел некоторое представление о языке другого, так что они вполне обходились без активного участия присутствовавшего здесь переводчика.

Мы, дети, быстро привыкли к австрийским обычаям, летом с нами занималась австриячка фрау Митци, а осенью мой брат поступил в Терезианум – замечательную школу, основанную Марией-Терезией для аристократии.

В дипломатической миссии все шло гладко. Отцу нравился штат, особенно морской и военный атташе (последний был его старым товарищем по Уэст-Пойнту), у них обоих были очаровательные жены, так что его официальная семья представляла собой веселую и счастливую группу.

В нашем доме постоянно бывало много привлекательных людей, и к тому времени, когда я достаточно повзрослела, чтобы быть представленной ко двору, у меня появилось довольно много благожелательных друзей среди коллег моего отца и среди *jeunesse doree* [22 - Золотая молодежь (фр.)], входившей в секретариат посольств. Было у меня и немало подруг среди молодых девушек-австриячек.

К этому времени мы с родителями чувствовали себя в прекрасной австрийской столице как дома. Я научилась говорить по-немецки почти как на родном языке.

Только мне исполнилось шестнадцать лет, как в ноябре 1892 года президентом был избран Кливленд. Вскоре после этого он оказал моему отцу честь, прислав очаровательное личное письмо, в котором сообщал молодому американскому посланнику о том, с каким удовольствием он узнал о его превосходной работе в течение четырех прошедших лет. Он писал, что будет рад, если мой отец останется на своем посту при его демократическом правительстве. Отец был чрезвычайно польщен и тотчас же написал ответ, где выражал свою признательность, но отклонил предложенную ему честь остаться на посту посланника в Вене. Ему казалось, что эту должность следует занять представителю президентской партии. Тем не менее он заверил мистера Кливленда, что с радостью останется на посту до тех пор, пока тот не подберет ему преемника.

Это означало, что мы останемся в Вене до конца весны, и родители решили, что мне следует выходить в свет или по крайней мере принять участие в большом придворном

балу.

Мой предстоящий дебют вызвал у меня огромное волнение. Это означало, что те огромные перемены, которые обычно происходят в жизни девушки постепенно, я должна была преодолеть одним махом. До нового 1893 года я продолжала посещать уроки, носила короткие юбочки и заплетала волосы в косички, а затем, как по мановению волшебной палочки, я выросла, мои волосы были теперь зачесаны наверх, а платье касалось пола.

Три платья, сделанные для меня самим великим Дреколлом [23 - Дреколл – один из ведущих парижских домов высокой моды.], были закончены и сидели на мне очень красиво. У моей мамы был превосходный вкус, и я очень радовалась.

Нарядившись для большого бала, я пошла показаться родителям, и мама, в последний раз внимательно осмотрев меня, подправила тут и там прядь волос и добавила кое-где булавку к платью. Затем она надела мне на шею прекрасное старинное ожерелье из мексиканской филиграни.

Мое представление при австрийском дворе произошло в красивом зале в более современной части дворца; его убранство, состоящее из белых с золотом деревянных панелей и блестящей парчи, принадлежало к стилю ампир или какому-то более позднему стилю. Мой отец и его секретари выделялись из толпы своей простой вечерней одеждой, в то время как большинство мужчин соперничали с женщинами великолепным золотым и серебряным кружевом и многоцветными одеяниями – красными, синими, зелеными и белыми.

Вскоре после нашего прихода мне представили несколько мужчин, каждый из них произнес подобающий случаю незначительный банальный комплимент. Те, кто помоложе, просили меня не забыть о них позже в бальном зале.

Вдруг все замолчали, были слышны только три удара в пол, оповещающие о торжественном выходе императора и его свиты. Затем мы повернулись к двери, где стоял император, кивая головой и приветливо улыбаясь и держа под руку герцогиню Камберленд. Мы все присели в реверансе, и длинная процессия вошла в комнату.

Император начал со старшего посла и пошел довольно быстро вдоль ряда, при этом не проявляя признаков скуки или спешки. Он оставлял всех мужчин и женщин с убеждением, будто ему, императору, было очень приятно обменяться этими несколькими фразами со своими гостями. Он приблизился к моим родителям и с теплым рукопожатием произнес по-французски: «Как поживаете, полковник Грант? Добрый вечер, мадам. Слышал, что ваша девочка сегодня здесь и что она очень мила. Я непременно должен с ней познакомиться».

Родители тотчас же немного раздвинулись, я вышла вперед и сделала глубокий реверанс, его величество сердечно протянул мне руку и на мгновение крепко сжал мою. Он бросил на меня быстрый пронизательный взгляд и снова заговорил по-французски: «Рад, что вы пришли ко мне на бал, мадемуазель. Надеюсь, вам здесь понравится и вы хорошо повеселитесь. Несомненно, так и будет, если вы говорите по-немецки; наши люди любят тех, кто говорит на их языке, и чувствуют себя с ними непринужденно. Вы провели здесь несколько лет со своим отцом, научились ли вы говорить?» Я ответила по-немецки: «Ja, Majestat! [24 - Да, ваше величество! (нем.)] Я говорю по-немецки даже лучше, чем по-английски, и чувствую себя в Вене как дома».

Император запрокинул голову и искренне рассмеялся: «Но вы говорите на венском наречии, это так очаровательно! Где вы выучили наш местный говор?» Я ответила, что научилась ему потому, что считаю его намного красивее, чем северогерманское наречие.

Эти слова, похоже, очень обрадовали и позабавили его величество, он задал мне еще несколько вопросов и, наконец, произнес: «Уверен, что вы будете иметь большой успех, а я с удовольствием за этим понаблюдаю!»

Наконец мы прошли по сводчатому проходу и очутились в огромном бальном зале Габсбургов, где уже много веков они устраивали свои приемы. Император повернулся и поклонился герцогине Камберленд, и заиграл оркестр – подобную музыку нечасто можно было услышать – вальсы Штрауса в исполнении оркестра, не имеющего себе равных в Европе, ибо по приказу императора им дирижировал сам Штраус, и исполнялась его собственная музыка.

Затем наступило время ужина, и к нам присоединилось большое количество мужчин. Я очень хорошо провела время; как только музыка заиграла, мы снова устремились вальсировать и танцевали до тех пор, пока по какому-то сигналу вечер не окончился, королевские особы поклонились и удалились, а все прочие устремились по направлению к разным дверям.

Наступил день отъезда, и мы отправились на вокзал в старом экипаже в сопровождении все того же Франца, встретившего нас когда-то ранним утром более четырех лет назад. Франц был в слезах, и я была близка к тому, чтобы разрыдаться. Родителям тоже было грустно покидать этот приятный пост. Нам принесли множество цветов и сладостей; многие австрийские друзья и почти все сослуживцы отца пришли нас проводить. Царило огромное волнение. Когда мы отъезжали от станции, нас провожали взмахами шляп и пожеланиями счастливого пути.

Глава 4

Возвращение домой

Мы долго ехали до Саутгемптона, а там сели на корабль и отправились домой. Мы увозили с собой в Америку много приятных воспоминаний. Родители часто брали нас, детей, в поездки по Западной Европе. Отец лично планировал каждую поездку с тем, чтобы мы могли извлечь как можно больше полезного для своего образования из наших путешествий.

Высадившись на берег в Нью-Йорке, мы сразу же отправились в «Кранстон-отель» на Гудзоне, где остановилась бабушка. Она чувствовала себя хорошо и, казалось, была рада видеть нас и тому, что наше длительное пребывание за границей закончилось. Родители придумали восхитительный план, к осуществлению которого намеревались приступить немедленно. Мы собирались поехать в Чикаго и нанести продолжительный визит семье моей матери. Всемирная выставка [25 - Всемирная колумбийская выставка открылась в Чикаго в 1893 году.] была в полном разгаре, и моя красавица-тетушка миссис Палмер [26 - Тетя автора, Берта, была назначена председателем Дамского комитета Всемирной колумбийской выставки.] была председателем Отдела женского труда. В то время, когда женщины еще только начинали приступать к гражданской службе, они обрели признание в связи со Всемирной выставкой и рьяно пытались сделать все как можно лучше. Тетя согласилась на роль председательницы после некоторых колебаний. Здание Отдела женского труда выглядело наиболее художественно в Белом городе на озере [27 - Вокруг здания Отдела женского труда возвышались другие белоснежные здания, так что Белый город поднимался, словно мираж, на южном берегу озера. Он занимал площадь в

586 акров в Джексон-парке.], здесь устраивались различные празднования и большие торжества, которыми правление могло по праву гордиться.

Когда мы в конце июля приехали в Чикаго, выставка была в полном разгаре, и тетя хотя и была очень занята, но уже привыкла к своей роли и играла ее непринужденно и изящно, не проявляя никаких признаков волнения или усталости. Ей было сорок два года, и она, казалось, излучала энергию. Доброжелательная, быстрая и умелая, она умудрялась справляться со своими нелегкими обязанностями спокойно, с приятной улыбкой, и это очаровывало ее помощниц и удваивало их старания и энтузиазм. Ей помогало немало выдающихся женщин, их было слишком много, чтобы я могла назвать всех по имени, они достойно представляли Чикаго и многие другие города Америки. Там были и женщины, приехавшие из-за границы, они привезли экспонаты из своих далеких стран. Такое движение женщин было совершенно новым явлением, и все наблюдали за ним с интересом.

Это лето оставило после себя только приятные воспоминания и о родственниках, и о волнующих событиях Всемирной выставки. Когда она закончилась, мы с сожалением покинули Чикаго, и я обнаружила, что жизнь дома была даже лучше, чем в Вене!

В начале октября мы поехали в Нью-Йорк. Мама сказала, что мы теперь очень бедны, и будет довольно тяжело после того комфорта, который окружал нас в Вене, обосноваться на родине и жить здесь чрезвычайно скромно.

Мы нашли маленький новый трехэтажный домик на Западной Семьдесят третьей улице, и родители сняли его на зиму; и, хотя он был крошечным, нам каким-то образом удалосьвтиснуть туда мебель, которую мы привезли из Вены.

Наша бедность не имела для меня большого значения, просто мы не могли устраивать званых вечеров, а вместо экипажей дипломатической миссии пришлось пользоваться трамваями. Но другие устраивали так много развлечений, что было бы трудно вместить нечто большее в сезон.

Отец много писал, он готовил новое популярное издание дедушкиной книги со своими примечаниями и с большим количеством карт и иллюстраций, чем было в первом издании. Книга вскоре поступила в широкую продажу.

Мой брат полюбил американский образ жизни и с жаром погрузился в школьную жизнь в Катлерсе. Он хорошо учился и становился высоким сильным парнем. Закончив Катлерс в шестнадцать лет, мальчик прозанимался год в Колумбийском колледже, а затем поступил в Уэст-Пойнт.

Месяцы пролетали, и мой отец все глубже погружался в политическую ситуацию как в Нью-Йорке, так и в стране. Он общался со многими выдающимися людьми: вскоре умерший ветеран Роско Конклинг; сенатор Рут [28 - Рут Элихью (1845—1937) – военный секретарь в 1899—1904 годах и государственный секретарь в 1905—1909 годах.], чьи таланты и личные качества поставили его в первые ряды великих людей; Джозеф Чоут [29 - Чоут Джозеф Ходжес (1832—1917) – выдающийся нью-йоркский юрист, позже посол при Сент-Джеймском дворе.]; сенатор Уильям Эвартс [30 - Эвартс Уильям Максвелл (1818—1901) – бывший государственный секретарь при Хейзе и республиканский сенатор в 1885—1891 годах.]; генерал Шерман и генерал Портер; экс-президент Гаррисон; президент Макинли и руководители политических организаций сенатор Платт [31 - Платт Томас Кольер (1833—1901) – сенатор-республиканец из Нью-Йорка, сподвижник Роско Конклинга.] и Марк Ханна [32 - Ханна Маркус Алонсо (1837—1904) – кливлендский бизнесмен, «мотор» республиканцев, сенатор с 1897 года.] прошли через наш салон,

запросто обедали с нами или приходили поговорить с отцом об интересах страны, штата или города, о целях и работе республиканской партии.

Деятельность отца принимала все более и более серьезный характер, и ему приходилось оставаться в городе даже летом. Мама не покидала его, старалась, чтобы в доме было всегда удобно и уютно даже в жаркую погоду. Я посещала друзей за городом, по их приглашению, где проводила вместе с другими гостями по нескольку дней. Мои тетя и дядя Палмеры два лета снимали коттедж в Бар-Харбор и брали меня с собой. После этих сезонов те же родственники пригласили меня в Ньюпорт, тогда я впервые появилась на этом модном курорте, где у меня уже было немало друзей среди нью-йоркских весельчаков. Обычай в Ньюпорте были тогда проще, чем теперь, а мы представляли собой толпу беззаботной молодежи. Мы скакали на лошадях, ездили на пикники, отправлялись на ловлю крабов, танцевали и вместе обедали – в общем, поступали так, как душе заблагорассудится.

Только один год был омрачен Испано-американской войной. Уже весной в предчувствии войны отец поступил добровольцем на военную службу. Первоначально он не знал, в каких войсках будет служить. За несколько недель ожидания он подготовил форму и снаряжение. Наш дом заполнился различными принадлежностями: седлами и упряжью, форменной одеждой, оружием и прочим. Постоянно приходили и уходили группы каких-то мужчин, которые хотели, чтобы отец присоединился к той или иной группе волонтеров, отправлявшихся на фронт. Он отказался от всех этих предложений, хотя и помог многим в организации, используя свой старый армейский опыт.

Наконец поступило приглашение, которое привлекло его. Достаточно известный пехотный полк национальной гвардии, довольно бедный и скромный в своих притязаниях, прислал к нему свою делегацию. Его члены предлагали свое подразделение правительству для службы на месте боевых действий. На собрании, состоявшемся накануне, они выбрали отца своим командиром и теперь спрашивали, согласится ли он принять этот пост. Он сразу же согласился, и несколько дней мы жили в огромном волнении, ибо, как только они поступили добровольцами на службу, правительство отдало им приказ расположиться лагерем на Лонг-Айленде для того, чтобы в скором времени отправить их на фронт.

Две недели отец провел с этими людьми, затем военный департамент отозвал его и направил в учебный лагерь на юг, где, невзирая на испепеляющую летнюю жару, он сражался с малярией и дизентерией и обучал молодых неопытных рекрутов. Он перенес короткий острый приступ распространенного здесь заболевания, но продолжал выполнять свои обязанности до тех пор, пока не ослабел и пока доктора не сказали, что он почти умирает. Прислали телеграмму матери. После недели хорошего ухода его великолепное физическое состояние откликнулось на ее заботу, и он снова вернулся в лагерь. Наконец в конце лета пришел долгожданный приказ, посылающий его на фронт. Ему присвоили звание бригадного генерала, перевели в том же звании в регулярную армию и назначили комендантом острова Пуэрто-Рико.

Время между июлем 1893 года и сентябрем 1898-го прошло чрезвычайно быстро, мое детство было беззаботным. Я была единственной девочкой в нашей семье, и меня очень баловали. Мой дядя и милая тетушка тоже радовали меня как могли и предоставили мне многое из того, что оказывалось не по средствам нашей семье. Моя стройная и изящная тетя, чьи волосы стали серебристо-белыми, сохранила свежесть и казалась еще более красивой, чем всегда. У нее не было своих дочерей, и она дарила мне привязанность, которая предназначалась бы дочери.

Когда бы ни вставал вопрос о моем замужестве, я всегда находила в ней истинного друга, совету которого было легко следовать, так как он совпадал с моими собственными представлениями о том, что правильно. Я благодарна своим родным за то, что, несмотря на наши ограниченные средства, на меня никто не нажимал и не подталкивал сделать «блестящую партию».

Глава 5

Месяцы путешествия

Ранней осенью 1898 года мама должна была присоединиться к отцу в Пуэрто-Рико, где он занимал пост военного коменданта. Ей не хотелось брать меня с собой из-за климата и из опасения проявлений жестокости со стороны жителей недавно завоеванной страны. Дядюшка Палмер плохо провел лето в Ньюпорте, и ему посоветовали на время холодов отправиться на Нил. Тетя брала с собой также и двоих своих сыновей в годичное путешествие, прежде чем они приобщатся к какому-то делу. Семья Палмер предложила взять и меня с собой за границу. Я пришла в восторг, когда мама от моего имени приняла это предложение.

Лондон показался мне удобным и приятным. Мы сделали там кое-какие покупки, в основном для мужчин, и переехали в Париж, где остановились очень ненадолго, – так жаждали добраться поскорее до южного солнца, которое должно было помочь моему дяде. В Риме мы задержались подольше. Нашему инвалиду настолько понравился Рим, что мы с тетей оставались там с ним до того самого дня, когда наш пароход отплывал из Неаполя.

В Каире мы как следует развлеклись: посетили пирамиды при лунном свете и предприняли много других разнообразных изумительных экскурсий, побывали в прелестных деревушках и на базарах, увидели внушительные руины, но особый интерес у нас вызывали величавые и грациозные местные жители. Наша компания проявляла редкое единодушие, путешествие доставляло всем нам наслаждение, за исключением моего бедного дядюшки, которому становилось все хуже и хуже.

Наконец по возвращении в Каир после классического путешествия в первый Катаракт и обратно мы с грустью вынуждены были отказаться от остальной части предполагаемого путешествия и поспешили в Рим, где дядя чувствовал себя лучше и где ему понравились врачи. Мы приехали туда как раз вовремя, ибо тотчас же по прибытии наш инвалид слег в постель, и пришлось призвать ему на помощь немало различных медицинских светил. Тетя почти все время проводила с ним.

Веселый римский карнавальный сезон был в полном разгаре, и по прошествии небольшого периода времени нас разыскали старые друзья моих родителей и тети.

Я подружилась с некоторыми молодыми людьми, среди них были почти все представители той золотой молодежи, которых я видела обедающими в «Гранд-отеле» в декабре. Ланчи, обеды, вечеринки и балы следовали один за другим. Мы даже были приглашены на небольшой дневной прием и чай королевой-матерью, красивой, изящной женщиной с восхитительными манерами, она уже знала мою тетю и родителей. Мы также посетили придворный бал, хорошо организованный и чрезвычайно приятный, хотя и лишенный причудливых исторических и колоритных качеств придворных приемов Габсбургов.

Среди дипломатов, с которыми я познакомилась, было три или четыре особенно любезных молодых человека, сопровождавших нас на пикники и считавших своей обязанностью устраивать для нас осмотры достопримечательностей, посещая вместе с нами дворцы и музеи. Один из них, русский, был только временно прикомандирован к посольству. Князь Михаил Кантакузин, профессиональный военный и спортсмен, приобрел известность среди итальянской элиты сноровкой в верховой езде и умением править четверкой быстрых лошадей. Он лечился на юге от травмы, полученной им на скачках. У него было не слишком много обязанностей в посольстве, и он, казалось, был рад, несмотря на свою репутацию человека, ненавидевшего общество, посещать вместе с нами балы и участвовать в других развлечениях.

Дяде стало лучше, и мы должны были вскоре переехать в Канн, перемена климата ранней весной, по мнению врачей, должна была благотворно отразиться на его здоровье.

Несколько человек из нашей компании поговаривали о том, чтобы поехать с нами в Канн на каникулы, все они обещали написать мне поподробнее о своих планах и любезно сдержали обещания, предоставив мне возможность привести в порядок дела, чтобы не было никаких недоразумений. Все, за исключением одного, сделали это, но не прошло еще и недели после нашего приезда на Ривьеру, как, войдя в холл нашего отеля, держа в руках целую охапку свертков и открытую коробку конфет, я вдруг увидела сидящего в кресле и читающего Кантакузина. Он опустил книгу и подошел ко мне. Я только что получила от него письмо, где он сообщал, что уезжает из Рима в Париж, отказавшись от прежнего намерения заехать на Ривьеру. Его внезапное появление так изумило меня, что руки мои опустились, конфеты и свертки рассыпались по всему полу. Когда моя тетя и кузены присоединились к нам, Кантакузин все еще собирал эти злосчастные вещицы. Все члены семьи были очень рады видеть его, поскольку он был чрезвычайно приятным молодым человеком. Он уверенно объяснил, что уже собирался выехать в Париж, как вдруг получил телеграмму от великого князя Кирилла [33 - Кирилл Владимирович (1876—1938) – великий князь, двоюродный брат императора Николая II (сын брата Александра III); профессиональный морской офицер.] с приглашением на несколько дней в Канн, сегодняшней же вечер он проводит со своим старым товарищем. Мы тоже пообедали в гостях, так что назначили встречу на следующий день.

За обедом я по счастливой случайности оказалась рядом с самим великим князем, и в ходе разговора я заметила, как мило с его стороны, что он пригласил Кантакузина на Ривьеру.

– Но я не приглашал его, – возразил великий князь Кирилл. – Я, безусловно, обрадовался, когда он явился ко мне сегодня вечером, но и удивился. Всю зиму он проторчал в Риме, не знаю почему, а теперь, когда я отказался от мысли увидеть его, он вдруг явился. Мне пришлось его отослать, так как я был уже приглашен на сегодня. Он кажется мне необычайно непостоянным!

Рассказ великого князя Кирилла явно не совпадал с версией Кантакузина, какая-то тайна окружала действия последнего. Я получила пищу для дальнейших размышлений и погрузилась в них, а через день или два старый приятель моего кузена по колледжу вдруг заявил, что я совершу большую ошибку, если свяжу свою жизнь с иностранцем, каким бы хорошим он ни был.

– Место Грантов в Америке, и я готов серьезно поспорить с вами по этому поводу. – Произнося эти слова, он бросил взгляд через стол, туда, где сидел русский.

– Полагаю, вам известно, что ни один иностранец не хочет жениться на мне. Все

девушки, которые выходят замуж за англичан, французов или итальянцев, имеют приданое. Я слишком бедна, чтобы подвергаться такой опасности. Помимо того, меня не слишком привлекает жизнь за границей, разве что ненадолго, как, например, во время этого путешествия. С уверенностью могу обещать вам сохранить свободу для американца, который мне может когда-нибудь понравиться.

Не знаю, что тут сыграло решающую роль: прекрасная погода и красота Канна или сила красноречия, проявленная князем Кантакузиным, и его равнодушие к наличию приданого, столь необходимого в Европе, – но через пару дней после того ланча я вопреки собственным намерениям оказалась с ним помолвленной. Мы оказались в довольно сложном положении, поскольку оба находились вдалеке от своих семей, и в последующие дни нам так часто пришлось пользоваться телеграфом, что телеграфные линии раскалились докрасна. Наконец мы получили официальное согласие с обеих сторон и смогли с помощью тети строить дальнейшие планы. Апрель нам предстояло провести на юге из-за состояния здоровья дяди; затем мы должны были отправиться в сопровождении моего жениха в Париж, где и совершится официальное объявление о помолвке и где я закажу приданое. 1 июня мы должны были отплыть в Соединенные Штаты, в то время как Кантакузин вернется на родину и примет участие в военных маневрах в составе своего полка. Он должен был снова присоединиться к нам только осенью перед свадьбой. Мы познакомились всего за две-три недели до помолвки и с тех пор пробыли еще месяц вместе. Лето приносило с собой длительную разлуку, а встретиться мы должны были только накануне свадьбы.

В то время многие мои друзья стали называть меня авантюристкой, хотя обычно я была довольно осторожной и не торопилась принимать решения, но на этот раз я не испытывала ни сомнений, ни колебаний по поводу того, что другим, возможно, казалось рискованным предприятием.

Я ничего не знала о России, даже о ее истории и географическом положении имела лишь смутное представление и не имела ни малейшего понятия ни об обществе, ни о семье, в которую мне предстояло вступить. Те русские, которых встречала здесь, мне нравились, и я находила, что их взгляды схожи с моими. Мой жених знал заранее, что я довольно бедна, но это не остановило его.

В первых числах сентября приехал мой жених, и с этого дня начался ряд обедов, которые любезно давали в нашу честь мои друзья. Обсуждались и улаживались последние детали, связанные со свадебными церемониями. Их предстояло две: русская православная и в маленькой епископальной часовне в Ньюпорте.

Сначала должна была состояться русская церемония, по особому разрешению ее устроили дома. Проводили ее священники, приехавшие из Нью-Йорка и привезшие с собой все необходимые принадлежности. Это была очень красивая служба: иконы и свечи, запах ладана и монотонные песнопения производили чарующий эффект в тихой комнате. Гостей не пригласили, присутствовали только шаферы и члены семьи.

В американской часовне церемония тоже была красивой и, согласно нашим пожеланиям, по возможности простой. Нам с Кантакузиным претила идея о чем-то преувеличенном и показном. Церковные скамьи были украшены осенними цветами и листьями, а у алтаря – экран легкой пушистой зелени. Службу проводили епископ Поттер, старый друг моих родителей, и доктор Невин, ставший свидетелем рождения и развития нашего романа.

Платье мое было самым простым; на вуали из тюля – ни цветов, ни драгоценностей. Единственной деталью, внесшей ноту великолепия во всю церемонию, была форма моего

мужа – полковой белый мундир с красной с золотом отделкой, высокие черные сапоги и серебряная каска, увенчанная серебряным императорским орлом, отражающим свет и сверкающим. На всех произвела впечатление превосходная одежда жениха, а его породистое лицо и фигура, а также хорошие манеры вызвали благосклонные отзывы у всех тех, кто увидел его в тот день в первый раз.

Моим посаженным отцом был брат в мундире Уэст-Пойнта. Ранней весной отца послали на Филиппины. Вернувшись из-за границы, я не застала его дома, но он написал, что надеется вернуться к нашей свадьбе. Лето прошло, но его работа в Лусоне и Самоа становилась все более напряженной, а постоянные беспокойства, причиняемые местными вождями, заставили его прийти к выводу, что он обязан остаться там, а не просить отпуска, как предполагал первоначально.

В результате он написал, что не хочет, чтобы свадьбу откладывали, и предложил нам попросить президента дать брату позволение покинуть Уэст-Пойнт, чтобы он смог заменить отца на этой церемонии. Мистер Макинли любезно согласился.

В ту неделю, когда состоялась моя свадьба, отец участвовал в четырех сражениях, но с передовой из пустынной местности передал с посыльным телеграмму, чтобы отправить ее из штаба, так что ее вручили мне сразу же по возвращении из церкви. Это послание любви от моего отца с благословением и поздравлениями было первым из полученных мною.

На свадьбе было много интересных людей, они собрались из любви к моим родителям и из интереса ко мне, их ребенку, но я плохо помню отдельные лица. Из Чикаго приехал мой дед с четырьмя сыновьями, в свои восемьдесят лет он был еще крепким и сильным, хотя на обоих его глазах развилась катаракта и ему приходилось ходить с палочкой. Он составил хорошую компанию бабушке Грант, они часто гуляли под руку и о чем-то весело разговаривали. Они возвращались в своих воспоминаниях на двадцать пять лет назад, ко времени свадьбы моих родителей, и все общество с удовольствием слушало их воспоминания. Мы о них беспокоились, поскольку бабушка тоже состарилась, располнела и зрение ее резко ухудшилось. Однако наши опасения не подтвердились, и они с легкостью перенесли обильный обед и прочие удовольствия дня, и их сфотографировали с нашей свадебной компанией, стоящими рядом.

В тот же день мы покинули Ньюпорт на яхте, которую предоставил нам добрейший из друзей мистер Уолтерз, а на следующее утро отплыли во Францию. Несколько дней в Париже, чтобы собрать все сундуки с приданым, а затем мы сели на Северный экспресс, направляющийся в Россию.

Глава 6

Русский дом

Оказавшись на границе своей новой родины, я испытывала наивысший подъем интереса и любопытства. Что же заставляло всех утверждать, будто я найду здесь совершенно иную страну и иной образ жизни, чем на Западе, и почему я буду ощущать себя в такой дали от всех?

Я сразу же услышала незнакомый язык, в котором длинные предложения произносились так, что казались одним словом. Я увидела стоящих вокруг странных коренастых людей с широкими бесстрастными лицами. Они почти ничего не говорили, не жестикулировали и отвечали на взволнованные вопросы своими тихими спокойными голосами. Это были

мужики в странной одежде, белых фартуках и шапках причудливой формы. Они проворно несли наш багаж и казались очень сильными. Чиновники в различных формах, прекрасно выглядевшие мужчины крепкого сложения, щегольски носившие свою форму, тщательно проверяли паспорта и багаж.

У границы нас встретил старик с умным лицом, он много лет прослужил у деда и отца моего мужа, а после смерти свекра стал дворецким или управляющим имением. Он взял наши билеты, квитанции на багаж и посоветовал пойти пообедать в ресторан, где уже заказал для нас обед, а сам ушел, чтобы позаботиться обо всем прочем.

После еды мы немного погуляли среди живописных групп, затем пришел старик Август и сообщил, что специальный вагон прицеплен к поезду, направляющемуся на юг, и мы должны в него сесть. После еще двадцатичетырехчасового пути мы прибыли на крошечную станцию, ближайшую к старинному имению Буромка [34 - Имение Кантакузиных Буромка, собственность, доставшаяся по линии Сперанских, находилось в Полтавской губернии в Левобережной Украине (к востоку от Днепра).], где сошли, и нас встретил брат мужа. Это был очаровательный четырнадцатилетний мальчик, круглолицый, с веселой улыбкой и озорными искорками в красивых глазах. Он принес мне большой букет фиалок, и, пока мы с ним болтали, слуги распаковывали большую корзину для завтраков и выкладывали ее содержимое. Мы поели с большим аппетитом, так как с тех пор, как пересекли границу, ели только то, что старый Август мог приготовить в вагоне. Казалось таким странным, что приходилось брать с собой так много вещей и людей, чтобы тебе было удобно. Август привез с собой белье и все прочее, и я поняла, что все это необходимо, как только мы покинули магистральные линии и поезда-экспрессы. Мой деверь прекрасно организовал нашу поездку в Буромку. По волнистым степям три смены серых в яблоках рысаков, запряженных по четыре в ряд, тащили нас в огромном роскошном ландо, за ним следовал другой экипаж с Августом и чемоданами, а третий вез наши сундуки. У въезда в имение нас ждал парадный экипаж, по традиции называвшийся «золотым экипажем». Он так высоко поднимался над землей, что для того, чтобы вскарабкаться в него, требовалась лестница из четырех ступеней, сзади у него находилась площадка, где между рессорами, держась за поручни, стояло двое слуг в казачьих мундирах. Они очень красиво выглядели в своих отороченных мехом сине-алых одеяниях, с семейными гербами – орлами, прикрепленными к груди. Мы с Кантакузиным сидели на главной скамье, а деверь – на маленькой скамеечке у наших ног, спиной к козлам, на которых сидел кучер.

Все мужчины радушно приветствовали нас и желали нам здоровья и счастья. Управляющие имением поднесли нам традиционные хлеб с солью на серебряных блюдах, покрытых полотенцами, вышитыми местными крестьянками. Они целовали мне руки, а муж сердечно обнимал всех старых слуг. Он вырос у них на глазах, и они, казалось, были его преданными друзьями.

В каждой деревне, через которую мы проезжали, крестьяне разглядывали меня с любопытством на улыбающихся лицах. Мы останавливались на каждой центральной площади среди толпы, подносящей нам традиционные хлеб и соль, и Кантакузин пил за здоровье присутствующих, благодаря жителей каждой деревни за радушный прием.

В некоторых деревнях для нас возвели арки из соломы и цветов, перевязав их материей для флагов. Все эти люди казались мне очень симпатичными. Деревни выглядели чрезвычайно живописно, так же как и костюмы, и я ощущала, что люблю жизнь в России, ее традиции, добрые чувства и интересные обязанности.

Стемнело, и нас встретили еще два всадника в казачьей одежде, они держали горящие факелы, освещая нам дорогу. Вскоре после этого мы повернули в парк и, промчавшись по главной аллее галопом, доехали до входа в дом, где тоже толпился народ в красивых национальных костюмах. Когда мы остановились, на лужайке заиграл духовой оркестр, парадные двери распахнулись, и перед моим взором предстало множество людей, все они явно были слугами, в центре группы в легком платье стояла мать Кантакузина, а рядом с ней сельский священник.

Нас чуть не вынесли из экипажа, не помню, как с нас сняли верхнюю одежду, затем мы оказались перед княгиней. Закончив с приветствиями, мы перешли в бальный зал, показавшийся мне огромным. Он имел двухэтажную высоту, и места там хватило для всех. Здесь сельский священник, или «поп», осуществил благодарственный молебен по поводу нашего прибытия, во время которого я смогла перевести дух и оглядеться. Конечно, я совершенно не понимала слов службы, проводившейся на славянском языке, но знала, что по сути она походила на *Te Deum* [35 - «Тебя, Бога, хвалим» (лат.) – хвалебный гимн раннего Средневековья.] в честь возвращения моего мужа в родной дом с невестой. Во время службы они слушали как почтительные верующие, но в то же время я ощущала, что глаза большинства слуг были устремлены на меня, они, несомненно, размышляли, как повлияет на их жизнь появление нового члена господской семьи.

Размеры комнаты действительно производили впечатление, и она казалась еще больше из-за мягко затененного света и разрозненно расставленной мебели. Это был бальный зал, который теперь явно использовался как общая гостиная с большими мягкими креслами, расставившими свои ручки, словно приглашая сесть, с разложенными повсюду книгами, журналами и играми.

Бильярдный стол, рояль, фонограф стояли в разных углах, как бы предлагая воспользоваться собою, в то время как перегородки из растений отделяли уголки, где можно было уединиться для уютной беседы или игры в карты. Там стояли большие стеклянные витрины с семейными сувенирами и реликвиями, мраморные статуи, красивые картины и камин резного дерева.

Но самое большое впечатление на меня произвел пол, большое открытое пространство между мной и священником. На дубовой основе выложен сложный узор из разных пород дерева: белого клена, красного дерева и кусочков перламутра, отполированный пол блестел, покрытый несколькими слоями чистого воска, – произведение искусства, подобного которому я не видела ни в одной другой стране. Впоследствии я узнала, что этот пол был сделан и отполирован вручную многими поколениями терпеливых людей, продемонстрировавших своей заботой о деталях истинную любовь к красоте и врожденный хороший вкус. И пол, и потолок были по-своему так же великолепны, как и пение хора, в совершенстве выполнявшего свою роль в службе.

На столе стояло собрание икон, которыми нас собирались благословить и которые должны были перейти к нам. Некоторые из них, древние и редкие, были предоставлены нам членами семьи или друзьями, другие на эмали или кованой бронзе дарили домашние слуги или управляющие имениями. Горел ладан, возносились голоса в прекрасных напевах, и вся сцена была очень трогательной и своим очарованием сильно отличалась от всего того, что мне доводилось испытывать прежде. Это был словно какой-то отдаленный клич из Ньюпорта, Нью-Йорка и Парижа, призыв к открывающейся передо мной новой жизни, и, несмотря на всю свою странность, она привлекала меня больше, чем я могла

выразить. С первого же мгновения у меня возникло чувство глубокой симпатии к нации, создавшей нечто подобное и живущей в этом окружении, наполняя его совершенно особым содержанием.

Княгиня, моя свекровь, была француженкой [36 - Ее девичья фамилия Сикар, но она не была эмигранткой. По семейному преданию, первый Сикар, гугенот, приехал в Россию в конце XVIII века во времена царствования Екатерины II. В то время как семья сохраняла традиции французской культуры, она, по-видимому, давно обратилась в русскую православную веру. Согласно календарю-справочнику «Весь Петербург» за 1913—1914 годы, «вдовствующая княгиня Елизавета Карловна, графиня Сперанская, урожденная Сикар» имеет резиденцию на рю Мюрилло, 4 в Париже.] и своим внешним видом, мимикой, осанкой и поведением заметно отличалась от всех окружающих. Она была очень красива и одета по последней парижской моде, передвигалась быстрее, чем большинство русских, и плакала от волнения. Ее глаза блуждали в поисках недочетов, которые тотчас же устранялись. Она пользовалась большим влиянием и резко выделялась на фоне обитателей Буромки.

Служба закончилась, но мы остались на своих местах, я стояла между свекровью и мужем, и все присутствующие, начиная со старика священника и заканчивая младшей девушкой-служанкой, проходили мимо нас, их представляли мне, и они целовали мне руку. Многие из этих преданных слуг уже давно находились на службе в семье моего мужа.

Приковыляли два старика, знавших Сперанского [37 - Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) – один из виднейших и знаменитейших государственных деятелей России. Сын сельского священника, он достиг высоких постов на государственной службе благодаря своим выдающимся способностям. Некоторое время был главным советником императора Александра I и вторым человеком в государстве. В 1839 году за работу по составлению законов ему был присвоен титул графа.], умершего в 1839 году! Многие начинали служить еще при крепостном праве, и практически все родились и выросли в поместье. Вперевалку подошла старушка, няня моего мужа, с новой золотой брошью на необъятной груди. Обняв и расцеловав Кантакузина, она поцеловала мою руку, при этом мне показалось, будто она так по-матерински ласково выглядит, что я с восторгом поцеловала ее в обе румяных щеки. Она крепко обняла меня и улыбнулась в ответ, с этих пор я обрела в «бабушке Анне Владимировне», как ее называли, верного союзника.

Вскоре между мной и всеми слугами установились чрезвычайно дружелюбные отношения, и почти двадцать лет я видела с их стороны только доброжелательность, понимание и преданность. В первую очередь превосходные качества этих простых, скромных деревенских людей заставили меня полюбить мой новый дом. Впоследствии, когда я узнала их, а также их соотечественников лучше, подобные качества заставили меня восхищаться русскими представителями всех классов за их внутреннее благородство, терпение и мужество.

Прошло некоторое время, прежде чем я привыкла к размерам и сложному плану старого дома, первое время я часто терялась и спрашивала дорогу. Много в Буромке мне нравилось, и многое вызывало изумление. Обычная американская экономка, наверное, сошла бы с ума от многих неудобств. То, что воду для этого огромного хозяйства приходилось накачивать вручную; то, как чистили туалеты; тот факт, что двое мужчин целыми днями чистили, наполняли и зажигали керосиновые лампы; то, что все мы жили с незапертыми или даже открытыми окнами и дверьми – французские окна на террасах

оставались летом открытыми на всю ночь, при этом драгоценности лежали в безопасности годами, даже поколениями, – все это не могло не изумлять!

Сама страна была очень красивой, и я не могла решить, что мне больше нравится: равнинные земли степи с великолепием волнующегося урожая, с бороздами полей шоколадного цвета, столь полными обещания, или же леса, а может, наибольшее восхищение у меня вызывали простирающиеся в своем мирном спокойствии луга, по которым протекали ручьи и где пасся скот. Количество животных и разнообразие работ в имении поражало, и моему американскому разуму казалось интересным и занятным размышлять о том, каким самодостаточным было наше хозяйство, находившееся в семидесяти верстах (примерно в сорока шести милях) от почты, телеграфа, железной дороги и электричества. И все же жизнь здесь была совершенно цивилизованной, удобной и продвигалась как хорошо смазанный механизм.

Через два-три дня княгиня уехала в Петербург, сопровождая моего юного деверя в школу, а мы остались недели на две и насладились золотым великолепием ранней осени. Мой муж провез меня по всему имению, и во время моего первого пребывания в российской деревне я много узнала об управлении во всей сложной взаимосвязи. Первоначально в его состав входило тридцать тысяч десятин (около двух и двух третей акра составляет десятину). С отменой крепостного права половина земли была отдана императором освобожденным крестьянам, и правительство заплатило номинальную цену собственникам за конфискованную землю. В течение жизни трех следующих поколений по различным причинам пришлось пожертвовать еще некоторыми небольшими частями земли Буромки, но нам по-прежнему принадлежало тринадцать или четырнадцать тысяч десятин земли. Переплетаясь своими границами с крестьянскими общинными землями, оно представляло собой приятное зрелище и вызывало у хозяина чувство, будто он повелитель маленького королевства со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями.

Ближайшая деревня была чрезвычайно живописной, но я испытывала душевную боль при виде жалкого положения вещей, царившего там, и нездорового вида многих жителей. Расположенная на зеленых покатых берегах крошечного озера, она была идеально красивой и являла собой пример глубоко укоренившегося стремления русских людей к сочетанию практичного и красивого. И люди, и скотина пили и купались в кристально чистой воде. Их дома, окруженные деревьями и пестрыми цветами, издали производили очаровательное впечатление. Но если к ним приблизиться, все менялось, ибо все соломенные крыши нуждались в ремонте, их продувал ветер, они пропускали снег и дождь. У домов были в основном покосившиеся стены и крошечные окна, укрепленные штукатуркой. Повсюду видны следы бедности, несчастья, грязи, беспомощности, перенаселения и неудобства. Меня очень огорчала мысль о том, что люди, обслуживающие нас в доме или в имении с жизнерадостными лицами, распевая за работой веселые песни, у себя дома в деревне жили в таких скверных нездоровых условиях.

Отец моего мужа давно умер, а свекровь, пока дети были несовершеннолетними, подвергалась со стороны своих управляющих почти такой же эксплуатации, как и крестьяне, к тому же она подолгу отсутствовала в имении. Она много сделала, чтобы улучшить особняк и другие постройки имения, но столкнулась со значительным ежегодным дефицитом, вызванным слишком большими расходами и недостаточным производством. Людьюми она не слишком много занималась. Не знаю, такая ли ситуация

сложилась по всей России, но мне говорили, что Буромка представляла собой образец процветания и будто крестьяне Малороссии [38 - То есть Украины.] были счастливее и способнее тех, которые жили в северных областях.

Долгое время мне было трудно понять, почему нашим людям приходится больше страдать, чем жителям других земель. Постепенно я узнавала о событиях, происходивших с русскими в течение столетий, и эти люди нравились мне все больше, особенно когда с 1900 по 1914 год я внимательно наблюдала за их жизнью.

В середине ноября мы отправились из Буромки в столицу. Начались проливные дожди, обещавшие нашим вспаханым полям плодородие, но превращавшие дороги в трясины. Шесть лошадей, запряженных в огромную дорожную карету, наподобие ландо, с трудом тащили ее по густой грязи, налипавшей на ступицы колес; так что мы опасались увязнуть и провести всю зиму на этой дороге.

Долгое путешествие в старинных поездах, не имеющих удобств, показалось мне забавным приключением, так как у нас было достаточно места, продуктов и множество слуг. Все изменилось несколько лет спустя, но я с интересом вспоминаю эти забавные хлопоты, груды ручного багажа и проворных, всегда готовых услужить людей, которые благодаря каким-то атавистическим чертам и желанию угодить знали, как сделать наше путешествие более легким.

По прибытии в столицу мы должны были остановиться в доме свекрови, она предложила нам часть своего обширного особняка на зиму или до тех пор, пока мы не найдем себе подходящего жилья. Она обещала прислать на вокзал нам навстречу экипаж, чтобы у нас возникло ощущение возвращения домой, как с энтузиазмом заявила она.

Было утро с изморосью, грязный снег тонким слоем покрывал улицы. Едва рассвело, и все казалось унылым и сырым, ледяной ветер дул в лицо. Экипаж по ошибке или по небрежности не встретил нас, так что волей-неволей мы потащились по городу на странном перевозочном средстве, называемом дрожки. Кучер, столь же странный, как и его выезд, правил лошадьё, которая, судя по тому, как она медленно передвигала усталые ноги, работала всю ночь.

Эта поездка была единственным скверным впечатлением, оставшимся у меня от такого великолепного города, который мне было суждено нежно полюбить и который стал моей родиной на многие годы, но тогда мне казалось, будто мы проехали много миль, прежде чем добрались от Варшавского вокзала до Фонтанки, где жила княгиня.

Когда мы наконец добрались до парадного входа и поднялись по большой лестнице в хорошо натопленные комнаты, наше настроение поднялось. Княгиня встретила нас с таким же волнением, как и в Буромке, но менее церемонно. Меня сразу же представили сестре моего мужа и ее супругу. Она обладала незаурядными качествами: маленькая и хрупкая, с нежными руками и прекрасными глазами, она как бы являла собой квинтэссенцию хороших манер. Ей были присущи редкий интеллект, ум и привлекательность. Как правило, застенчивая и не умеющая выставлять себя напоказ, она принадлежала к тем женщинам, о которых французский гений сказал так: «Самые привлекательные женщины никогда не привлекают внимания, но всегда его удерживают».

Я нашла ее очень простой и обаятельной, мы сразу же стали относиться друг к другу по-сестрински и оставались в таких отношениях в течение двадцати долгих лет, став к тому же и верными друзьями. Ее супруг, сердечный и очаровательный человек, тоже сделался моим добрым другом и в течение наших длительных взаимоотношений всегда относился ко мне с симпатией. Постепенно я почувствовала великолепие города, вызывавшего у

меня какой-то внутренний трепет, и почти сразу же ощутила вкус к светской жизни.

В целом же на мою долю сначала выпали тяжелые испытания, так как, приехав в ноябре к Рождеству, я провела три недели больной в постели, а в конце января снова слегла в постель с тяжелым брюшным тифом и оставалась там до Пасхи, затем легкий рецидив снова удерживал меня больной до конца мая.

Когда мой мозг не был затуманен, я ощущала глубокую депрессию оттого, что так много болела, но мой молодой муж оказался превосходной сиделкой; он сам, его брат и сестра всегда были готовы развлекать и веселить меня в долгие часы выздоровления.

В июне мы переехали в собственные апартаменты на берегу Невы, и, хотя они были намного меньше, чем дом княгини, мы с восторгом принялись обустроиваться. Нам обоим нравилась большая река, благодаря которой постоянно менялась картина.

Во время моей болезни зимой приезжала мама, летом она вернулась еще на шесть недель, предприняв с большим терпением долгое утомительное путешествие.

В июле родился наш первый ребенок, великолепный пухлый мальчик с темно-карими глазами Кантакузиных. Он был здоровым и сильным, и я чрезвычайно гордилась этим новым членом семьи.

У моего мужа был брат-моряк, на пятнадцать месяцев его моложе, он вернулся с Востока как раз ко времени рождения Майка. Борис сразу же принял меня и ребенка, которым восхищался. Познакомившись с этим членом семьи, я почувствовала, что у меня есть все основания поздравить себя с тем, что муж дал мне возможность войти в такой милый семейный круг.

Имея прелестный дом, полный любимых вещей, прекрасного сына и симпатичного мужа, я начинала новую жизнь в России. Я чувствовала себя здоровой и сильной после проявленной обо мне заботы во время моих болезней и с нетерпением ожидала возможности приобщиться к жизни петербургского светского общества и познакомиться со всемирно известными людьми, составлявшими его славу.

Глава 7

Первые светские впечатления

Мне было чрезвычайно интересно знакомиться с людьми в Санкт-Петербурге. Это совсем не походило на встречи в светских обществах, когда мы проездом посещали какие-то иностранные города и знали, что скоро уедем и произведенное друг на друга впечатление не имеет существенного значения. Здесь же все было по-иному. Некоторые из этих русских были теперь моими родственниками, любой из них потенциально мог стать другом, и я знала, что мне предстояло всю оставшуюся жизнь провести среди них. Они сильно отличались от приятелей из прошлого. У меня создалось впечатление, будто они намного проще и естественней. Этикет, безусловно, существовал, но его гнет в меньшей степени ощущался в Петербурге, чем в Вене.

Петр Великий учредил градацию рангов, и по правилам ни один армейский офицер рангом ниже полковника не мог появиться ни на одном из придворных приемов с женой, если он или она не состояли при ком-либо из членов императорской семьи. В этом случае они приходили официально как часть свиты. Унаследованный титул совершенно не менял такого положения при дворе. Человек мог быть главой княжеской семьи и все же не иметь придворного звания, в то время как любой полковник, даже будучи низкого

происхождения, из любой части страны имел право явиться с супругой на большой придворный бал.

Рождение имело значение с исторической и светской точки зрения, но не официально, в то время как официальный бюрократический ранг, военный или гражданский, давал определенные придворные права. Об этом мне сразу же сообщила свекровь, а поскольку мой муж в свои двадцать четыре года был всего лишь лейтенантом, хотя и престижного Кавалергардского полка вдовствующей императрицы, невзирая на все наши родственные связи и положение в обществе, он не мог ни взять меня во дворец, ни явиться туда сам, если только не нес там караульную службу. Оставлять свою службу в полку он не хотел, так что, казалось, нам предстоит ждать долгие годы, прежде чем я приобрету официальное право быть представленной двум императрицам [39 - Мария Федоровна (1847—1928) – вдовствующая императрица, в прошлом датская принцесса Дагмара, сестра английской королевы Александры; и императрица Александра Федоровна (1872—1918) – принцесса Гессен-Дармштадтская, воспитанная в Кенсингтонском дворце своей бабушкой королевой Викторией. Прежде чем выйти замуж за представителя русской царской семьи, иностранные принцессы принимали православную веру и им давалось русское имя и отчество.], что являлось первым шагом к признанию при дворе.

Я слышала, что в жизни нескольких женщин это стало помехой на все годы молодости; мне повезло больше, и почти сразу же трудности исчезли с моего пути. Однажды на небольшом балу во дворце великого князя Владимира хозяйка дома великая княгиня Мария подошла ко мне и, взяв за руку, сказала: «Пойдемте, радость моя, я говорила о вас с императрицей, и она разрешила представить вас ей». Меня подвели к тому месту, где стояла молодая императрица, великая княгиня сказала несколько добрых слов и подтолкнула меня вперед, в пустое пространство, остававшееся вокруг правительницы. Она была чрезвычайно тиха и застенчива. Задав два-три поверхностных вопроса, на которые я ответила, она впала в свое обычное состояние молчаливой рассеянности, так что, сделав реверанс, я отошла. Тем не менее, поскольку я все-таки побеседовала с ее величеством, все стали говорить, что мне следует сразу же попросить об официальной аудиенции, и не только императрицу, но и всех великих княгинь. Если кто-то поклонился императрице, проявить невнимание к подобной особе будет неправильно.

Вскоре после этого произошел еще один приятный сюрприз. Совершенно неожиданно я получила письмо от старшей фрейлины вдовствующей императрицы, где говорилось, что герцогиня Камберленд написала письмо с просьбой к ее величеству оказать любезность и принять меня, поскольку та была дружна с моими родителями в Вене. В результате одним прекрасным утром меня пригласили на аудиенцию в Аничков дворец, резиденцию императрицы-матери, и она проявила присущую ей любезность.

Новость об этом нарушении порядка скоро распространилась повсюду, и, как только с представлениями было покончено, я стала получать приглашения на придворные торжества и отныне прекрасно проводила время. Конечно, оказанная мне особая честь вызвала шум, поскольку некоторые женщины, оказавшиеся в подобном положении, годами ждали на обочине, когда судьба предоставит им возможность завоевать признание, в то время как меня повсюду приглашали и я чрезвычайно весело проводила время.

На этом мое везение не закончилось. Во-первых, положение моего мужа упрочилось благодаря тому, что он установил дружеские отношения с некоторыми из молодых великих князей. Великая княгиня Мария устроила для нас небольшой обед, чтобы я смогла все это узнать. В тот вечер на прием пришел герцог Эдинбургский, брат короля

Эдуарда VII; встретив там меня, он рассказал всем присутствующим историю моей семьи и о своем давнем знакомстве с моим дедом. После его рассказа все присутствовавшие надолго запомнили историю моего происхождения, что еще больше облегчило мой путь в светское общество.

Будучи молодой и энергичной и имея подобное покровительство, я испытывала желание угодить своим новым соотечественникам и была готова немедленно занять место среди молодых замужних дам императорской столицы.

Однако, говорят, молодая императрица, увидев меня, неодобрительно высказалась по поводу моего бального платья с глубоким квадратным вырезом вместо классического придворного декольте. Это незначительное изречение повторялось и преувеличивалось до тех пор, пока не превратилось в суровую критику в мой адрес и американских манер в целом. Через неделю все это кончилось ничем, но тогда это принесло мне известность и вызвало ко мне сочувствие. Я конечно же воздерживалась от жалоб, но тот факт, что на многих присутствовавших дамах были надеты платья с таким же квадратным вырезом, как мой, поскольку прием у великой княгини считался частным балом, привел к тому, что удар, нацеленный на беспомощную иностранку, обернулся в мою пользу.

Впоследствии я обнаружила, что в отношениях между петербургскими аристократками и молодой императрицей существует какое-то напряжение. Оно возникло сразу же по приезде ее величества и быстро разрасталось, поощряемое гнусными интриганами, стремившимися использовать императрицу в своих целях. Используя инцидент с моим платьем, четыре или пять молодых женщин на следующий придворный бал намеренно надели платья с квадратным вырезом, а когда суровые замечания императрицы стали повторяться в городе, виновницы принялись энергично защищаться. Начались сплетни и обиды, казавшиеся забавными и нелепыми, но они продемонстрировали, откуда уже тогда, в 1901 году, дул ветер.

Мои первые годы в Петербурге до начала Японской войны [40 - Русско-японская война началась с нападения японцев на Порт-Артур (южная оконечность Ляодунского полуострова) 8 февраля 1904 года и закончилась Портсмутским мирным договором в августе 1905 года; сражения велись за российские морские владения на Дальнем Востоке.] были самыми блестящими со светской точки зрения. Императрица-мать не часто появлялась при дворе, но, когда появлялась, занимала первое место. Беседа ее была такой же веселой и милой, как она сама. Она умела сделать так, чтобы в ее обществе люди чувствовали себя непринужденно, казалась очень человеческой и женственной, вдохновляя человека на лучшее. Ее манеры в точности напоминали манеры сестры, герцогини Камберленд, и мне казалось, будто я знала ее всегда.

Однажды ее доброе отношение и такт спасли меня в тягостной и ложной ситуации, в которую я попала из-за немецкого кронпринца. Последний приехал с недельным визитом, насколько я помню, в 1902 году. Это было в то время, когда немецкий император пытался склонить на свою сторону нашего императора и когда он настойчиво напоминал о том, что наша молодая императрица – его двоюродная сестра; и мать кайзера, и мать нашей императрицы были дочерьми королевы Виктории: старшая дочь английского короля и Алиса Английская.

Немецкий кайзер придумал план отправить своего старшего сына, тогда все еще неженатого, в Россию, чтобы проинспектировать полк, почетным командиром которого был Вильгельм II, и провести неделю при дворе. Наш император прикомандировал к кронпринцу троих офицеров и нескольких секретарей. Во главе этой группы стоял старый

князь Долгорукий, один из «генерал-адъютантов» императора, кроме того, «генерал императорской свиты». А поскольку гость был молодым, спортивным, не говорил по-русски и не хотел говорить по-французски, в качестве сопровождающих были избраны мой муж и адъютанты его величества.

Кантакузин, один из лучших в России наездников и сильный игрок в поло, привлек внимание молодого Вильгельма. Беседу они всегда вели по-английски, этот язык Вильгельм любил и говорил на нем с легкостью. Они с мужем прекрасно поладили.

После первого придворного обеда и дневного официального приема в немецком посольстве кронпринц, к несчастью, тяжело заболел инфлюэнцей. По этому случаю отменили придворный бал. Бал в немецком посольстве состоялся без него. Старый великий князь Михаил [41 - Михаил Николаевич (1832—1909) – великий князь, двоюродный дед Николая II.] тоже не отменил своих приглашений, и кронпринц, к счастью для себя, смог прийти.

Помимо членов императорской семьи и их придворных, присутствовали веселые сверхмодные молодые замужние дамы с лучшими из великолепных офицеров-холостяков гвардейского полка в качестве партнеров в танцах. Члены германского посольства пришли в полном составе и были единственными приглашенными дипломатами. Женатыми были только посол и граф Лютвиц, военный атташе. Про графиню Альфенслебен говорили, будто она была интимной подружкой немецкого кайзера. Она выглядела старой и некрасивой, одевалась ужасно, отличалась неприятными манерами и делала все по установленным правилам. Волосы ее были зачесаны наверх и закреплялись с помощью какой-то зеленой конструкции, которую мы, непочтительная молодежь, называли теннисной сеткой. Она легко раздражалась и пыталась нам указывать.

Маленькая жена Лютвица, американка по происхождению, настолько «онемечилась», что разговаривала на языке своей матери, строя фразы по немецким конструкциям, и по-английски называла своего мужа «my man»! Лютвиц не пользовался у нас любовью, и мы всегда сочувствовали его жене, но ее привязанность ко всему немецкому стала действовать на нервы даже тем из нас, кто, как и я, пытался проявлять любезность по отношению к ней поначалу.

Когда я вошла в большой бальный зал, графиня Лютвиц подошла ко мне и обратилась по-английски:

– Мы как раз собираем женщин, чтобы представить их кронпринцу, когда он приедет с их величествами. Не хотите ли присоединиться? Вы очень хорошо танцуете и, я уверена, захотите быть представленной его высочеству.

Я тотчас же решительно ответила, что, если кронпринц действительно хорошо танцует, я буду рада, если мне его представят, но не намерена быть представленной ему:

– Меня никогда не представляли ни одному из мужчин. Нашего кронпринца всегда представляют дамам, как любого иного джентльмена.

– Но при немецком дворе другие правила этикета, кронпринц удивится, если мы поступим по-иному. Он не станет танцевать с вами, если вас должным образом не представит ему графиня Альфенслебен, – настаивала маленькая графиня, начиная раздражаться.

Меня ужасно позабавило, как эта американка могла рассуждать подобным образом, и я со смехом отозвалась:

– Дорогая графиня, это не Берлин, это Санкт-Петербург, и нага этикет предполагает, что

русский джентльмен просит представить его даме. Муж говорил мне, что ваш кронпринц в высшей степени вежливый; поэтому, полагаю, он будет следовать нашим обычаям во время своего визита. Если же нет и если для того, чтобы потанцевать с ним, мне придется стоять в очереди, чтобы быть представленной ему, то я лучше буду довольствоваться русскими партнерами на этом балу. Так что, пожалуйста, забудьте обо мне.

Некоторые дамы присоединились ко мне, и мы встали как можно дальше от входной двери. Мы все еще стояли там, когда заиграла музыка и в дверях показались члены царской семьи, и среди них брат императора Михаил, превосходный танцор и один из моих любимых партнеров. Он пересек зал и пригласил меня на открывающий бал вальс. По окончании его он пригласил меня быть его партнершей в мазурке. Затем сказал:

– Я хочу представить вам нашего кузена. Он вам понравится, и танцует он чрезвычайно хорошо.

Он отошел, вызвал из стоявшей у двери толпы Вильгельма, привел его в нашу сторону зала и вполне непринужденно представил его мне, а затем всем стоявшим рядом дамам. Кронпринц ничуть не был шокирован подобным нарушением этикета и, оказавшись впервые по прибытии в таком молодом и веселом обществе, тотчас же с энтузиазмом проявил свои великолепные качества танцора. Он пригласил меня на вальс, я приняла приглашение и ощутила злорадную радость, когда мы проносились мимо того угла, где стояли немецкие дамы, с каменным выражением глядя на меня и моего блистательного партнера. Все шло гладко. Я танцевала без перерыва до ужина, а за ужином должна была сидеть за маленьким столиком со своим партнером князем Оболенским. Кронпринцу предназначалось место справа от императрицы-матери за ее столом, поскольку он был почетным гостем. Какая-то важная пожилая дама должна была сидеть с другой стороны от него. Князь Долгорукий подошел к нам, объяснил план и сказал, что, поскольку императрица-мать сядет рядом с хозяином, Вильгельм должен присоединиться к другой даме и сопроводить ее на ужин. Тут высокомерие и капризность молодого немца проявились в первый раз.

– Не хочу; я уже пригласил партнершу, вот эту княгиню, и она должна пойти со мной к столу ее величества! – воскликнул он.

Тогда я отважилась принять участие в разговоре:

– В самом деле, сэр, я не могу ужинать с вами; во-первых, потому, что я ни за что на свете не стану вторгаться за стол императрицы-матери, а во-вторых, я не могу покинуть своего партнера, вот и князь Оболенский пришел за мной. Так что спасибо и au revoir.

Я стала вытаскивать руку из-под его руки и повернулась к ждущему меня партнеру по ужину. Но кронпринц, сжав мою руку так, что я не могла освободить ее, повернулся к старому князю Долгорукому и довольно грубо заявил:

– Я же вам сказал, не пойду; или княгиня сядет за тот же стол, где сижу я, или я не пойду. Устройте все по возможности.

Я решительно запротестовала:

– Право, сэр, невозможно изменить планы нашего хозяина, вы уедете и не испытаете на себе последствий, в то время как меня, живущую здесь, обвинят в стремлении выделиться. Я не могу на это согласиться, извините меня.

Кронпринц пришел в ярость и так сердито запротестовал, что князь Долгорукий, совершенный придворный, обратился ко мне со словами:

– Будьте любезны, оставайтесь с его императорским высочеством, пока я разужинаю, что можно предпринять.

Я была по-настоящему раздражена сложившейся ситуацией, но никак не могла справиться со своим надменным спутником.

Вскоре вернулся князь Долгорукий и сказал:

– Не пройдет ли вы за стол, где сидит ее величество? Одна из великих княгинь уступает вам свое место.

Кронпринц наконец отпустил мою руку, а когда мы приблизились к императрице-матери, она подняла глаза и улыбнулась. Вильгельм низко склонился над ее рукой, а я присела в реверансе; она протянула мне руку, и я ее поцеловала. Ситуация, похоже, ее забавляла, она спросила кронпринца:

– Вы сядете здесь? – и обратилась ко мне: – Садитесь с другой стороны.

Я отошла от нее, обошла место принца и приблизилась к спинке того стула, на который указала мне императрица, как откуда ни возмись, ко всеобщему изумлению, появилась старая графиня Альфенслебен, шагнула к моему стулу и плюхнулась на него со словами:

– Nun also! Dass ist jetzt mein Platz! [42 - Ну, тогда это мое место! (нем.)]

Императрица-мать с трудом сдерживала смех, а кронпринц, казалось, вот-вот взорвется. Я уже готова была расплакаться, когда один из джентльменов, сидевших через два стула от жены немецкого посла, встал со словами:

– Княгиня, садитесь сюда. С позволения ее величества, я сяду за любой другой стол, а вы можете занять мое место.

– Да, садитесь туда, – согласилась императрица и одарила любезного придворного и меня лучезарной улыбкой.

Все это, конечно, породило какие-то разговоры, но вскоре они заглохли, поскольку ее величество и впоследствии относилась ко мне так же любезно, как и во время этого непредвиденного случая.

С тех пор каждый год 1 января мы получали поздравительную телеграмму или какой-нибудь сувенир от кронпринца: небольшой его портрет верхом, его фотография с невестой, три или четыре акварели с изображением старинной формы, которую носили его полки, портрет его старшего сына. Однажды, когда я оказалась проездом в Берлине, его императорское высочество, узнав об этом, позвонил мне по телефону и пригласил «пойти вместе со мной и моей женой на пьесу и поужинать». Я приняла приглашение, и они заехали за мной совершенно без церемоний, кронпринц зашел за мной в отель, а затем проводил до дверей. Мы спокойно и приятно провели вечер. Кронпринц очень любезно обращался со своей женой, и они казались подходящей парой. Примерно год спустя, когда они посетили Россию, у меня создалось такое же впечатление. Но я скорее была готова поверить в его пороки, чем в добродетели, так что, когда началась война, я без малейших колебаний выбросила те подарки, которые он присылал нам в течение десяти – двенадцати лет.

Однажды кронпринц чуть не оказал мне плохую услугу, которая могла бы привести к весьма плачевным последствиям, если бы не рыцарство и смысленность русских. Это произошло в начале февраля 1915 года. Однажды меня позвал к телефону генерал Раух, наш старый испытанный друг, в то время занимавший важный пост в военном ведомстве столицы. Он умолял меня принять его незамедлительно и наедине. Я согласилась, в душе удивляясь его странной просьбе. А когда несколько минут спустя он появился, выглядел более озабоченным и мрачным, чем всегда.

Я спросила:

– Что за тайна, дорогой генерал? Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет, – ответил он, – разве что ответить на несколько моих вопросов. Вы ждали каких-нибудь сообщений из-за границы?

Я принялась перечислять различных членов моей семьи, регулярно писавших мне, но Раух перебил:

– А нет ли у вас корреспондента в Германии?

– Нет, – ответила я.

– Тогда можете ли вы мне объяснить, что это такое? – спросил он, доставая из своей полевой сумки большой конверт. – Может, он адресован кому-то другому?

Я взяла конверт и прочла адрес.

– Я единственная княгиня Кантакузина, урожденная Грант. Он предназначен мне, причем адрес написан чрезвычайно своеобразно: только «С. – Петербург, через Румынию». Он запечатан большой красной печатью с буквой «В» и немецкой императорской короной. Да, я с уверенностью могу сказать вам, генерал, что вы найдете, если откроете его; это будет портрет немецкого кронпринца или какая-нибудь связанная с ним картина. Он посылает мне подобные сувениры каждый год на 1 января. В этом году я ничего не получила, но, должна признаться, надеялась, что его императорское высочество в достаточной мере обладает умом и благородством, чтобы понять, что в военное время его подарок неуместен и может даже скомпрометировать.

Возможно, мне это прислали из-за глупости какого-нибудь отвечающего за подобные дела секретаря, оставленного в Берлине; он отправлял подобные поздравления от имени кронпринца каждый год, и на этот раз взял привычный лист, не внося в него поправок.

Раух внимательно осмотрел конверт.

– Нет, на нем стоит штамп пятой армии, той самой, которой командует сейчас молодой Вильгельм на Западном фронте, к тому же на нем подпись его гофмаршала – маршала его двора. Боюсь, он послан самим кронпринцем. Как вы думаете, что лучше с ним сделать? Большой конверт поступил сегодня утром к цензорам и произвел сенсацию. Об этом деле доложили начальнику комитета, а он позвонил в наше ведомство, поскольку понимал, что не должен необдуманно обвинять вас. Я предложил избавить его от этого дела, взяв все на себя. Я не сомневаюсь (если вы утверждаете, что не получали и не писали писем) в том, что вы говорите правду, и я заверю в том начальника цензурного комитета. На этом моя миссия заканчивается, но мне хотелось бы знать, что вы собираетесь предпринять?

Во-первых, я предложила подарить портрет ему, на что он ответил решительным отказом; во-вторых, я сказала, что тотчас же напишу обо всем мужу и попрошу проинформировать о случившемся главнокомандующего, так чтобы последний, услышав об этой истории из какого-нибудь другого источника, не подумал, будто я пыталась ее скрыть; в-третьих, я решила рассказать об этом князю Орлову [43 - Орлов Владимир Николаевич (1868—1927) – князь, потомок знаменитой семьи, профессиональный армейский офицер и член свиты Николая II.]. Я хотела, чтобы он владел всей информацией на случай, если госпожа Вырубова [44 - Вырубова Анна Александровна (урожденная Танеева) (1884—1964) – фрейлина и доверенное лицо императрицы Александры Федоровны. Было широко распространено мнение, что через Вырубову осуществлялась связь Александры Федоровны с пользовавшимся дурной славой Распутиным и что она оказывала плохое влияние на императрицу.] услышит эту историю от своих шпионов и попытается использовать ее мне во вред.

Наконец я сказала:

– Дорогой генерал, если вы не примете это в подарок, кому мне его предложить? Я не

хочу иметь его в доме.

И Раух ответил:

– Я считаю, что вы намерены предпринять мудрые меры. Может, вам стоит посоветоваться с мужем или с Орловым, что делать с этой вещью.

Мне хотелось отослать портрет назад. Я думала, что это будет наилучший способ отомстить за отвратительную выходку надменного кронпринца. Я была уверена, что он хотел доказать, что независимо от того, как он и его армия поступали с союзническими войсками, его престиж в глазах знакомых оставался незатронутым. Или же он сделал это для того, чтобы скомпрометировать меня и моего мужа и просто причинить неприятности. В любом случае все это выглядело отвратительно, и я жаждала расплаты.

Я написала мужу, который рассказал обо всем своему начальнику. Последний посмеялся над этой историей, сказав, что я поступила правильно, и посоветовал больше не думать об этом. Затем я рассказала Орлову. Он так же, как и я, счел, что будет забавно отослать портрет, и попытался сделать это по одному из нескольких возможных каналов. Немецкий цензор не допустил бы, чтобы он дошел до места назначения обычной почтой; и, конечно, ни одно из посольств нейтральных стран не согласится, чтобы его перевезли их курьеры. Мы пришли к такому выводу, посоветовавшись с американским поверенным в делах; никто из членов Красного Креста тоже не мог взять на себя перевозку такого нежелательного груза. Очевидно, этой картине предстояло остаться в моих руках в качестве ненужного подарка, который неизвестно куда девать.

Моя свекровь, которую чрезвычайно взволновало это происшествие, посоветовала мне разорвать портрет и вернуть в сопровождении оскорбительного письма, но я скорее испытывала холодный гнев, чем кипела гневом, и считала, что подобный поступок не выразит моих чувств.

Я убедила Орлова положить отвратительную вещь в свой сейф, что он и сделал, там она и хранилась до тех пор, пока мне не пришлось покинуть Россию. Тогда он вернул портрет мне как память об одном из моих друзей, сказал он, и как рекомендация Троцкому-Бронштейну [45 - Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) – ведущая после Ленина фигура в большевистской Октябрьской революции 1917 года. Был первым советским комиссаром (министром) иностранных дел (1917—1918); во время Гражданской войны (1918—1921) в различных должностях возглавлял Красную армию.] в том случае, если большевики схватят нас на границе! К счастью, этого не произошло, и, думаю, Вильгельм больше не посылал мне своих портретов.

Глава 8

Русско-японская война

В течение этих первых лет я делила свое время между обязанностями по дому с его детской и насыщенной светской жизнью, личной и официальной. Я стала ощущать, что у меня появляется много друзей – как мужчин, так и женщин, и я во многом становлюсь русской. Мне нравилось все, что я делала, и хотелось, чтобы те, кем я восхищалась, почувствовали мою симпатию и мое восторженное отношение. Они, похоже, поверили в мою искренность и вскоре полностью приняли меня.

Молодость и приподнятое настроение не помешали мне увидеть много печального в России. И в деревне, и в городе распространялось какое-то тоскливое настроение,

сулившее в будущем беду. Особенно отчетливо оно стало ощущаться к концу 1903 года.

Я предприняла ряд довольно оригинальных попыток начать вести наше домашнее хозяйство. К счастью, у меня было немного теорий, да и от тех вскоре пришлось отказаться. У домашних слуг были свои традиции, и они считали их более важными, чем идеи какой-то пришелицы. Мне легче было перенять их привычки, чем им воспринять мои. Они всегда называли все «нашим», прилагали немало усилий, чтобы наши небольшие приемы имели успех, и очень гордились ими. Все слуги были «нашими детьми» и такими же членами семьи, как мы сами. Они надеялись, что мы позаботимся о них, будем интересоваться их личными делами, и были уверены, что мы поможем им в беде и простим их промахи.

За все те годы, что я провела в России, ни один слуга не ушел от нас по собственному желанию, и только нескольких из них уволили – тех, кого наняли случайно. Они не соответствовали установившемуся патриархальному быту. В доме серебро, драгоценности, деньги и другие ценности хранились в шкафах и буфетах, которых никто никогда не закрывал. Поступить так значило бы нанести оскорбление, ибо, насколько мне известно, ничего, даже мало важного, там никогда не пропадало.

Младенец, маленький Майк, был общим достоянием. Старик Август, камердинер его прадеда, и няня его отца, бабушка Анна Владимировна, вели нескончаемые дискуссии с его собственной няней о том, на кого он больше похож. Как только мальчик родился, Август преподнес мне в подарок консервированную клубнику, которую я как-то попробовала у княгини и назвала превосходной. Между прочим, княгиня тоже ее высоко ценила и подавала нечасто, поскольку консервы делались из превосходных и чрезвычайно крупных ягод, выращиваемых в теплицах Буромки. Я тогда поблагодарила Августа, не придав этому событию большого значения, и сочла, что он просто проявил ко мне внимание, угостив лакомством, которое мне нравилось. Но однажды, когда опять подали клубнику, я стала расспрашивать и обнаружила, что старик просто позаимствовал свой подарок из находившейся в его распоряжении кладовой. «Княгиня не стала бы возражать; да она никогда и не узнает, а если даже узнает, я скажу ей, что намного лучше возбудить у вас аппетит во время болезни, когда вы подарили нам молодого князя, чем угощать этими консервами гостей». Так он объяснил свой поступок – и ни признака сожаления по поводу того, что он распоряжался тем, что ему не принадлежало. Напротив, по его мнению, с одной стороны, были они с княгиней, а с другой стороны – я, большое дитя, заслуживающее всего самого лучшего. Можно принять и такие законы морали, не лишённые своей логики.

Помню, какие драмы разыгрывались каждую неделю, когда свекровь оплачивала счета и бранила Августа за преступления, в которых он никогда не признавался. И это продолжалось до тех пор, пока не удавалось, к его удовлетворению, оплатить все счета. В процессе обсуждения его не раз называли вором, поскольку его счета на продукты неизменно были преувеличены, с тем чтобы покрыть дополнительные суммы, которые он выделял для моего юного деверя [46 - Кантакузин Сергей Михайлович (Гай) (1884—1953) в то время был зачислен в Императорский Пажеский корпус, одно из элитных средних учебных заведений, основанных в XVIII веке для сыновей дворянства. По окончании корпуса учащиеся получали звание офицера и поступали на военную службу.], таким образом увеличивая предоставляемые мальчику карманные деньги, чтобы тот мог их потратить на сладости или развлечения в Пажеском корпусе.

После того как все расходные книги были досконально изучены и счета оплачены,

свекровь обычно говорила: «А теперь признайся, что украл по крайней мере двадцать рублей для Гая». Август складывал деньги в карман, брал книги под мышку и отвечал: «Что ж, ваше сиятельство, юность у мальчиков длится так недолго, и им нужно всегда немного больше, чем то, что они имеют» – и, довольный, уходил, в то время как княгиня со слезами на глазах говорила нам, как растрогал ее старик и как он любит Гая. Теоретически неверная линия поведения, но на практике все получалось хорошо.

Этот юный брат принадлежал всем нам и имел свое особое место в нашем небольшом доме. Фактически оба моих деверя большую часть свободного времени проводили за моим чайным столом. Наш малыш всегда ползал, а впоследствии ходил и играл рядом с камином в моем салоне в пять часов. Это время стало самым приятным временем дня, оно предназначалось для тихой беседы и спокойных дискуссий, из которых я почерпнула больше сведений о России и о моих новых соотечественниках, чем каким-либо иным путем. За окном был мороз, а в доме огонь камина, поющий чайник и уютные кресла помогали заглянувшему к нам гостю оставить чопорность и стать проще. Приятные товарищи по полку, несколько симпатичных иностранных дипломатов, некоторые пожилые люди, с которыми я познакомилась во время обедов, стали постоянно приходить и основали интимный круг, который с годами значительно разросся. Мне нравились эти люди, и муж, первоначально избегавший этих чаепитий, со временем приобрел привычку возвращаться из своего клуба, выкуривать последнюю дневную трубку в своем кресле и присоединяться к непринужденной беседе. Я много узнала об увлечениях, царивших в полку, об идеалах и привычках людей, составлявших нашу организацию. Мне почти не приходилось задавать вопросов – так быстро прогрессировало мое образование.

Слушая каждый день своих посетителей, я стала воспринимать их отношение ко всему окружающему, осознавать величие культуры, которой они обладали. Литература, искусство и музыка страны, ее история и великое прошлое сделали их, так же как и крестьянство, тем, чем они стали. Все это было чрезвычайно интересно, и я все больше и больше любила своих русских друзей.

Довольно странно, но при воцарившемся видимом спокойствии эти люди проявляли признаки беспокойства по поводу будущего. Очень часто они заводили разговор о крестьянах, об их отсталости и необразованности и в то же время об их уме, они говорили о своих попытках развить эти темные массы. О бюрократии почти всегда отзывались с раздражением и досадой, порой критикуя Петра Великого за то, что он ввел ее со всей присущей ей неповоротливостью государственного аппарата. Они жаловались на те трудности, с которыми сталкивается человек, пытающийся совершить нечто полезное для окружающих, а также много говорили о царящей вокруг несправедливости и распространившемся фаворитизме. Та группа, которая желала реформ и улучшений, была огромна, она решительно осуждала политику императрицы, направленную на самоизоляцию, говорили о том, как нежелательна эта замкнутая в своем кругу жизнь правителей, о сокрытии различных скандальных разоблачений, выявленных в Сибири. Постоянно повторялись и предавались анафеме имена Алексева и Безобразова [47 - Абаза Алексей Михайлович (1853—1915), Алексеев Евгений Иванович (1843—1909) и Безобразов Александр Михайлович (1866—1933) содействовали агрессивному проникновению России на территорию Кореи, что привело к началу Русско-японской войны. Алексеев был незаконнорожденным сыном царя Александра II и, следовательно, двоюродным дедом Николая II.]; на мой вопрос, что они сделали, последовал ответ: «Воруют и эксплуатируют!» На горизонте вырисовывалась фигура Витте [48 - Витте

Сергей Юльевич (1849—1915) – государственный деятель, решительно настроенный на модернизацию; находясь на посту министра финансов с 1892 по 1903 год, стал вдохновителем индустриализации России; в 1905—1906 годах первый премьер-министр России.], обещавшего стать значительной фигурой в истории.

Время шло, и те, кто хвалил Витте, и те, кто его порицал, находили достаточно доказательств, чтобы подтвердить свою точку зрения. У первых он пользовался хорошей репутацией за Портсмутский договор [49 - В качестве полномочного представителя России на Портсмутской конференции, созванной президентом Теодором Рузвельтом, Витте добился заключения мира с Японией 5 сентября 1905 года.], где вел переговоры, невзирая на постоянно меняющиеся приказы и враждебное отношение к нему дома. Его друзья в равной мере восхищались им за тот манифест [50 - Императорский манифест от 30 (17-го по старому стилю) октября 1905 года, заложивший основу преобразования самодержавия в конституционную монархию, был написан Витте.] 17 октября, который он вынудил подписать правителей во время революции. Противники Витте нападали на него за те же самые действия, утверждая, будто мирный договор был подписан, когда Россия еще могла выиграть войну, поскольку Япония была истощена, а манифест стал проявлением трусости со стороны Витте, хотя он всегда являлся либералом.

Задолго до этих событий он совершил поездку по Сибири, и повсюду его встречали с такими огромными почестями, что, как утверждают сплетники, могло вызвать зависть со стороны монархов. Транссибирская железная дорога в значительной мере была творением Витте, выступавшего, насколько я знаю, за экономическое развитие восточных окраин империи. Но действия Германии и определенные политические влияния на родине привели к созданию ситуации, пробудившей подозрения со стороны Японии. Это, в свою очередь, создало такую атмосферу, что требовалась всего лишь искра, чтобы разжечь огонь войны. Даже злейшие враги Витте никогда не отрицали, что его талант удержал Россию от финансового краха во время войны и революции 1905 года и что он поднял промышленность на такой уровень, какого не достигал никто до него. Но при этом всегда добавлялось, что это не подходит славянам [51 - Намек на учение славянофильства, придававшего особое значение России и подчеркивавшего отличия славян и православных людей от Европы.] и не может принести добра такой по природе своей сельскохозяйственной стране, как наша, и что Витте, возможно, и разбирался в иностранных делах, но плохо знал собственный народ.

Я все это слушала, и мое любопытство возрастало до тех пор, пока однажды не познакомилась с его женой, о которой тоже много сплетничали. Она считалась дамой с неясным прошлым, но мне показалось, что оно считается таковым только потому, что многие неуравновешенные люди рассказывают о ней какие-то невероятные истории. Она держалась с достоинством, эта женщина лет сорока пяти, обладавшая мрачной красотой, благородными манерами, умным выражением лица и светящейся улыбкой. Ее одежда, простая по фасону, безукоризненно сидела на ее все еще красивой фигуре. На ней было мало украшений и драгоценностей, но те, что она носила, внушали восхищение. Держалась она с гордостью, никогда первой не заводила разговор, однако отвечала достаточно тепло, чтобы казаться благодарной, и речь ее была интеллигентной и культурной. Она была еврейкой по происхождению, но принадлежала к русской православной церкви и посещала ее, вышла замуж за Витте довольно поздно, и он удочерил ее дочь и дал ей свое имя.

Мадам Витте никогда не принимали при дворе, однако мало-помалу она собрала вокруг себя группу друзей, которых крепко удерживала. Когда мы познакомились, я сочла, что она обладает определенным магнетизмом, и впоследствии с любопытством наблюдала за ее карьерой, так же как за карьерой ее мужа. Он затмил собой все прочие политические фигуры в тот промежуток времени, когда я поняла всю глубину драмы, разыгрывавшейся в России, закончившейся роспуском 1-й Думы. Она по-своему сыграла свою роль так же блестяще, как и ее супруг.

Витте, похоже, не слишком интересовался светскими знакомыми, но тех, к кому относился хорошо, одаривал живой интересной беседой. Два-три раза мне представилась возможность насладиться его беседой. Ему очень понравились американцы во время его короткого визита в Соединенные Штаты. Он познакомился с моими родителями и вспоминал продолжительную беседу с отцом и восхищался красотой матери.

За обеденным столом он обычно бывал крайне молчалив. Многие женщины, сидевшие рядом с ним, считали, что он намеренно их оскорблял, и утверждали, будто испытывали мучения, когда слышали, как он ест суп. Один знакомый рассказывал мне, что видел, как он взял куриную ногу и бросил кость под стол! Этот великий человек отличался безобразной внешностью, но имел глубокие красивые глаза и умелые руки. Он был огромным и казался сильным, хотя и не отличался плотным сложением. Мне его наружность казалась довольно интересной, так же как и его речи. Похоже, единственное, что привлекало его в обществе, – это возможность видеть, что жена окружена вниманием, а приемная дочь веселится. По мере того как его власть росла, вокруг них собиралась все большая толпа жаждущих извлечь какую-то выгоду. Дочь вышла замуж за Нарышкина, потомка одной из знатнейших семей империи, и у юной пары родился сын, хрупкий мальчик. Для того чтобы увидеть Витте в наилучшем проявлении, нужно было наблюдать этого огромного человека с внуком на коленях – большущий медведь умел быть таким же нежным, как старая нянюшка.

В период революции, уступок требованиям общественности, собраний и роспуска 1-й Думы, несмотря на раздраженные нападки на мотивы Витте, я пришла к убеждению, что он искренне желал добра и хотел продвинуть Россию вперед. Думаю, он предполагал провести много либеральных реформ и наладить сотрудничество с наиболее патриотичными силами страны. Но большинство из них почему-то не доверяло ему; заслуженное ли то было недоверие или нет, но оно стало роковым препятствием на пути деятельности, предпринятой Витте. Поскольку лучшие не присоединились к нему, он сблизился с людьми экстремистских взглядов и не очень понимающими людьми, чтобы добиться большинства; затем, разочаровавшись в них или желая установить равновесие, он повернулся к реакционерам и попытался спасти ситуацию, связав себя с ними. Подобное раскачивание оказалось губельным для него и нанесло большой урон престижу правительства и императора, и тот вынудил Витте исчезнуть из общественной жизни, к глубокому разочарованию последнего, в то время как правительство возглавил Столыпин. [52 - Столыпин Петр Аркадьевич (1862—1911) – чиновник Министерства внутренних дел и бывший провинциальный губернатор, принял пост премьер-министра в июле 1906 года; инициатор непопулярного переворота 16 июня (3 июля) 1907 года, ограничившего избирательные права с целью создать более послушную Думу, предложил проект земельной реформы, направленной на то, чтобы упразднить общественную собственность крестьян на землю и создать класс независимых фермеров.]

В последнее время своего пребывания у власти Витте, казалось, утратил мужество. Он

явно боялся принимать решения или предстать перед лицом физической опасности. По собственному требованию он поселился тогда в Зимнем дворце и жил там окруженный охраной; чтобы попасть в салон мадам Витте, приходилось миновать несколько пар часовых. Конечно, его враги извлекали выгоду из подобных поступков. Те же, кто поддерживал его, по-прежнему клялись, что он искренний, дальновидный, патриотичный политик, преданный интересам своего суверена, старающийся преодолеть колебания императора и избавиться от интриг предполагаемых соперников, хотя его величество никогда не поддерживал его в критические моменты. Похоже, именно это воспоминание заставило его так сильно переживать свою отставку, невзирая на новый титул и большое состояние [53 - Витте получил большое денежное вознаграждение при отставке из Министерства финансов и титул графа за свои достижения в Портсмуте.]. Те, кто ненавидел его, утверждали, будто он сам виноват в том, что ему не доверяли и в конце концов отстранили от власти. Я так и не узнала истины, но мне кажется безусловным, что он не из тех людей, которые намеренно внушают веру в свою честность.

Однажды вечером в 1902 году я оказалась на официальном обеде рядом с высоким человеком с выразительным красивым лицом и довольно длинными седыми волосами, слегка поредевшими на макушке. Особенно поразили меня его величавая осанка и бесстрашный пронизывающий взгляд. Обед устраивался в посольстве, и вновь назначенный Глава миссии или его секретари, имея довольно туманные представления о правилах русского этикета, рассадили гостей согласно их происхождению, а не по официальному рангу занимаемых ими должностей.

Некоторые пожилые люди пришли из-за этого в ярость и стали критиковать хозяина, но мой сосед, обращаясь ко мне, с улыбкой сказал:

– До чего же они смешные, не правда ли? Поднимать такой шум по поводу того, где сидеть! Я же со своей стороны должен признаться, что мне доставляет большое удовольствие возможность оказаться в конце стола между двумя молодыми и красивыми женщинами, вместо того чтобы, как всегда, сидеть во главе среди таких же стариков, как я сам. Я благодарен провидению и считаю, что такую систему следует поощрять.

Я была в равной степени рада, поскольку редко имела такого интересного собеседника, как этот. С того вечера началась моя дружба с Плеве [54 - Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904) – министр внутренних дел, убит революционером-террористом.] (ибо это был он, министр внутренних дел), и она продолжалась до его убийства. Я мало знаю о проводимой им политике. Впоследствии слышала, что он был ретроградом и стоял за суровые меры, а также его порой обвиняли за многие неверные действия других. Наверное, если бы мы говорили о политике, то наши мнения часто не совпадали бы, но в течение двух-трех сезонов, когда этот занятый человек довольно часто приходил к моему чайному столу прямо из канцелярии или после заседания Кабинета министров, он, насколько я помню, никогда не говорил о своей работе.

Будучи болтушкой, я пускалась в детальные описания своего последнего бала или же рассказывала о последних достижениях своего малыша, а он маленькими глотками прихлебывал чай и снисходительно слушал, словно рассказ ребенка о своих играх, при этом его лохматая голова опиралась на руку, прикрывавшую глаза. Через час он обычно вставал и уходил со словами: «Спасибо за очень приятный отдых». Я испытывала по отношению к нему острое любопытство. Он знал это и никогда не был банальным. Это была странная дружба, ибо Плеве был старше моего отца. Я знала, что его жена довольно приятная пожилая дама (я встречала ее на официальных приемах, и мы обменялись

визитами), а однажды он упомянул, что у него есть дочь, намного старше меня, но помимо этого я ничего не знала ни о его домашней жизни, ни о работе. Его патриотизм, казалось, не имел границ, и он выполнял свои нелегкие обязанности невероятно решительно, неуклонно жил согласно своим убеждениям и выполнял то, что считал своими обязанностями, не ведая страха и не заботясь о себе.

Наш последний разговор доказывает это его уmonoстроение. Была поздняя весна, и я собиралась через несколько дней уехать в деревню. Плеве пришел попрощаться и оставался до тех пор, пока не ушли один или два других посетителя. Немного помолчав, он поднялся, чтобы произнести слова прощания.

– Жаль, что вы уезжаете, – серьезно сказал он. – Мне очень нравилось время от времени приходить сюда, чтобы провести часок в тишине. Боюсь, что больше не увижу вас.

– Но я вернусь в город осенью, и, надеюсь, вы возобновите эту приятную привычку часто заходить ко мне.

– Если останусь в живых, то, безусловно, буду в числе ваших постоянных посетителей, но те люди, которые считают, что я все делаю неверно, и которые уже пытались недавно меня убить, настойчивее, чем прежде, преследуют меня. Наверное, они скоро до меня доберутся.

– Но вы же министр внутренних дел, в вашем ведении находится полиция. Почему вы не обеспечите свою безопасность? – спросила я.

– Это выглядело бы не слишком красиво и было бы нехорошо, если бы я окружил себя полицией и проявил свой страх, не правда ли? Когда мне нужно что-то сделать, я выхожу, как любой другой человек, невзирая на последствия. Боюсь, у меня только один путь – исполнять свои обязанности и принимать последствия. Если я исчезну, меня заменит кто-нибудь другой. Приятного вам лета, и еще раз спасибо!

Он поцеловал мне руку и ушел со своей лохматой львиной гривой и поднятой головой, спокойной, как всегда, походкой.

Через несколько недель, кажется в июле [55 - 28 (15) июля 1904 года.], Плеве отправился в Петергофский дворец, чтобы сделать свой еженедельный доклад императору. По дороге к вокзалу в его карету бросили бомбу. Экипаж, кучер, лошади и министр внутренних дел – все разлетелось на куски. Я оплакивала трагическую смерть Плеве, ибо знала, что, какой бы ни была его политика, он являлся честным и верным человеком, преданным своему императору и стране, и немногие обладали его мужеством, энергией и бескорыстием. Он с готовностью жертвовал личными желаниями ради постоянной службы отечеству и не боялся угрожающей ему опасности, которую всегда осознавал. Он был первым пожилым мужчиной, с которым я часто встречалась после своего замужества, и казался мне одним из лучших в группе заблуждающихся крайне реакционных чиновников старой России.

С наступлением каждого последующего времени года все ощущали большие перемены. Неожиданно разразилась Японская война. Незадолго до ее начала через Петербург проезжал великий Ито [56 - Ито Хиробуми (1841—1909) – принц, наиболее значительный государственный деятель Японии своего времени, бывший премьер-министром, министром иностранных дел, японским резидентом в Корее.], он надеялся встретить дружеский прием и получить заем. Но наше правительство встретило его недружелюбно, оттолкнув к Англии, где он получил и заем, и вскоре после этого, как я полагаю, договор.

Я узнала от американского посла, что Ито говорил с ним о моем деде. Он слышал, что я вышла замуж и живу в Санкт-Петербурге, и спросил, не мог ли бы посол организовать встречу со мной. Вместо того чтобы сообщить мне об этом, дипломат ответил ему, что не

может ничего сделать.

Я была очень раздосадована, когда мой бывший соотечественник рассказал мне об этом разговоре с государственным деятелем из Японии. Мне было бы чрезвычайно интересно познакомиться с Ито, мои личные поступки никого не возмутили бы и не причинили бы никому беспокойства, ибо русские по преимуществу обладают широкими взглядами. Если и существует какое-то напряжение, возможно неизбежное, в общественных кругах, мне кажется, необязательно подчеркивать его, и нет необходимости, чтобы дипломаты вмешивались в личные взаимоотношения. Я испытывала огорчение и негодование по поводу этого дела, но было уже слишком поздно и невозможно нейтрализовать неблагоприятное впечатление.

Вскоре после этого на первом придворном балу сезона мой юный деверь выступил в роли пажа императора. Находясь за спиной монарха, он обошел всех дипломатов и слышал все его реплики и вопросы, обращенные к главам миссий, а также их ответы. В тот вечер его величество приложил особые усилия, чтобы проявить повышенную любезность по отношению к японскому послу, он уделил ему больше времени, чем кому-либо другому, и всем присутствующим показалось, будто ответное отношение было весьма примечательным. В конце разговора император и представитель Японии выразили удовольствие по поводу того, что некоторые осложнения преодолены и их империи остаются добрыми друзьями. По возвращении домой деверь рассказал нам об этом случае, и некоторые из знакомых подтвердили его рассказ. Но на следующий день, к нашему ужасу, стали распространяться плохие новости [57 - Японцы напали на Порт-Артур 8 февраля 1904 года.]. Был потоплен «Варяг», и почти тотчас же вслед за этим последовало объявление войны. Полк моего мужа не отправляли в Маньчжурию, так что об этой войне я знаю только по слухам. Я еще недостаточно хорошо понимала по-русски, чтобы следить по газетам за ходом военных действий. Чувствовала я себя плохо, наша старшая девочка родилась за несколько дней до того, как в битве при Порт-Артуре был затоплен «Петропавловск». С течением времени меня все больше и больше поглощали события на Востоке: осада Порт-Артура и его блестящая оборона; героические сражения наших войск, недостаточно хорошо снабжавшихся с помощью однокорейной недавно построенной железной дороги; благородные старания князя Хилкова [58 - Хилков Михаил Иванович (1834—1909) – князь, министр путей сообщения с 1895 по 1905 год.], министра путей сообщения, наладить движение поездов с продовольствием и войсками, его бесконечные поездки, огромные трудности, вставшие на его пути, и смерть от изнеможения, когда работа, проделанная с такой гениальностью, была, наконец, завершена. Меня интересовал и престиж Куропаткина. [59 - Генерал от инфантерии Алексей Николаевич Куропаткин (1848—1925) был назначен командующим маньчжурской армией в начале Русско-японской войны, а в октябре 1904 года командующим русскими армиями на Дальнем Востоке, снят с этого поста в марте 1905 года после поражения русской армии при Мукдене.]

Говорили, будто он получил так много икон, что, когда уезжал, пришлось прицепить дополнительный вагон к его специальному поезду. Он возглавлял штаб Скобелева [60 - Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) – генерал, герой Русско-турецкой войны 1877—1878 годов.], блестящего деятеля Турецкой войны, и мало кто сомневался в его способности нести всю меру своей ответственности.

В течение многих месяцев в Петербурге говорили только о маньчжурских новостях, но постепенно содержание разговоров менялось. Появились разочарование и утрата

иллюзий; а также горечь, сожаления, желание отдыха и мира и все возрастающее беспокойство. Поползли слухи о проигранных битвах и затопленных кораблях, о некомпетентности главнокомандующего и других фаворитов; о беспорядках, неразберихе и страданиях в армии; об офицерах и солдатах, героически выполнявших свой долг. Военное министерство доказало свою несостоятельность. Мы постоянно слышали о вмешательстве политической власти в армейские дела; о том, как мешали командованию из Санкт-Петербурга; возможно, имели место зависть и боязнь, что если командующие фронтом урегулируют ситуацию, то приобретут слишком большую власть и слишком много славы.

Был построен новый флот, и ему предстояло отправиться в воды Дальнего Востока. Мой деверь-морьяк отплывал вместе с ним на одном из самых больших кораблей «Александр III». Он с нетерпением ждал отъезда и все же говорил – и его товарищи это подтверждали, – что работа делалась некомпетентными людьми, занявшими свое положение по протекции, а среди подрядчиков и лиц, заключавших контракты, процветало воровство, поэтому все в новом флоте было плохо и невысокого качества. Эти великолепно выглядевшие морские чудовища из нашего нового подразделения были обречены пойти на дно при первом же соприкосновении с неприятелем. Казалось, никого нельзя было наказать за это воровство и преступную беспечность и никакое расследование не было возможно. Среди тех, против кого выдвигали наиболее серьезные обвинения, находился великий князь Алексей. До нас дошли слухи, будто адмирал, который должен был вывести этот флот в море, пришел к императору и на коленях умолял снять с него эту ответственность, поскольку знал, что корабли не обладали хорошими мореходными качествами, не были должным образом оснащены и вооружены. Затем сплетни сообщают нам о том, как император объяснял, что флот в том виде, в каком есть, должен отправляться. Его невозможно перестроить, а генерал должен доказать свою преданность и спасти честь императора.

Император сам хотел отправиться на фронт, ему пришлось выдержать длительные споры на эту тему, в конце концов его убедили не ехать, поскольку его пребывание вдали от столицы в столь тяжелое время могло обострить ситуацию в стране. Она и без того оставалась достаточно серьезной и нуждалась в контроле. Поговаривали о передаче командования над всеми армиями великому князю Николаю Николаевичу [61 - Николай Николаевич (младший) (1856—1929) – великий князь, двоюродный брат отца Николая II. Профессиональный военный, он занимал многие ответственные посты в армии, прежде чем был назначен главнокомандующим русскими армиями в начале Первой мировой войны в 1914 году. Он был женат на княгине Анастасии Черногорской (1867—1935).], поскольку войска под командованием Куропаткина только отступали. Я слышала, что император послал за великим князем и предложил ему занять первое место на фронте. Говорят, Николай Николаевич ответил, что примет на себя эту должность, но при одном условии: он примет на себя всю ответственность, но будет отдавать команды без советов и указаний из столицы. Император и его советники не решились пойти на такое, и великий князь отказался возглавить кампанию. В итоге все осталось по-прежнему, и Россия медленно приближалась к финальным поражениям на суше и на море. Тем временем беспорядки и разговоры о революции все возрастали, и жителей столицы при наличии постоянных колебаний со стороны правительства все в большей мере охватывал пессимизм.

Смерть моего деверя-морьяка [62 - Кантакузин Борис Михайлович (р. 1876) – князь,

морской лейтенант императорской гвардии, умер в Коломбо на Цейлоне 13 апреля 1905 года.] от тропической лихорадки, которой он заболел во время своей длительной поездки на Восток, повергла нас в траур, но в любом случае душа каждого была обременена общим горем и опасностью. Многие женщины работали в различных швейных мастерских, изготавливая перевязочный материал, нижнее белье и теплую шерстяную одежду для солдат. Многие мои приятельницы поехали в Сибирь с различными госпитальными поездами или с подразделениями Красного Креста. Лично я хоть и ухитрялась каждый день приходить на полдня в большие мастерские, организованные великой княгиней Марией Павловной, но не могла найти времени ни на что другое из-за двух своих малышек, один из которых был новорожденным.

Летом 1901 года моему отцу удалось получить отпуск и отдохнуть от своих обязанностей на Филиппинах, мой брат тоже должен был получить отпуск в Уэст-Пойнте, и они вместе с мамой предприняли длительное путешествие, чтобы приехать ко мне в Россию. Я оставила юного Майка с бабушкой с отцовской стороны, а сама вместе с деверем Гаем и горничной покинула Буромку и отправилась на север, чтобы встретиться со своими родными. Это была очень радостная встреча. В целом мы провели в Петербурге дней десять, осматривая вместе достопримечательности.

Со времени моей свадьбы у меня не было ни времени, ни случая предпринять нечто подобное, и мне показалось, будто я вернулась во времена детства, когда мы бродили по дворцам, музеям и галереям, заполненным изумительными сокровищами, подаренными Романовым их вассалами или же выбранными со вкусом и купленными ими самими при благоприятном стечении обстоятельств. Мы посетили Царское Село, Петергоф и Гатчину и проехали по окрестностям.

Отец не бывал в России со времен юности, и он находил здесь много интересного помимо осмотра достопримечательностей. В политике, в деревне, в столице и в образе жизни произошли значительные перемены – движение вперед. Ему казалось, что правительство имеет большие возможности для реформ, но сам он любил патриархальную жизнь.

Из Петербурга в Буромку мы отправились через Москву и Киев, где я никогда не бывала прежде и где мне очень понравилось, особенно в таком дорогом мне обществе.

Было забавно продемонстрировать моим родственникам жизнь большого сельскохозяйственного района России с колышущимися полями пшеницы, несметным количеством рабочих и всеми теми механизмами, которые они использовали. Их очень удивило то, что мы находились так далеко от железной дороги и нам приходилось надеяться только на себя, однако нам удавалось так все организовать, что мы могли обеспечить себя всем необходимым и жить с удобствами, даже с роскошью. Огромные размеры дома и поместья, большое количество прислуги и рабочих рук, красота парка и озера, холмистая земля и леса, богатство почвы и урожая, размеры наших стад и разнообразие производимой продукции произвели ошеломляющее впечатление на их американский склад ума, с привычкой звонить по телефону и покупать готовые вещи. То, что мы сами делали кирпичи, рубили лес, ковали железо, имели собственных паяльщиков и врачей для людей и животных, сами производили продукты, изготавливали холст и кухонную глиняную посуду, сами обшивали дом панелями, настилали полы, делали резьбу, а то немногое, что приобреталось со стороны, как, например, книги, пианино, макароны, рис, чай или какие-либо иные предметы роскоши, которые можно было есть или носить, приходилось тащить на телегах за семьдесят две версты в подходящее время

года, – все это им было трудно понять. То, что телеграмма проходила пятьдесят миль в кармане всадника, а другая корреспонденция и газеты покрывали то же расстояния три-четыре раза в неделю, казалось им неправдоподобным. Эти примитивные обычаи выглядели особенно странно по сравнению с превосходной кухней, ручной стиркой, модными нарядами присутствующих за обедом гостей, восхитительными произведениями искусства, семейными портретами, великолепной библиотекой в 20 тысяч томов редких изданий и коллекциями камней, драгоценностей, гравюр, бронзы, старого серебра и фарфора; не говоря уже о сокровищах, хранившихся в погребках. Там даже были вина начала XIX века.

Моя мать предпочитала проводить время дома с ребенком, но мужчинам нравилось жить вне дома, чем они доставляли радость моему мужу и деверю, возившим их по всему имению. Размеры поместья их просто гипнотизировали, а когда они узнали, что половину земель забрали у нас и отдали крестьянам после освобождения их от крепостного права, у них просто дух захватило от изумления. Моему отцу понравились старые слуги и их колоритные манеры, и он нашел способы передавать свои добрые чувства к ним, и годы спустя эти милые создания вспоминали приезд «американского генерала» и его поступки. Мою маму они видели и прежде, и впоследствии, но единственный приезд отца глубоко запал в их простые души.

Глава 9

Революция 1905 года

Летом 1903 года я отправилась в Лондон на свадьбу моего старшего кузена Палмера, затем провела лето с сыном на побережье в Нормандии, а осенью присоединилась к своей дорогой тетушке для путешествия на автомобиле по Северной Италии и Южной Франции с посещением замков Луары. Мужу удалось присоединиться к нам во время поездки. В Париже мы сильно поволновались по поводу серьезного заболевания брюшным тифом, свалившего тетушку по возвращении из странствий. Я оставалась с больной до праздников и приехала в Петербург только в начале зимы, за несколько дней до начала войны.

За год до этого мы тоже предприняли автомобильное путешествие по восхитительным краям Северной Франции, а также в Бельгию, и я с радостью обнаружила, как хорошо мои муж и тетя понимают друг друга. Дядюшка Палмер умер, мы очень любили его и с большим сочувствием относились к горю тети.

Лето 1904 года я провела в Петербурге и Буромке, деля свое время между работой на благо фронта и семейными заботами. Крестьян мобилизовывали в армию, а их отношение к войне было чрезвычайно странным. Они не понимали, что происходило, да особенно этим и не интересовались. Слово «Япония» было для них пустым звуком, да и Сибирь была так далеко, что сражаться там не означало для них защищать свою землю. И в то же время они проявляли абсолютную покорность. Царь-батюшка нуждался в них; их позвали, и они безропотно пошли, не задавая лишних вопросов. Я стояла на крыльце нашей деревенской управы и слушала, как зачитывали воззвание группе державшихся с достоинством серьезных мужчин, вымывших, надевших праздничную одежду и готовых к отъезду. Их окружали женщины в пестрых платках и вышитых национальных костюмах, а курчавые ребята держали за руки своих защитников, которых им вскоре предстояло лишиться.

Молчаливые и почтительные, они выслушивали приказы императора, затем голос священника, произносившего слова молитвы и благословения, в то время как женщины плакали, а испуганные дети прятали головы в их юбки. Мы пришли из своего особняка, чтобы пожелать жителям нашей деревни «счастливого пути» и вручить каждому солдату медальку с изображением святого Георгия, чтобы она защищала его во время битвы. Впервые я почувствовала не только симпатию, но и восхищение по отношению к нашим крестьянам!

Война оказала превосходное воздействие на наших людей. Они научились решать вопросы снабжения продовольствием чужих женщин и детей, проявляя при этом ловкость и здравый смысл. Солдаты, объехавшие всю империю, стали видеть все в новом свете, поняли, как велики просторы России; их покорило величие Дальнего Востока, в итоге это привело к миграции многих превосходных людей на сибирские равнины. Военная пора и неудачное управление страной вызвало новые настроения всех социальных слоев русских людей. Либералы – и я видела в этой группе большинство дворян – ощущали, что пришло время навести в стране порядок и подтолкнуть ее вперед, дать людям образование и провести земельную реформу. Армейские офицеры жаждали увидеть более разумную политику, проводимую правительством, в надежде, что монарх добровольно пойдет на реформы. Сейчас их можно было даровать, в ближайшее же время они превратятся в уступки, которые у него вырвут.

Не думаю, что молодая императрица имела в то время особое политическое влияние или амбиции, но ее личное влияние на царя было чрезвычайно велико, ибо он глубоко ее любил. Руководствуясь своим личным вкусом или из-за того, что начинала ощущать свою непопулярность, она все больше и больше воздействовала на него, вовлекая в мистическую, религиозную, замкнутую жизнь, и постепенно под тем или иным предлогом избавлялась от тех, кто считал, что император обязан чаще показываться на людях и принимать более активное участие в жизни народа.

Их окружение уменьшилось до чрезвычайно малого количества приближенных, среди которых в последнее время постоянно стала появляться мадемуазель Танеева, в замужестве мадам Вырубова. Слабое здоровье императрицы служило хорошим предлогом, чтобы никого не принимать; это, наряду с болезнью и юным возрастом хрупкого наследника, служило предлогом их длительного проживания в Царском Селе или в Петергофе. Постоянные интриги мадам Вырубовой против той или иной из своих коллег, которых со временем изгоняли, очень нас возмущали.

Одно событие стремительно сменялось другим. Ты едва успеваешь перевести дыхание от новых тревог и волнений зимы 1905 года, как начались беспорядки в фабричных районах Польши. В Москве и некоторых других городах произошла настоящая революция. Убийство нескольких министров и великого князя Сергея [63 - Сергей Александрович (1857—1905) – великий князь, дядя Николая II и постоянный генерал-губернатор Москвы; был убит революционером-террористом 17 февраля 1905 года.], а также попытки покушения на жизнь многих выдающихся людей добавили кровопролития.

Наконец, однажды январским воскресеньем [64 - Печально известное Кровавое воскресенье, 22 (9-е по старому стилю) января 1905 года.] толпа с окраин столицы пришла к Зимнему дворцу, чтобы обратиться к императору с просьбой о хлебе. Его отъезд в Царское, говорят против его воли, и приказ стрелять по толпе стали плохими знаками. Все гвардейские полки были призваны успокаивать и патрулировать город, и мне известно, что состоялось собрание офицеров (по крайней мере, одного полка), которые задавались

вопросом, следует ли выполнять эти приказы. Однако они подчинились военной дисциплине и встали в строй. Но многие испытывали сильное искушение восстать, поскольку понимали, что все было сделано для того, чтобы обострить ситуацию, и что нация давно страдала под гнетом слепой бюрократической машины, которая, возможно, первоначально и следовала добрым намерениям, но теперь ужасно устарела. Каждый здравомыслящий человек чувствовал, что пришло время реформ.

Несколько месяцев маятник раскачивался взад и вперед. Император по мере сил сопротивлялся, но произошли военные бедствия, был подписан мир, все пострадали, и ситуация в столице, наконец, стала критической. Почта и железная дорога прекратили работу, встал вопрос о подаче воды и электричества, и никто не осмеливался предсказывать, что может принести грядущий день. В период Кровавого воскресенья в начале 1905 года мой муж и его товарищи осуществляли дежурство на улицах. Его вызвали в казармы полка в субботу вечером, и он сказал, что если сможет, то свяжется со мной по телефону, мне же запретил пытаться разыскивать его. В воскресенье жена одного из офицеров, жившая в квартире при казарме, позвонила мне и сообщила, что командующий генерал попросил ее довести до сведения всех женщин, что войскам приказано выйти против бунтовщиков. Она не знала, куда они направляются. Но обещала дать нам знать, если появятся еще какие-либо новости.

В воскресенье вечером состоялся неофициальный обед у Орловых, живших в двадцати минутах езды от нас. Чтобы добраться туда, мне предстояло проехать по набережной, пересечь Дворцовую площадь и повернуть на Большую Морскую. Я позвонила княгине Орловой, которая сказала мне, что не знает, кто придет, но сообщила, что поблизости все спокойно и что она одна и очень хочет, чтобы я составила ей компанию. Ее муж дежурит при монархе уже сорок восемь часов, накануне вечером он сопровождал императорскую семью в Царское Село, и конечно же она не имела от него никаких известий. Не приду ли я пообедать с ней, если даже мы окажемся только вдвоем? Я сказала, что сижу дома с детьми и отрезана от всех слухов в течение двадцати четырех часов, но улицы в моем квартале выглядят вполне спокойно, и я готова предпринять попытку добраться до нее, но поверну назад, если столкнусь с какими-то препятствиями.

Я приказала подать небольшие открытые сани с одним быстрым рысаком и позвала верного и сильного Дементия, моего любимого кучера, полагая, что такое скромное средство передвижения не привлечет большого внимания, а крупный мужчина и быстрая лошадь будут способствовать безопасности. Когда мы выехали, на набережной не было никаких признаков жизни. По мере продвижения вперед мы увидели маленькие огоньки, кавалерийские лошади стояли неподалеку от костров, в то время как всадники сидели вокруг них на земле и грелись. Часовые маршировали взад и вперед на жгучем морозе, и кое-где в привратничьих некоторых дворцов или в министерских зданиях замерзшим офицерам подавали горячий кофе или суп. Солдаты оказались в лучших условиях, так как для них все было организовано, как на маневрах, и работали походные кухни. Офицеры никаким провиантом не обеспечивались. Некоторые посылали домой, так сделал и мой муж, попросив прислать ему шубу, бутерброды и бутылку вина, в то время как другие пользовались по очереди гостеприимством хозяев ближайших домов, чтобы урывками вздремнуть. Часы бодрствования они проводили сидя на бордюрных камнях у бивачных костров. Температура упала много ниже нуля, воздух был словно хрусталь, и река, и город окутаны мертвым молчанием. Золотые купола и шпили церковей мерцали, а дворцы выглядели так же великолепно и величаво, как в обычное время, хотя завеса страха и

угрозы ощущалась в воздухе, и я почувствовала себя ужасно одинокой. Я благополучно добралась до цели, меня только пару раз останавливали, когда проезжала кордон войск, въезжая в охраняемую зону дворца и покидая ее. За обедом мы сидели вдвоем с княгиней Орловой и получили одно сообщение за другим. Говорили, будто мятеж произошел на другом конце Большой Морской, на толпу направили огонь пулеметов, затем сообщили, что толпа отправилась в Царское Село, чтобы напасть на императорскую семью, укrywшуюся в своем убежище. До нас доходили и другие нелепые слухи, которые перепуганные слуги приносили с собой из ближайших чайных, или же звонили по телефону друзья, сидящие в одиночестве взаперти и охваченные паникой так же, как и мы.

Три раза за вечер мы получили достоверные новости. Один раз позвонил мой муж, главным образом для того, чтобы упрекнуть меня в безумии за то, что я покинула дом, но между прочим сообщил, что в том квартале, где он разместился со своим эскадром, сохранялось спокойствие, и в течение тех двенадцати часов, что они провели у Мраморного дворца, они ни разу не слышали выстрела и не видели мятежников. Он просил меня не беспокоиться, хотя и сообщил, что им приказано провести там ночь. Он прислал домой ординарца за меховой полостью и шубой и таким образом узнал о моей выходке. Я сказала ему, что надела простую одежду, взяла маленькие сани и добралась легко, и завершила его в мудрости своего предприятия, а также поделилась с ним достигшими моего слуха сенсационными сплетнями.

Впоследствии я узнала, что мои родители всерьез озабочены происходящим в России, поскольку все нью-йоркские газеты писали о Кровавом воскресеньи крупными буквами, сообщалось, будто около 50 тысяч человек было убито и Нева покраснела от крови! По правде говоря, я никогда не слыхала, чтобы в эти дни беспорядков было убито больше 285 человек. [65 - Неизвестно, откуда происходит это цифра. Никогда не велся точный подсчет жертв Кровавого воскресенья. Количество погибших в тот же день приближается к 150, но раненых было раза в два больше, некоторые из них, несомненно, не выжили (см.: Аскер Э. Революция 1905 года. Россия в смятении).]

Когда в начале лета мы приехали в Буромку, там все выглядело как обычно. Мы чрезвычайно наслаждались своим пребыванием там. Я услышала от одного из слуг о том, как крестьяне были вовлечены в революционные события: в пропагандистских листовках говорилось, будто его величество схвачен и брошен в тюрьму чиновниками и землевладельцами и призывает крестьян прийти к нему на помощь. Это, похоже, самая красноречивая дань верности простых крестьян своему правителю!

Позже летом я поехала за границу повидать свою тетю. Я радовалась отдыху и переменам, последовавшим после этого полного волнений года. Кантакузин, получив осенний отпуск после маневров, присоединился к нам. Мы путешествовали по Англии, когда ему вручили телеграмму с приказом тотчас же вернуться в свой полк в Санкт-Петербург. Из Оксфорда, где застала нас телеграмма, он уже через час выехал прямым поездом в Дувр, чтобы отправиться оттуда пароходом, а я должна была последовать за ним, как только соберу детей, багаж и закажу билеты на Северный экспресс. Неделю спустя я с двумя детьми и старой няней переехала из Дувра в Остенде. Мы обосновались в своем удобном купе в вагоне люкс, я полагала, что нам нечего опасаться каких-либо беспокойств до пересадки на русской границе, мы распаковали вещи, пообедали и уложили малышей (которым было четыре с половиной и полтора года) на их полки.

Когда мы проехали Льеж и я уже стала раздеваться, по вагону прошел проводник; он

остановился перед дверью нашего купе и постучал. Я открыла дверь.

– Вы та самая дама, которая направляется в Петербург, чьи билеты я недавно проверял?

– Да.

– Мы только что получили новости из Льежа: Международная компания не может перевозить пассажиров за российскую границу, так как все поезда останавливаются там из-за забастовки. Пришла телеграмма из Кёнигсберга с требованием предупреждать всех пассажиров. Мадам может доехать до Кёнигсберга и ждать там или сойти в Берлине. Не сомневаюсь, что, как только станет возможно, движение возобновится.

Подобные перспективы ошеломили меня. Такие новости предвещали опасность в Петербурге и, безусловно, различные лишения; наверное, прекратились поставки свежего молока. Маленький Майк и крохотная Берта слишком малы, чтобы вынести все это. И все же мне хотелось как можно скорее добраться до дома, казалось, что в этом заключалась сейчас моя главная задача. Если я отвезу детей в Берлин или Кёнигсберг, то окажусь из-за них привязанной к иностранному городу до тех пор, пока жизнь дома не нормализуется, но мне не хотелось ни задерживаться в Германии, ни оставить их где-то по дороге и продолжить путь одной.

Внезапно меня осенила блестящая идея: мы вернемся в Лондон, я отправлю детей в Америку с моей тетей и тогда, освободившись, вернусь на границу с Россией, а там посмотрю, что можно будет предпринять, чтобы всей семье вернуться в столицу. Я спросила проводника, не смогу ли сойти в Экс-ля-Шапель и получить свой багаж из багажного вагона.

– Мы прибудем туда через полчаса, мадам; но я не знаю... такого никогда не бывало прежде: сойти с Северного экспресса посреди ночи, вознамериться открыть багажный вагон, который запечатан, и забрать багаж, предназначенный для отправки в Петербург?..

Тогда я спросила, не сможет ли он отправить эти чемоданы по назначению.

– Нет, мадам, но скоро будет Экс.

Я постаралась убедить его, что Экс ничуть не хуже, чем Берлин, для того чтобы забрать свои чемоданы, и поскольку полная остановка поезда на российской границе представляет собой чрезвычайное обстоятельство, еще одно исключение из правила – всего лишь деталь.

Он отправился на поиски начальника поезда, чтобы обсудить с ним мою ситуацию и безрассудные идеи. А я тем временем разбудила няню и усталых детей и снова одела их. Я была убеждена, что правильно поступаю, возвращаясь в Лондон. Начальника поезда или главного кондуктора оказалось нетрудно убедить, и вскоре мы брели темной ночью, покинув теплое, уютное купе и оставив свои чемоданы и сумки, а Северный экспресс скрылся вдали.

Немного погодя мне стало казаться, что я совершила серьезную ошибку. Вокзал был темным и пустынным, ночь – холодной, и я не спланировала свои последующие шаги. Я нашла человека, который помог отнести нашу ручную кладь, и спросила его, где находится ближайший отель. Он показал мне отель, стоявший через дорогу, сказав, что он не очень хороший, но заметил, что я смогу получить там две-три комнаты. Я отправила его, детей, няню и наш небольшой багаж туда, а сама пошла к начальнику станции, который предоставил мне билеты, сообщив, что поезд отправляется на следующий день рано утром, и переадресовал мои багажные квитанции с тем, чтобы наши вещи вернулись в Лондон вместе с нами. А также я послала телеграмму тете. Таким образом подготовив все для завтрашнего путешествия, я поспешила вернуться к своим.

Мне не понравились служащие отеля и еще больше не понравились комнаты, но дети слишком устали после столь долгого дня и поездки из Лондона. Я поместила их во внутреннюю комнату вместе с няней, уверявшей меня, что простыни на кроватях уже были в употреблении, а умывальник грязный. Но я не стала прислушиваться к ее словам и заметила, что, поскольку уже за полночь, а мы должны встать в пять часов, пусть она уложит детей на покрывала, прикрыв их своими дорожными платками, и даст их маленькие подушечки. Они могут не умываться до тех пор, пока следующим утром мы не сядем в Лондонский экспресс.

Они слишком устали, чтобы долго переживать по поводу неудобств, так что последовали моему совету и вскоре устроились во временной детской, я же заняла гостиную. Вид этого места и раздающийся шум пугали меня. В комнате было много позолоты, дрянная мебель и зеркала, повсюду грязь; дверь, хотя и закрывалась на замок, выглядела такой непрочной, что, казалось, распахнетя от первого же толчка. Все в комнате оказалось поломано или расколото, словно драки здесь были вполне естественным завершением дневных развлечений. Откуда-то из глубины дома доносились крики, ругательства и шарканье ног, все это выглядело пугающе.

К рассвету все успокоилось, и хотя некоторые из посетителей, выйдя на улицу, принялись там петь, в то время как другие, спотыкаясь, поднимались вверх и, проходя мимо моей двери, ударялись об нее, никакого вреда нам не причинили. Я провела большую часть ночи без сна, лежа на софе, положив на столик рядом с собой револьвер. Это единственная вещь, которую я распаковала.

Когда наступил час отъезда, город еще спал, но мы отыскали тележку, погрузили на нее свои чемоданы и отвезли на станцию. Начальник станции проявил к нам большое внимание, помог сесть в поезд и погрузить багаж, по-видимому, из сострадания к нашему несчастному положению.

Когда мы приехали в Лондон, все сложилось наилучшим образом. Тетя встретила нас ласково, как в прежние дни, сказала, что рада нашему возвращению, и обещала доставить детей в Америку к моим родителям в целости и сохранности. Родители телеграфировали, что с радостью примут детей. Муж одобрил предложенный мною план. Так что однажды утром я простилась со своими малышами. Тетя с детьми направилась на пароход, отходящий из Саутгемптона, а я на судно, курсирующее между Дувром и Остенде, чтобы предпринять еще одну попытку добраться до дому. На этот раз я ехала одна и вещей взяла с собой немного, упаковав их все в один небольшой дорожный сундук, с тем чтобы можно было переехать из Германии в Петербург на санях, запряженных тройкой, если поезда в России еще не ходят.

В Льеже мне снова сказали, что поезда не ходят; в Берлине ничего не изменилось, но тем не менее я немного приободрилась, поскольку американский посол Джордж Метер и его секретарь мистер Майлз, направлявшиеся в Петербург, сели в мой вагон. Теперь, что бы ни случилось, я могла рассчитывать на защиту и компанию. По мере приближения к российской границе поезд быстро пустел. Наконец, кажется, не осталось никого из пассажиров, кроме группы мистера Метера, меня, симпатичного молодого человека, которого я время от времени встречала на светских приемах в Петербурге, и еще одного незнакомца. На границе посла встретил служащий посольства в форме. Муж попросил привезти новые револьверы для него, а также для его друга; кроме того, у меня был свой. Я погрузилась в глубокие раздумья, как провезти мои приобретения в страну, где недавно запретили оружие и боеприпасы. Мистер Метер решил проблему.

– Что у вас в этом несессере? – спросил он.

Я ответила, что там у меня драгоценности.

– Может, вы доверите свои украшения мне? Поскольку они не подлежат обложению таможенной пошлиной, я с чистой совестью могу пронести их через таможню. Если же вы надумаете положить туда патроны, перед тем как отдать его, думаю, никто не может вам помешать.

Я воспользовалась его намеком, и, когда мы вышли, чтобы пересесть на другой поезд, мистер Майлз любезно вызвался помочь мне нести драгоценности, выбрав именно тот несессер, так что опасный груз попал в Россию в других руках.

Мы пересекли границу, и дальнейшее продвижение вперед определялось случаем. Поезд, выехавший до нашего приезда, беспрепятственно доехал до Гатчины, откуда пассажиры добрались до Петербурга на санях. На каждой станции мы ожидали, что нас могут остановить, и нам тоже придется воспользоваться санями до заключительной части пути, так что держали пледы и сумки наготове. Однако на каждой станции по поезду проходил какой-нибудь служащий и объявлял, что, поскольку пока с нами все в порядке, мы можем продолжать путь в следующий город.

Триумфально мы въехали на большой вокзал столицы, ощущая себя первопроходцами, открывшими движение по всей длине пути. Муж пришел меня встречать, он был рад, что дети в безопасности и что я вернулась на зиму домой, несмотря на тревожения, все еще заставлявшие обитателей столицы держаться настороже. Недели две-три продолжалась всеобщая забастовка. Корреспонденцию сортировали и разносили добровольцы, какое-то время даже не действовал телеграф. Теперь стало поспокойнее, но все еще ощущалась нестабильность.

Когда беспорядки в Петербурге и других местах немного утихли и железная дисциплина, установленная Треповым [66 - Трепов Дмитрий Федорович (1855—1906) – бывший глава московской полиции, пользовавшийся репутацией неустрашимого защитника порядка, был назначен генерал-губернатором Санкт-Петербурга после Кровавого воскресенья, а в мае 1905 года – помощником министра внутренних дел и главой Департамента полиции.] в качестве диктатора, ослабла, создалось новое правительство. Оно привнесло значительные изменения в поместья землевладельцев и крестьянские дома; во всяком случае, так было в нашей провинции к югу от Киева, где я наблюдала за развитием событий. На великого князя Николая Николаевича было возложено командование войсками в Петербурге и округе; и, хотя он выступал за дисциплину и поддерживал ее в городе, он, русский среди русских, был справедлив и великодушен и осознавал свою ответственность и обязанности. Он жил достойно и выполнял свои обязанности с тем же спокойствием и знанием дела, какое проявил позже в качестве главнокомандующего во время мировой войны. Он выражал уверенность и всегда ее демонстрировал.

Еще одним человеком, приобретающим все большую популярность в Петербурге в то время, стал Столыпин. Он был назначен председателем Совета министров, и ему было позволено сформировать кабинет из либералов.

Самой значительной фигурой в его группе после него самого стал Кривошеин [67 - Кривошеин Александр Васильевич (1858—1923) – начальник Главного управления землеустройства и земледелия в эпоху Столыпина. Официального поста министра земледелия тогда не было.]. Вновь назначенный министром земледелия, он являлся обладателем высокого интеллекта и сильного характера, в совершенстве знал свои

обязанности, а также психологию крестьянства. Хотя он не говорил ни на одном языке, кроме русского, даже в обществе, этот суровый и резкий человек пользовался большой популярностью и вскоре стал наиболее часто приглашаемым гостем, которому повсеместно оказывали высокие почести. На многих парадных обедах, во время серьезных разговоров он умело поддерживал беседу, когда же разговор принимал легкомысленный характер, он смотрел, слушал и безмолвно изучал причудливые манеры нашего общества. Кривошеин был, бесспорно, чрезвычайно сильной личностью, обладавшей природным умом, но низкой культурой. Этот обязанный всем самому себе, надежный, преданный и патриотичный человек быстро завоевал всеобщее доверие. У него отсутствовала аффектация Витте, и, мне кажется, он пользовался большей любовью.

Столыпин тоже обладал впечатляющей натурой и внешностью: высокий и породистый, он, однако, не выглядел космополитом. По моему мнению, он немного странно смотрелся в парадной форме, но никогда не казался неуклюжим, лишенным чувства собственного достоинства или робким. Он был благородного происхождения и обладал высокой культурой и разносторонними интересами, особенно интересовался всем, что касалось России, и, если кому-то доводилось сидеть и спокойно беседовать с ним за обеденным столом или где-либо еще, он непременно ощущал обаяние и магнетизм Столыпина. Я не знаю никого в Думе или правительстве, кто обладал бы репутацией столь же красноречивого человека.

При содействии Кривошеина Столыпин продумал и внес на рассмотрение земельную реформу, которую предстояло опробовать в ряде провинций Малороссии, и, если она окажется удовлетворительной, ее следовало распространить на всю Российскую империю. Каждый крестьянин должен был индивидуально владеть своим участком земли, мог сделать с ним все, что угодно, и извлекать прибыль от вложенного в него труда и заботы. При старой системе земля принадлежала крестьянской общине, и участки из года в год передавались для обработки в разные руки, что расхолаживало, порождало лень и приводило к падению урожая, поскольку лентяй делал как можно меньше, в то время как усердный работник, который глубоко вспахивал и хорошо удобрял свой участок, видел, как обработанную и улучшенную им землю отдавали в другие руки. Его хорошее зерно продавали, смешивая с плохим зерном другого, и он не получал никакого иного результата, кроме усталости. Чувство собственности привело к появлению энергии, честолюбия и гордости; а это, в свою очередь, способствовало тому, что уже через несколько лет нашим крестьянам-фермерам принадлежало более трехсот акров земли, приобретенной у других крестьян и у нас. Вскоре они сумели обзавестись хорошим сельскохозяйственным оборудованием и животными. Они выращивали зерно такого же добротного качества, как наше, и продавали по тем же ценам.

Столыпин никогда не пользовался дружеским расположением императора. Думаю, его величеству докладывали, что многое из того, что делалось, хотя и проводилось в рамках порядка и закона и способствовало процветанию государства, но не соответствовало прежним самодержавным идеалам. Поэтому монарху подсказывали, что ему не следует слишком поощрять энтузиазм этого человека. Однако Столыпин спокойно воспринимал подобные затруднения. Точно так же он относился к разнообразным нападкам, которым время от времени подвергался в парламенте, порой даже со стороны своих союзников. Опасность подстерегала его за каждым поворотом. Сипягин [68 - Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853—1902) – министр внутренних дел, был убит в 1902 году, как и в случае с

Плеве и великим князем Сергеем Александровичем, революционером-террористом, членом боевой организации партии социалистов-революционеров.], Плеве и великий князь Сергей были убиты, неудачные попытки убийства были предприняты против ряда других. Дом Столыпина был взорван, и одна из его дочерей тяжело ранена. Вторая попытка никому не принесла вреда, и его служба императору и стране не претерпела изменений.

Наконец в Киеве он встретил свою смерть от револьверного выстрела, нацеленного ему в живот молодым выродком, которому заплатили за эту работу [69 - Богров Дмитрий Григорьевич (1887—1911) – молодой юрист, связанный с революционными кругами, ставший шпионом тайной полиции, убил Столыпина 14 сентября 1911 года, возможно, с целью избежать собственного убийства членами боевой организации, раскрывшей его связь с полицией. Был арестован, предан военному суду и повешен через десять дней после покушения на Столыпина.]. Столыпин сохранял спокойствие и мужество в последние долгие дни агонии, когда никакой надежды на выздоровление не осталось. Он послал за своей семьей и спокойно подготовился к смерти. Поведение монархов в этой ситуации вызывало удивление, поскольку помимо первого формального послания с выражением сочувствия и принесением соболезнования больше никаких признаков внимания к его смерти с их стороны не последовало. Говорили, будто императрица боялась, чтобы ее супруг посетил Столыпина после покушения или присутствовал на похоронах великого человека; другие утверждали, что император избегал всего этого по требованию тайной полиции. Никто не знал истинной причины, но повсеместно сложилось впечатление слабости или неблагодарности государя.

С политической точки зрения через приливы и отливы общественного мнения мы ощущали, что Россия движется вперед и что в ближайшие годы император предоставит народу конституцию, поскольку этого от него потребуют самые здоровые элементы нации. Они благоразумно ждали, работали во имя прогресса и не были ни дегенератами, ни опрометчивыми мечтателями. Во 2-й и 3-й Думе формировались и постепенно учились управлять своей деятельностью различные, по сути, партии. Россия быстро продвигалась вперед. Случайный шаг назад или в сторону встречался с негодованием, хотя немало таких шагов происходило, поскольку сильная группа реакционеров всегда была готова препятствовать потоку. Все считали, что этой партии покровительствовала императрица, и ее влияние на императора всегда использовалось в этом направлении. Старик Горемыкин являлся ее протеже, были и другие, использовавшие престиж ее величества для прикрытия своих махинаций, полагаю, главным образом, без ее ведома. К несчастью, она выбирала себе друзей среди худших людей из своего окружения и постепенно, по совету Вырубовой, стала избавляться от порядочных и верных людей, обладающих чувством собственного достоинства, окружавших ее поначалу. Император постепенно все более замыкался в семейном кругу, общаясь еще с двумя-тремя представителями свиты, с которыми любила побеседовать императрица. Нападкам подвергались даже его адъютанты, секретарь и князь Орлов, который многие годы был его другом, товарищем и доверенным лицом. Борьба при дворе с каждым месяцем все более разрасталась. Во взаимоотношениях процветали критика, соперничество и горечь, даже те, от кого я этого никогда бы не ожидала, часто говорили об эволюции или даже революции («дворцовой революции»). Мы жили в совершенно новой атмосфере.

Глава 10

Спокойствие перед бурей

Наша собственная жизнь тоже немного менялась. Мы предприняли два восхитительных путешествия в Америку, которые потом долго вспоминали благодаря множеству приятных встреч и удовольствий. Начался 1906 год, и мы с моей милой тетушкой и любимыми кузенами совершили замечательное путешествие по американскому Крайнему Западу. Мы посетили Чикаго и Вашингтон и остановились на причудливом Говернорс-Айленде, которым управлял мой отец; увидели многих старых друзей в Нью-Йорке и в других местах и с наслаждением гостили во множестве загородных домов. В Россию мы вернулись вместе с детьми. «Революция» закончилась к началу 1907 года.

Именно тогда Кантакузина назначили в штаб великого князя Николая, и для моего мужа началось счастливое служебное общение, длившееся семь или восемь лет. Основанные на абсолютном взаимопонимании с обеих сторон, на неизменной отеческой любви со стороны блестящего шефа и абсолютной преданности и восхищении со стороны мужа, эти взаимоотношения всегда были прочными и высоко оценивались обоими.

Великий князь, с подозрением относившийся к немцам, опасался знаков внимания со стороны кайзера по отношению к нашему правителю и нашей стране. Ему очень хотелось возвести крепости и установить пушки на нашей западной границе, он торопил с подготовкой, но почти безуспешно. Все свое влияние он употребил на то, чтобы аннулировать договор [70 - Пресловутый союзный договор, подписанный императорами Вильгельмом Немецким и Николаем Российским во время встречи на яхте у о. Бьерке на Балтике 24 июля 1904 года, представлял собой двусторонний пакт об обороне, который уничтожил бы францужско-русский союз. Он был аннулирован по настоянию министров иностранных дел обеих стран.], заключения которого добился Вильгельм во время посещения яхты императора в водах Финского залива. Полагаю, великий князь никогда не доверял графу Витте и не любил его. Насколько мне известно, он никогда не говорил об этом, но это считалось общеизвестным фактом, и описание тех лет, сделанное мистером Э. Дж. Диллоном [71 - Диллон Эмиль Джозеф (1854—1933) – постоянный специальный корреспондент «Дейли телеграф», в течение некоторого времени редактор газеты в России, профессор и доверенное лицо графа Витте. Автор ссылается на книгу Диллона «Упадок России», опубликованную в Лондоне и Нью-Йорке в 1918 году.], который был в те годы помощником Витте и пользовался его доверием, похоже, доказывает эту теорию.

Однако во времена «переписки Вилли – Ники» [72 - Письма кайзера к царю были опубликованы в Лондоне в 1920 году и тотчас же были названы «Переписка Вилли – Ники».] великий князь преданно сотрудничал с Витте и помогал последнему распутывать политический узел, а нашему суверену – вновь обрести точку опоры. Насколько мне известно, после этого начальник моего мужа больше не принимал никакого участия в политике. Он старательно избегал всяких политических интриг и требовал того же от своих приближенных; но каждый знал, что он стоит за закон, порядок и терпимость во взглядах и что он в первую очередь настроен прорусски, затем уже просоюзнически, но никогда не прогермански. Также было хорошо известно, что его жена великая княгиня Анастасия по рождению была славянской, черногорской принцессой, получившей образование в Петербурге и настроенной совершенно антинемецки. Одно время она принадлежала к числу близких друзей императрицы, но ее внезапно и довольно резко отстранили, и никто так в точности и не узнал почему, хотя каждый терялся в догадках.

Следует иметь такт и благоразумие, чтобы жить в придворной атмосфере с ее разнообразными подводными течениями, но все же жить среди русских не столь трудно, как в других странах, так как светское общество здесь проще, чем у других народов, и если человек не проявляет бестактности в своей критике, ему позволено жить в мире и иметь свое мнение.

В те годы я стала ощущать большой интерес к политике и часто встречаться с дипломатами и членами Совета министров. Мистер Извольский, министр иностранных дел, и его жена были очень симпатичными людьми, и их салон, который я часто посещала, всегда был полон интересных людей.

В ноябре 1908 года родился наш третий ребенок, золотоволосое дитя и первый Кантакузин с голубыми глазами. В том же году в нашей жизни появилось нечто новое – мы купили хорошенький домик неподалеку от большого военного лагеря в Красном Селе в часе езды от столицы. Мы перестроили этот дом и сделали его чрезвычайно привлекательным, использовав старинную мебель и украшения, придерживаясь единого стиля и времени. Мы полюбили этот дом больше всех прочих нам принадлежавших и всегда были там счастливы.

В 1910 году мы осуществили еще одну восхитительную поездку в Соединенные Штаты и провели четыре месяца в обществе семьи и старых друзей, заполняя время интереснейшими экскурсиями. Мы предприняли путешествие во Флориду и влюбились в эту часть Америки из-за ее солнечного и бирюзового неба, моря и радостных пейзажей. На Рождество более двадцати потомков собралось в Чикаго вокруг девяностолетнего патриарха, моего дедушки Оноре.

Было приятно найти отца в полном расцвете сил, обосновавшимся на Говернорс-Айленд, имеющим хорошую репутацию, по-прежнему активным и преуспевающим на пути служения родине. В свои шестьдесят он оставался здоровым, энергичным и сохранял пронизательный ум.

После этой поездки домой я уже не видела отца живым. В течение года стали проявляться первые признаки болезни, жертвой которой ему суждено было стать, но зимой 1911/12 года он продолжал выполнять свои обязанности, зная, что обречен. Мама, по-видимому, не знала о подстерегавшей его опасности и не смогла вовремя дать мне знать. Так что, вернувшись как-то домой с официального приема в Петербурге, я нашла телеграмму с просьбой приехать за океан, так как меня звал отец. Во время подготовки к этому печальному путешествию пришла другая телеграмма с сообщением, что отец внезапно умер. Трудно понять горечь подобного отъезда, когда ты осознаешь, что опоздал и уже не услышишь последних слов и не увидишь последней улыбки нежно любимого человека. Никогда не забуду своего путешествия – ужасной поездки по русским снегам и унылым равнинам Восточной Пруссии.

Высадка на берег в Нью-Йорке и душераздирающая горечь похорон; трогательные проявления восхищения и любви к моему отцу со стороны его товарищей и солдат, старых полицейских, служивших под его руководством, и города Нью-Йорка завоевали нашу благодарность и глубоко нас растрогали. Его тело провезли по главным улицам города, вдоль которых стояли огромные толпы людей с непокрытыми головами, склонявшихся и вытиравших глаза, когда мимо проезжал лафет, задрапированный флагом, которому в том или ином качестве он служил с тринадцати лет. Мы поднимались вдоль Гудзона, провозя преданного сына мимо того места, где лежал его отец, к другому в равной мере прекрасному месту на великой реке. Наше паломничество закончилось в

Уэст-Пойнте. Там среди его старых школьных и армейских друзей мы и положили этого сына академии, который был так предан своей школе и жил в соответствии с ее высокими традициями.

Моя мать выглядела совершенно сломленной, ее жизнь полностью изменилась, ей необходимо было немного расслабиться и отвлечься от потрясения и напряжения предшествующих недель. Удалось убедить ее сопровождать меня за границу, и через несколько дней после похорон мы выехали в Россию.

В течение двух лет я вела жизнь в полном уединении. Подростки нуждались в моем внимании, и я подолгу оставалась дома. Все возрастающий круг друзей, собиравшихся вокруг моего чайного стола, чтобы побеседовать в непринужденной обстановке на разные темы, все еще сохранял свой интерес в моих глазах, и разговор никогда не становился вялым.

Я узнавала многое о мире в целом с его политическими вопросами. Мне казалось, что нам предстоит большое будущее и что либералы наконец-то на верном пути к эволюции. Многие говорили о конституции. Было хорошо известно, что, когда некоторые министры, крайне настойчиво пропагандировавшие реформы, приходили к императору с докладами и предложениями, его величество выслушивал, проявляя глубокое сочувствие; несмотря на усилия мадам Вырубовой, некоторые честные придворные сохраняли свое влияние. Императрица постоянно болела и держала вокруг себя странную толпу, которая льстила ей, питала ее разнообразными слухами и занималась шарлатанством. Ее словно относило течением куда-то в сторону, и жила она только для своих детей и группы сокровенных друзей.

Ни у кого не было никаких сомнений относительно взаимоотношений мадам Вырубовой и Распутина [73 - Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865—1916) – самозванный пророк и целитель (не посвященный в духовный сан), приобрел значительное влияние на императрицу Александру Федоровну в предвоенные годы своей способностью останавливать гемофилические кровотечения у цесаревича. Многие считали, что его влияние повлекло ряд бедственных министерских назначений во время войны, особенно после того, как Николай отправился в Ставку в середине 1915 года. Распутин пользовался всеобщей ненавистью в российском высшем обществе. Он был убит князем Юсуповым и группой сообщников, в которую входил и один из великих князей, 30 декабря 1916 года.], так же как и в том, что она придумала его и объявила чудотворцем, таким образом превратив в закулисного пророка. Утверждали, будто его молитвы помогают императрице, а также наследнику трона, который был инвалидом. Мадам Вырубова убедила ее величество, будто она сама не сможет выжить, если хотя бы на день разлучится с обожаемой повелительницей. Точно так же ее убеждали по поводу Распутина: он простой крестьянин, и русским людям будет приятно осознавать, что их представитель занимает такое высокое положение при дворе. С помощью простой, чистой веры, которая движет им, Распутин имеет власть пророчествовать и исцелять, и его вмешательство снимает неврологические боли, от которых так давно страдала императрица. Ее заставили твердо поверить во все это и постоянно повторяли, будто ее сын становится сильнее и со временем полностью выздоровеет при постоянном посредничестве и бдительной заботе со стороны своего личного святого. Все это превратило обезумевшую императрицу в жертву, все больше и больше поддающуюся дурному влиянию интриганов.

Приобретя власть и осмелившись продемонстрировать ее, мадам Вырубова нашла

нескольких союзников в придворных кругах среди наихудших их элементов, которые или боялись ее, или надеялись разделить с ней полученные ею выгоды. Многие из нас понимали, что негодница причиняет вред, но никто не мог подсчитать его размеры. Мы видели, как она втирается в доверие монархов, но при этом чрезвычайно удачно разыгрывает роль дурочки, и ее никто не мог заподозрить в политических амбициях. Мы довольно рано обнаружили, что она хочет обрести вес при дворе. Многие пожимали плечами и решили лучше всего игнорировать претензии фаворитки, если даже за это придется принять наказание. Мало кто к ней приходил. Я разговаривала с ней, когда мы встречались, но дальше этого знакомство не шло, ибо у меня, как и у многих других, мадам Вырубова вызывала отвращение.

Что касается Распутина, я никогда не была с ним знакома, даже не видела его. Говорят, он был вульгарным, порочным и отвратительным и тем не менее вызывал сверхъестественный интерес среди многих женщин, толпившихся вокруг него и составлявших его клиентуру. Он пил и вел непристойный образ жизни, заботясь главным образом только о том, чтобы обогатиться, иметь тепло, красивую одежду и еду.

Те, кто знал императрицу достаточно хорошо, чтобы оценить ее культурный уровень, очень огорчались, видя ее в окружении таких плохих советчиков, но, похоже, не было возможности спасти ее от подобного окружения. Ее влияние на мужа все возрастало и возрастало до тех пор, пока он постепенно не утратил свой прежний контакт с теми, кто даровал ему просвещение и правду.

В начале 1913 года праздновалось 300-летие вступления на императорский трон Романовых. Деяния нашей императорской семьи в течение трех столетий истории вспоминались в картинах, песнях или церемониях.

Никогда еще дворец не выглядел великолепно, и никогда власть монарха не казалась более прочной. Петербург был украшен флагами. Было устроено два особых торжественных праздника. Во-первых, бал, данный дворянами столицы в честь своего императора в зале Дворянского собрания.

Несколько дней спустя состоялось гала-представление в оперном театре. На этот раз монархи были хозяевами и принимали своих придворных и правительственных чиновников. В театре никогда не было более роскошного вечера.

Приняв участие в недельных празднествах, император, его жена и дети снова вернулись в Царское Село, а мы остались с впечатлением, словно побывали в сказочном сне, продолжавшемся несколько дней и вновь возродившем нашу историческую верность трону и занимающим его людям.

Следующей зимой 1913/14 года у меня закончился глубокий траур, но я намеревалась принять лишь незначительное участие в обещающем быть веселым сезоне. Судьба распорядилась по-иному, и последнюю предвоенную зиму я провела постоянно танцуя. И это было последнее веселое время перед тем, как разрушилось все, что составляло основу нашей блистательной юности и жизни, и казалось, будто все мы инстинктивно чувствовали, что должны есть, пить и веселиться.

В том 1914 году наши правители и их двор, как всегда, приятно провели весну в Ливадии [74 - Ливадия – императорская резиденция на Южном побережье Крыма неподалеку от Ялты.] на побережье Черного моря. Как император, так и императрица обожали этот свой личный дом и под предлогом слабого здоровья императрицы и цесаревича каждый год продлевали свое пребывание на юге.

Мадам Вырубова и ее тайный оккультный компаньон Распутин в 1914 году стали вести

себя высокомерно по отношению к придворным в отсутствие своей покровительницы-императрицы, но в ее присутствии всегда играли скромные роли и изображали собой пару смиренных святых, проводивших время в молитве. Однако они обращались к чиновникам за милостями, и в их ходатайствах ощущались скрытые угрозы.

В конце весны монархи и их приближенные вернулись на север и только успели обосноваться на лето в Петергофе, подготовиться к встрече и принять президента Французской республики [75 - Раймон Пуанкаре (1860—1934) – президент Франции с 1913 по 1920 год. Его посещение России продлилось с 20 по 23 июля. Сразу же после того, как он покинул Санкт-Петербург, Австрия объявила войну Сербии.], прибывшего на неделю с официальным визитом, как убийство в Сараеве [76 - Убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда (1863—1914) боснийским сербским националистом Гаврило Принципом (1894—1918) спровоцировало кризис, который привел к началу Первой мировой войны.] внезапно потрясло всю Европу. Однако мы пока еще не ощущали в полной мере, как коснется нас это зловещее событие, и программа не изменилась: продолжались праздники, приемы, парады и торжественные представления в честь нашего союзника и гостя в полной уверенности, что все в порядке. Наконец визит закончился и Пуанкаре уплыл, тогда мы внезапно осознали, что нам в ближайшем будущем предстоит война.

Глава 11

Предзнаменование гибели самодержавия

На субботний вечер 25 июля 1914 года было назначено гала-представление императорского балета, которое состоялось в причудливом театре военного лагеря в Красном Селе. Со времен Петра Великого гвардейские полки русской аристократии проводили там лето; и в этот вечер состоялось последнее событие сезона, красивое здание театра было иллюминировано и украшено флагами, нашими и французскими, представлявшими собой дань нашим союзникам, недавно покинувшим нас после продолжительного визита. Теперь, когда Пуанкаре и блистательный Рене Вивиани [77 - Вивиани Рене (1863—1925) – французский премьер-министр.] находились в Северном море на пути домой, на всех лицах отражалось удовлетворение прошлым и надежда на будущее, мы могли вздохнуть с облегчением, покончив со всеми торжественными приемами. Мы надеялись, что этот вечер доставит нам ничем не омраченное неофициальное удовольствие.

В нашем стоявшем около лагеря доме обедало несколько друзей, в том числе и дипломатов, приехавших из города. Они привезли неожиданные новости, которые можно было назвать «сенсационными и преувеличенными» – о волнениях на фондовой бирже, о тревоге в Министерстве иностранных дел, о сложных взаимоотношениях с Веной и возможном кризисе, который может привести к войне. Все это наталкивало нас на размышления, хотя мы испытывали к этой теме скорее пассивный интерес. Затруднения в отношениях с Веной носили хронический характер, и мы уже дюжину раз были на грани войны. До сих пор мы ощущали унижение при воспоминании о том, как несколько лет назад мы были вынуждены проглотить оскорбление, когда Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину [78 - Австрия аннексировала Боснию и Герцеговину декретом от 6 октября 1908 года, таким образом вызвав кризис в австро-российских отношениях,

продолжавшийся до Первой мировой войны.], а мы никак на это не прореагировали. После обеда мой муж, который уже собирался отправиться в поездку по делам в свои имения, отказался от своего плана и от отпуска и присоединился к нашей компании, направившейся в театр. Впервые видела, чтобы мой муж с такой серьезностью отнесся к застольной беседе, хотя даже теперь он объяснил нашим гостям, что откладывает свою поездку только из любопытства.

Подойдя к театру, мы в первую очередь обратили внимание на смех и красивую одежду, увидели привычные группы веселых офицеров, придворных чиновников и женщин, стоящих на широких верандах, только лица сегодня казались более взволнованными, чем обычно, а разговоры – более оживленными. Все разговоры сводились к одной и той же теме, которая занимала наши мысли с обеда. Здесь тоже присутствовали люди, приехавшие из города и привезшие с собой разнообразные слухи.

Прозвеневший звонок прервал разговоры, и мы вошли в зал, нашли свои места и встали рядом с ними в ожидании императора; наконец он вошел в сопровождении придворных и дежурных по лагерю во главе с великим князем Николаем Николаевичем, командующим императорской гвардией и лагерем. Среди большого шума, вызванного звоном шпор и сабель, император сел, а слева от него – великий князь, за ними последовал весь театр. В присутствии монарха оркестр играл наилучшим образом, занавес поднялся, и стали исполнять один из любимых сказочных балетов. Император выглядел довольным, казалось, он отдыхал и наслаждался разыгрывавшейся перед ним сценой. Ему нравилось избавляться от формальностей или церемоний; и этим вечером в простом окружении нашего военного лагеря он мог дать волю застенчивости и отдохнуть от своих обязанностей.

Очевидно, политические новости, которые мы слышали, еще не достигли слуха монарха или же не произвели на него большого впечатления, ибо на его челе не отразилось и следа озабоченности – только интерес к хорошеньким балеринам, танцевавшим и позировавшим, чтобы вызвать его одобрение. В свете последующих событий я склонна думать, что этот акт балета стал последним часом беспечного удовольствия, которое испытал наш император. Впоследствии я узнала, что поездка Кантакузина отменилась в результате телефонного разговора с великим князем, который весь день следил за международными новостями, остро осознавая их значение.

К концу первого акта легкое движение отметило прибытие министра иностранных дел Сазонова [79 - Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) – профессиональный дипломат, министр иностранных дел в 1910—1916 годах.], который тихо присоединился к своим коллегам, сидевшим в первых рядах публики. Это было настолько необычно, чтобы член кабинета опаздывал, когда на празднике присутствовал монарх, что мы тотчас же принялись перешептываться, и это придавало особый оттенок сообщениям раннего вечера, особенно потому, что министр выглядел усталым и явно советовался о чем-то со своими соседями с обеих сторон. Все трое, казалось, забыли и о декорациях, и о танце. Акт закончился, все встали, а император, здороваясь то с одним, то с другим, покинул зал, который тотчас же опустел, и все вышли на веранды.

Толпа, казалось, в большей мере, чем обычно, испытывала любопытство; затем после разговора с Сазоновым, длившегося несколько минут, император приказал подать ему машину. Кабинет в полном составе последовал за его величеством в маленький дворец, который он занимал в лагере. Все присутствовавшие дипломаты ощутили желание

вернуться в город и послать зашифрованные послания в свои столицы; а военные стремились покинуть наше легкомысленное общество и провести ночь в казармах, чтобы иметь возможность получать или отдавать приказы. Так что мы покинули здание, где, увы, нам уже никогда не довелось проводить подобные вечера.

Новости, сообщенные Сазоновым императору, носили настолько серьезный характер, что немедленно пришлось созвать Совет министров, на котором председательствовал сам монарх. Совет продлился до поздней ночи и имел огромное историческое значение. Он оставил после себя ощущение доверия между монархом и теми, кто сформировал его правительство. Двое министров рассказывали мне, как потрясен был император и какой глубокий патриотизм звучал в его словах. Сазонов почерпнул мужество из обещания предоставить поддержку, хотя и получил приказ по возможности избежать катастрофы.

В ту ночь мало кто спал в домах, казармах и палатках, разбросанных по холмам Красносельского лагеря. Охваченные тревогой, мы сидели или лежали без сна в ожидании телефонного звонка, и на сердце было тяжело. На рассвете пришел приказ всем полкам вернуться на зимние квартиры в столицу или пригороды, так как в ближайшие дни могла начаться мобилизация. Наша часть, «кавалергарды ее величества императрицы-матери» должны были покинуть лагерь первыми в то же утро в девять часов, поскольку занимали первое место среди полков. Сразу же вслед за ними должны были последовать другие кавалерийские полки, пехота и артиллерийские батареи, так что целый оживленный лагерь в невероятно короткое время превратится в пустыню. Я задержалась на несколько дней и ночей в нашем доме и постоянно слышала монотонный топот копыт и звук шагов у садовых ворот. Войска двигались непрерывным потоком по дороге, ведущей в Петербург, и эта зловещая процессия хранила молчание, соблюдая дисциплину. Здесь был весь цвет нашей империи, около 50 тысяч человек, которыми придется пожертвовать, если объявят войну! Меня охватила непреодолимая депрессия, и я с глубоким сожалением покинула дом и сад, которые многие годы были для меня летним прибежищем. По-иному чувствовали себя мужчины. Они были готовы лезть в драку и надеялись, что на этот раз мы не уступим самонадеянным немцам.

Два-три дня существовала некоторая неопределенность. Сохранялась возможность мирного решения. Мобилизации пока не было. Однако в среду Сазонов, по-видимому потеряв надежду на мирный исход, отдал приказ о мобилизации.

Никогда не забуду напряжения и стресса тех дней с 26 по 29 июля. Опасались беспорядков и забастовок в столице и предсказывали их, там арестовали немецких агентов, обнаружили и конфисковали деньги немцев среди фабричных рабочих! Однако посольство Германии еще оставалось здесь, пытаюсь вести переговоры, выгадывая время и обвиняя нас в мобилизации. Весь Петербург жил в состоянии неопишемого нервного напряжения, ходили слухи, будто определенные придворные круги, настроенные против войны, оказывают на его величество столь сильное давление, что, вполне возможно, им удастся убедить его отказаться от нашей прославянской политики и не поддержать Сербию.

Для нас, семей военных, неделя с 25 июля по 1 августа была временем, полным перемен и волнений, работы и тревог. Муж при первых же разговорах о войне по совету великого князя отказался от отпуска. Затем в первые же сутки он встретился со своим начальником, и у них состоялся разговор по душам, во время которого он умолял начальника освободить его от обязанностей адъютанта его императорского высочества и позволить ему отправиться на место боевых действий со своим прежним Кавалергардским полком.

Шеф выслушал его со своим обычным доброжелательным интересом. Семь лет этот адъютант постоянно находился рядом с ним как дома, так и за границей. В тяжелые революционные дни 1905 года, когда великий князь принял на себя командование войсками Санкт-Петербурга, утихомирив волнения и внес порядок в хаос, угрожавший императорскому трону, мой муж служил у него. В последующие блистательные дни, когда император с удовольствием оказывал почести своему родственнику и великий князь занял уникальное положение в России, он всегда демонстрировал по отношению к моему мужу понимание и доверие, по-родственному принимал его у себя дома, обращался к нему на «ты» и несколько фамильярно называл его «Мишкой». Он рассчитывал на Кантакузина при выполнении поручений, носивших щекотливый характер, часто давал ему трудные задания и с благодарностью принимал искреннюю преданность и верную службу моего мужа.

Мы опасались, что его желание покинуть теперь двор великого князя может быть неверно истолковано, но Михаил тотчас же успокоился, поскольку его начальник был чрезвычайно растроган и доволен решением «Мишки» и ответил, что не только всецело симпатизирует моему мужу и согласен выполнить его желание, но, будь он на его месте, поступил бы так же. Он заявил, что завидует тем возможностям, которые открываются его адъютанту, пожелал ему успеха, сказал, что с удовольствием и интересом будет следить за его карьерой, и выразил готовность в любое время помочь ему.

По возвращении домой Михаил просто сиял от радости из-за отношения, проявленного к нему во время этого разговора. Это было единственное затруднение, которое ему предстояло преодолеть, ибо полк, в котором он прежде служил, с радостью воспринял идею старого товарища вернуться к ним подполковником, но его сочли немного сумасшедшим, поскольку он покидал легкое, безопасное, блестящее место при дворе, меняя его на тяжелую жизнь на фронте.

После этого Михаил тотчас же перебрался в казармы полка в городе, а поскольку он беспокоился о нас, оставшихся в одиночестве в опустевшем лагере, я собрала вещи и переехала вместе с детьми в дом Орловых в Стрельне, куда они любезно пригласили меня в первый же момент волнений. Подобный переезд имел для меня двойное преимущество: он позволял оставить детей за городом, что было полезно для их здоровья, и в то же время значительно приблизиться к столице.

Поскольку мне больше не нужно было заботиться о доме и детях, все свое внимание и время я посвятила долгим экспедициям по магазинам, необходимым для того, чтобы превратить мундир для маневров в экипировку для серьезной войны. Деловые переговоры и приготовления тоже занимали немало нашего времени в городе.

Прекрасные и блистательные дни, исполненные мужества, пролетали слишком быстро, хотя жить становилось тяжело. Город был украшен флагами, на улицах и в магазинах люди собирались группами, которые вскоре распались. Это было время мягких сумерек, долгих разговоров и нежной музыки в исполнении цыган; и все мы, русские, засиживались далеко за полночь.

В субботу утром 1 августа я проснулась и прочла в газете, что жребий брошен. Война объявлена! Мой муж уедет через несколько дней, а вслед за ним протянулись до самого горизонта лица всех тех друзей, которых я приобрела здесь за двадцать лет, и все они следовали в том же направлении.

Когда я присутствовала на каком-нибудь большом собрании в России, то каждый раз заново поражалась царившему там порядку. Здесь всегда было много места и времени, не

говоря уже о вошедшем в поговорку добродушии; все эти качества придавали русской церемонии свое особое обаяние и отличие от всех прочих. День, назначенный для молебна в Зимнем дворце, не стал исключением. Когда я приехала, десять или пятнадцать больших гостиных были заполнены людьми, поддерживавшими тихий разговор. Здесь были старики в придворных мундирах и молодые люди в военной форме защитного цвета, женщины в легких платьях и хорошеньких летних шляпках. Все они казались невероятно возбужденными и в то же время оживленными, словно собирая все силы, чтобы предоставить их своему правителю. Должно быть, монарху было приятно видеть все это огромное количество русских, пришедших поддержать его в час необходимости.

Религиозная церемония была недолгой, но отличалась особой глубиной; никогда еще произносимые нараспев слова священника и пение хора не звучали столь чудесно. Безусловно, молитва, возносившаяся к небесам, была абсолютно искренней. Когда она закончилась и мы встали с колен, монархи повернулись и несколько мгновений стояли, глядя на своих подданных, императрица взяла мужа за руку. Внезапно из пяти тысяч гортаней вырвались звуки национального гимна, который не казался менее прекрасным оттого, что их душило волнение. Затем один за другим стали раздаваться приветственные восклицания, пока стены не зазвенели от их эха!

Наверное, император впервые встретил такой прием. Он был бледнее, чем обычно, и казался немного удивленным, но довольным. Император двинулся вперед, держа под руку императрицу, а толпа, продолжая издавать приветственные крики, расступилась перед ними, образовав проход от алтаря до огромных двойных дверей напротив. Старики и молодежь раскраснелись и охрипли от напряжения, но продолжали приветствовать монархов. Мужчины и женщины низко кланялись или бросались на колени, когда правители проходили мимо; его величество шел в полном молчании, казалось никого не узнавая и не выделяя кого-либо из толпы. Наша прекрасная императрица, похожая на скорбящую Богородицу со слезами на щеках, протягивала руку, проходя мимо того или иного человека, и грациозно склонялась, чтобы обнять кого-то из женщин, целовавших ей руку. Ее величество, казалось, в тот день олицетворяла всю глубину обрушившейся на нас трагедии и страданий, глубоко ощущая их, и благодарила людей за проявленную ими преданность. На ее лице отражались необыкновенная нежность и печаль, и ее красота обрела такие качества, которых я никогда прежде не видела на этом гордом классическом лице. Проходя мимо меня, она протянула руку, и, когда я коснулась ее губами, она, склонившись надо мной, поцеловала меня и спросила:

– И ваш муж тоже?.. – и, получив от меня утвердительный ответ, продолжала: – Тогда вы должны помочь мне с той работой, которую нам, женщинам, предстоит проделать.

Мне не забыть прекрасную и трогательную Мадонну, представшую перед нами в тот день, склонявшуюся над своими подданными, чтобы утешить и приободрить их, когда ее собственные печали тонули в слезах сочувствия своим подданным! До этого в течение пятнадцати лет я видела только величавый и строгий вид, с которым она возглавляла пиры и торжественные церемонии с почти нечеловечески суровым выражением лица, а эта ситуация позволила выйти наружу подавляемой нежности.

Великий князь Николай Николаевич оказался в центре внимания. Этим утром ему сообщили, что он назначается Верховным главнокомандующим всеми русскими армиями! Он никогда не стремился к такой высокой чести, и все его существо переполнялось благодарностью и волнением. Он полностью овладел вниманием окружающей толпы. Всем казалось, что он может стать идеальным лидером в критической ситуации. Мы все

обратились к нему с благодарностью, понимая, что руководство армиями в надежных руках, он понял наши чувства, и в ответ на них глаза его заблестели, а на губах промелькнула прекрасная, редкая для него улыбка.

Из достоверных источников мне известно, что, прежде чем отправиться на фронт, он просил у своего родственника-императора о двух одолжениях: во-первых, уехать на фронт тихо, без официальных проводов, без той шумихи, которая сопровождала отъезд генерала Куропаткина в Маньчжурию десять лет назад. Эта просьба была выполнена; вторую же просьбу – самому сформировать свой штаб – отклонили. Ему сказали, что генерал Янушкевич уже назначен на должность начальника штаба, а генерал Данилов займет должность генерал-квартирмейстера. Они оба были, по-видимому, друзьями Сухомлинова [80 - Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) – генерал, был назначен военным министром в 1909 году. Между Сухомлиновым и великим князем Николаем Николаевичем уже давно существовал антагонизм, вызванный разногласиями по поводу военных реформ.], и в штаб-квартире начальнику позволялось подобрать только свой личный штат. Подобные действия поразили всех (за исключением самого генералиссимуса) как ужасно несправедливые, поскольку он должен был работать с этими людьми и отвечать за их действия. Все те, кто был предан великому князю, почувствовали, что его скрытые враги сделали первый ход.

В то же самое время Вильгельм в Берлине произносил речи с балкона дворца перед огромной толпой, пытаясь разжечь своим красноречием патриотизм в сердцах людей. А Николай стоял перед своими подданными, не произнося ни слова, не делая ни жеста, и они опускались на колени в преклонении перед «белым царем» [81 - Белый царь – обычный титул правителей Московии, допетровской Руси, в котором «белый», возможно, географическое название татарского происхождения, обозначающее «западный».], даруя ему величайший час в его жизни!

Глава 12

Первые дни войны и отступление

Утром 3 августа (в понедельник) для нас начались горести прощания в связи с отъездом мужа моей золовки графа Тео Нирода, командовавшего драгунами императорской гвардии. Зная о том, что бедняга Тео переживает все свои трудности в одиночку, я рано утром поехала в его казармы в Петергоф, чтобы проститься с ним и посмотреть, не могу ли я быть чем-нибудь ему полезна. Я нашла его чрезвычайно занятым и абсолютно спокойным, его полк, похоже, находился в полном его подчинении, офицеры и солдаты выполняли непривычные для себя дела четко и с предельной быстротой. Тео ужасно огорчился оттого, что не мог перед отъездом обнять семью. Война разразилась так внезапно, что он, хотя и телеграфировал им, едва ли мог надеяться, что кто-нибудь успеет вернуться из отдаленных поместий. Его жене повезло, она сумела добраться вовремя и появилась в Петергофе за час до отъезда драгун, пока я еще прощалась с ним. Так что он успел хотя бы мельком увидеть ее и попрощаться с ней.

Наши кавалергарды уезжали на следующее утро, а в понедельник состоялось трогательное торжество, когда во дворе их старых исторических казарм командир полка князь Александр Долгорукий произвел смотр выстроившегося в боевом порядке полка и всех старых и отставных офицеров, находившихся в Петербурге. Бывший командир полка

произнес несколько прочувствованных слов и добрых пожеланий от имени тех, кто был слишком стар, чтобы идти на войну. Затем эскадрон за эскадронам солдаты и их офицеры опускались на колени, и их благословлял полковой священник.

Поскольку они уезжали на следующий день на рассвете, у нас оставалось всего несколько часов на подготовку и совсем не было времени подумать. Мы упаковывали в корзинки еду, книги, легкие одеяла и другие вещицы, которые могли немного скрасить томительные часы длительной поездки в военном поезде.

Наши дочери приехали из Стрельны, чтобы пообедать с нами в этот день и попрощаться с отцом. Мы постарались по возможности облегчить для них это прощание, чтобы не перегружать их юные умы трагедией, которую переживали взрослые.

Сын остался на ночь со мной в городе и впервые в жизни перенес настоящую драму. Мы встали в пять утра и отправились на железную дорогу, где увидели, как наш любимый полк, среди которого мы так много лет прожили, садится в поезд. Царил полный порядок, но посадка заняла несколько часов. Каждый эскадрон занимал определенный поезд: товарные вагоны для солдат и лошадей, платформы для багажа и провианта и в самом конце не слишком чистые несколько вагонов второго класса для офицеров, врачей, документов и т. д.

Когда пришло время по-настоящему прощаться, всех охватило волнение – поспешные поцелуи, произнесенные задыхающимися голосами слова благословения, затем поспешный бег по платформам. Поезда уехали, а перед маленькими одинокими группами родственников открывалась вереница долгих дней волнений и пустоты! Было ужасно смотреть, как уезжают наши мужчины! Кроме моего мужа, в этих поездах ехало много наших друзей, и мы знали, что их сразу же бросят под огонь. В последний момент меня нагрузили пакетами с ценностями и письмами, и я пообещала присмотреть за ними и сообщить новости тем семьям, которые не смогли быть с нами в это солнечное утро.

Поспешно велось формирование частей Красного Креста. Им были необходимы самые разнообразные припасы, поскольку невозможно было все предусмотреть в надвигающихся событиях. В самой столице открывались сотни госпиталей как правительственных, так и частных. Призыв к состраданию и милосердию находил отклик в сердцах женщин, и они вносили свой вклад, жертвуя деньги, время и вкладывая свой труд.

Возник порыв сплотиться вокруг императрицы с тем, чтобы она направляла эту деятельность; и многие, кто, так же как и я, прежде избегал мадам Вырубову, были вынуждены обращаться к ней, зная, что она избрана императрицей, чтобы представлять ее во время всей работы, направленной на нужды фронта. Анну Александровну Вырубову произвели в звание фрейлины императрицы и взяли жить при дворце со времени ее дебюта. Внешне она была очень толстой, обладала неуклюжей походкой и фигурой, но хорошенькой головкой с мягкими кудрявыми волосами, голубыми глазами, всегда казавшимися сонными, хорошим цветом лица и превосходными зубами. Она не умела вести беседу, разве что тихим нежным голосом делать комплименты, и прикидывалась застенчивой, сентиментальной и глуповатой. Таким способом ей удавалось долгие годы скрывать свои истинные амбиции и поступки. Начиная свою карьеру, она избрала тактику низменной лестницы, что сначала удивляло императрицу, а затем стало доставлять ей удовольствие и трогать ее. С течением времени ее величество стала все чаще и чаще допускать до себя самозваную «рабыню». Дворцовые сплетники утверждали, будто мадам Вырубова сидела у ног своей хозяйки, целовала их, умоляла как о чести, чтобы ей дали

какую-нибудь самую неприятную работу, и разговаривала с императрицей на каком-то колоритном восточном языке, называя ее «солнцем и луной» или своей «жизнью», и утверждала, что не умерла от тифа благодаря присутствию обожаемой повелительницы у ее постели.

За семь-восемь лет до начала войны мадам Вырубова вышла замуж по желанию ее величества за выбранного императрицей человека. Ее мужа убедили оставить постоянную службу во флоте и поселиться при дворе, где ему предоставили должность адъютанта при императоре. Ко всеобщему изумлению, он через несколько месяцев настоял на разводе с ней и, отказавшись от предоставленной ему чести, покинул двор и вернулся на море. Он больше никогда не возвращался, а за ту историю, которую он рассказывал о своей семейной жизни, его прозвали безумным. После этого мадам Вырубова всегда оставалась при императрице, которую монархиня называла просто «мой друг», и стала ее фавориткой и доверенным лицом. Ей предоставили апартаменты во дворце, а временами она жила в маленьком домике, снятом неподалеку, где она могла свободно развлекаться и куда часто приглашала свою августейшую покровительницу с тем, чтобы та могла встретиться с людьми, которых было трудно принять при дворе. Вскоре явное неприятие, которое верные подданные испытывали по отношению к поведению Вырубовой, фаворитка стала истолковывать как скрытую критику друзей, вкусов и дел императрицы, в результате создалась довольно щекотливая ситуация. Разум императрицы был отравлен болезненным мнением, будто аристократическое общество относится к ней враждебно, и таким образом она все больше и больше удалялась от здоровых влияний. Года за два до войны Распутин был представлен при дворе фавориткой, поощрявшей его служить императрице.

Когда началась война, многие женщины, так же как и я, ощутили, что ничто не имеет значения, кроме нашего патриотического долга, и, желая продемонстрировать свою преданность, все мы нанесли визит мадам Вырубовой, обратившись с просьбой предоставить нам работу в различных подразделениях Красного Креста, организованных по приказу ее величества. Отныне стало невозможным не замечать влияния мадам Вырубовой на ход событий. Она сообщила нам, что «ее величество страдает от приступа так часто мучающих ее неврологических болей», а всех, кто желает помочь, просят приступить к работе в Зимнем дворце, двери которого будут распахнуты, как во время Японской войны. Через несколько дней газеты оповестили, что во дворце все готово, и открытие, состоявшееся около полудня, стало зрелищем, достойным изумления. Огромная толпа женщин предстала перед осуществляющим руководство комитетом, состоящим из фрейлин с Вырубовой во главе. Жены правительственных чиновников и придворных, жены офицеров и простых солдат, продавщицы и швей стояли плечом к плечу, охваченные равным усердием.

Каждый день мы надеялись, что появится императрица, главным образом для того, чтобы поблагодарить бедных женщин, которые тратили свое время и силы, вместо того чтобы зарабатывать деньги на жизнь. Но проходила неделя за неделей, а ее величество не появлялась, и стали распространяться слухи, что она всецело занята своим маленьким личным госпиталем, открытым во дворце Царского Села, и не проявляет никакого интереса к делам в столице, поручив все мадам Вырубовой.

Я, так же как и все мои друзья, оказалась вовлеченной в водоворот работы, мы делали и упаковывали перевязочный материал, обсуждая новости. Они ободряли и льстили национальной гордости. Кампания в Восточной Пруссии проходила успешно, и армия быстро продвигалась вперед, захватывая город за городом до тех пор, пока не

продвинулась далеко на немецкую территорию.

В начале августа император и императрица с детьми и двором переехали из Петергофа в Царское Село, опасаясь, что немцы могут начать обстреливать побережье, где находилась прежняя резиденция. По той же причине, а также из-за своей работы в Красном Кресте княгиня Орлова покинула Стрельну и переехала в город. Она привезла с собой моих детей и разместила их в своем доме. Я обрадовалась этому, поскольку была очень занята: помимо дневной работы во дворцовой мастерской по производству перевязочных материалов, утро я проводила в мучительных попытках обустроить наш новый дом. В условиях того времени оказалось ужасно тяжелым предприятием привести в порядок даже такое небольшое жилище. Рабочих, на которых я рассчитывала, мобилизовали, и почти всех моих слуг тоже забрали в армию. Я обрекла себя на потерю сил и времени, но на помощь пришли друзья, и, несмотря на множество затруднений, у меня появилась надежда, что к середине августа мне, возможно, удастся переехать в новую квартиру.

Я любила Санкт-Петербург в эти первые недели войны и восхищалась своими соотечественниками, как никогда прежде. На улицах все торопились, каждый был занят, автомобили и дома были отмечены знаками Красного Креста, его же носили многие женщины. Особенно трогательно было наблюдать за бедными: каждая лавчонка охотно продавала вещи «для солдат» со скидкой, каждая небогатая трудящаяся девушка отдавала свои силы на общее дело. Богатые люди охотно проявляли щедрость, жертвуя не только деньги, но и время и заботу, дворцы и машины, заполняя упущения, допущенные правительством в заботе о своих сыновьях.

Однажды вечером на нас словно обрушился удар молота. Наступление в Восточной Пруссии продолжалось блестяще, и волнующие новости о ежедневном продвижении вперед наших войск поддерживали нас, женщин, в приподнятом настроении. Но пришел день, когда при взятии Каушена 19 августа Кавалергардский и Конногвардейский полки понесли большие потери, так что сообщение об этом триумфе принесло в столицу одновременно и боль матерям и женам. Так много офицеров и солдат погибло! И список раненых был тоже огромен!

Мой муж возглавил три эскадрона своего полка, которые, спешившись, атаковали вражеское укрепление, в самом начале атаки ему прострелили печень. Он не захотел передавать командование в столь серьезный, критический момент и еще минут двадцать продолжал участвовать в атаке, пока слабость от ужасной потери крови не поборолла овладевшее им возбуждение. Затем, поддерживаемый младшим товарищем бароном Пиларом фон Пилхау, он отправился на полковой пункт первой помощи, находившийся сразу же за линией траншей. Врач и его помощник были так загружены работой, что им пришлось привлечь на помощь полкового ветеринара. Именно он с помощью Пилхау перевязал рану Кантакузина. Затем его посадили на лошадь, и он в сопровождении солдата проскакал восемь миль и вернулся в барак, где разместился командир полка. Здесь раненых укладывали в маленьком садике, подстелив для удобства солому.

Весь этот жаркий день они пролежали без еды и ухода до тех пор, пока вечером не закончилась битва, тогда вернулся хирург и его помощники. Затем при участии одного-двоих добровольцев из офицеров врачи обошли толпу страждущих, делая то немногое, что было в их силах при отсутствии необходимых средств, чтобы облегчить страдания раненых. Муж слышал вокруг горестные стоны и обрывки фраз, некоторые голоса он узнавал, но не мог повернуться, чтобы рассмотреть своих соседей. Он понял, что на

фронте не организована служба ухода за ранеными и что его считают умирающим. Его рану не перебинтовали, но его самого бережно подняли руки товарищей и перенесли в комнату князя Долгорукого, приказавшего сделать для него постель из свежего сена. Здесь ему дали бренди и ввели морфий. У него остались весьма болезненные воспоминания о той ночи, хотя командир заботился о нем как только мог. Постоянно заходили люди с рапортами и приказами. Если они узнавали Кантакузина, то подходили к тому углу, где он лежал, чтобы произнести несколько ободряющих слов. Утром в его состоянии наступило небольшое улучшение, и он так захотел уехать домой вместе с остальными ранеными, которых отправляли железной дорогой, что командир и доктор согласились. Дали еще морфия, еще бренди и перенесли в крестьянскую телегу, где уже сидел его денщик и куда были погружены пожитки. Денщик Михаила, Давидка, прислуживавший ему уже много лет и мобилизованный вместе с ним, был из нашего имени, из числа наших крестьян. Его преданность проявилась в полной мере во время этого длительного путешествия, он следовал во всем рекомендациям доктора о том, как ухаживать за хозяином. Этот превосходный уход стал, безусловно, одной из причин, почему мой муж пережил столь мучительное путешествие.

Два дня процессия из грубых телег тащилась назад по направлению к родной стране, трясая пассажиров на каменистых дорогах. Их медленный шаг был просто пыткой. Часть времени в бреду, часть в полудреме от слабости – они почти стерлись из памяти, но в остальное время боль была настолько велика, что муж старался никогда об этом не говорить впоследствии. Я узнала об их приключениях от офицера, тоже раненного и ехавшего в другой телеге, позади мужа. Он время от времени подходил, чтобы проверить, как дела у мужа. Давидка, много часов просидевший поддерживая своего хозяина, рассказал, что проезжавший мимо хирург остановил их телегу и, переведя моего мужа в покинутую конюшню неподалеку от дороги, промыл ему рану, сменил повязку и, распаковав небольшой сундучок Михаила, поменял пропитанную кровью одежду.

Наконец они добрались до железной дороги, и наш больной все еще был жив и в сознании, хотя и очень слаб. Здесь поезд формировался из пустых вагонов, которые привозили войска и провиант и возвращались в Петербург за пополнением. Раненых погрузили туда как попало – без еды и без медицинского обслуживания. Верный Давидка положил хозяина на полку, а сам устроился поблизости, и так они ехали более двух дней, Давидка как мог помогал хозяину.

Князь Долгорукий, в течение многих лет бывший товарищем императора, прислал мне телеграмму, муж тоже прислал телеграмму с дороги, так что мы ожидали прибытия печального поезда, и я, взяв с собой нашего мальчика, отправилась встречать Михаила в воскресенье днем, на четвертый день после того, как он был ранен. Поскольку он еще не умер, надежда все еще теплилась. В пути он ничего не ел, только пил спиртные напитки в начале пути и время от времени стакан молока, который давали ему на станциях женщины. Прослышав про раненых и их злосчастное положение, они сыграли роль добрых самаритянок и поделились всем, что имели, – хлебом, фруктами и молоком.

Я встретила своего инвалида с крытой санитарной повозкой и носилками, взяв с собой доктора Крессона из французского госпиталя, доброго, талантливый и горевшего желанием взять своего первого военного пациента. Он слышал, что мой муж так тяжело ранен, что окружающие сомневались, продержится ли он до дома. Врач поднялся в вагон, чтобы забрать своего пациента, и нашел его стоящим в коридоре. На вопрос врача: «Где находится умирающий князь Кантакузин?» – человек, к которому он обратился, ответил с

рассеянной улыбкой: «Это я!» Перепуганный Крессон и верный Давидка помогли ему выйти из вагона. Сообщив мне, что с ним «все в порядке и он не поедет в госпиталь в санитарной повозке», он упал на носилки, которые мы для него приготовили, и его понесли. Следующими его словами было утверждение, что он «через три недели непременно поправится и сразу же вернется на фронт». На это мы с доктором Крессоном тотчас же согласились, поставив ему условие, что в течение этих трех недель он позволит ухаживать за собой должным образом и не будет волноваться по поводу войны.

Затем его охватила слабость, которой в течение нескольких дней он сопротивлялся и не позволял овладеть собой исключительно благодаря силе воли. Семь недель он пролежал в госпитале, не в состоянии поднять руки. Сильные боли, опасность заражения крови, плеврит, лихорадка – всего хватало. Ему предоставлялось все, что могла дать современная наука, а лечение в госпитале и уход сестер святого Иосифа был выше всяких похвал. Его сильный организм довершил остальное. Примерно через месяц наметилась небольшая перемена к лучшему. Врачи пообещали, что он будет жить, хотя, возможно, останется инвалидом и не будет иметь возможности когда-нибудь снова вернуться к военной карьере.

В течение этих недель все проявляли огромную доброту. Невозможно сосчитать всех тех, кто интересовался нами или приходил навестить меня в первые дни. А позже, когда мужу позволили принимать посетителей, вокруг его постели собиралось множество выздоравливающих раненых товарищей и других друзей. Мужчины и женщины слышали о перенесенной боли, и подвиг, совершенный при захвате Каушена, вызвал огромное волнение в нашем обществе. Наша дорогая, по-матерински относившаяся к нам великая княгиня Анастасия принесла письма и телеграммы от своего мужа, в которых бывший шеф [82 - Великий князь Николай Николаевич.] среди всех своих многочисленных забот нашел время, чтобы поздравить Кантакузина и расспросить о его здоровье. Он писал, что поскольку он согласился, чтобы мой муж ушел от него и отправился на фронт, то считает себя ответственным за то, что его чуть не убили. Он выражал надежду, что Михаил, когда тот в достаточной мере поправится и сможет покинуть дом, присоединится к его штабу, где будет находиться вдали от опасностей. Мужа обрадовало это предложение. Другим предметом гордости стала золотая шпага Святого Георгия, врученная ему по единогласному решению комитета по вручению этой награды за исключительную самоотверженность и мужество, проявленные им, когда он после полученного ранения продолжал выполнять свой воинский долг.

Его навестили несколько неожиданных посетителей. Однажды у дверей госпиталя тихо, без предупреждения появилась императрица-мать и спросила, как пройти к «палате Кантакузина». Ее величество вместе со своей фрейлиной просидели у постели почти час, она сказала, что пришла как его «командир» (императрица-мать была почетным командиром Кавалергардского полка), чтобы посмотреть, как он себя чувствует, и поблагодарить за службу. Она объяснила, что выбрала в сопровождающие графиню Менгден, зная, что они в детстве дружили.

Два дня спустя муж проснулся от короткого сна, во время которого я вышла прогуляться, и решил, что ему снится сон: в дверях стоял император, улыбаясь очаровательной доброй улыбкой. Он был один! Когда Михаил, преодолевая боль, попытался подняться, его величество поспешно подошел к нему и, положив руку ему на плечо, удержал. Пожав мужу руку, император пододвинул стул и сел у постели, где и оставался некоторое время, расспрашивая больного о его фронтовом опыте, задавая при

этом множество умных вопросов и демонстрируя острый интерес ко всем деталям, связанным с войсками, организацией, транспортом и прочим. Уходя, он поблагодарил Михаила за службу, оказанную стране и ему лично, пожелал скорейшего выздоровления и посоветовал беречь себя впоследствии. Пожелав всего наилучшего, император ушел так же незаметно, как и пришел. Руководство госпиталя чуть не попадало в обморок во время этого визита! Чтобы сделать приятное моему мужу, его величество взял с собой в качестве сопровождающих лиц двоих бывших кавалергардов – генерала Воейкова [83 - Воейков Владимир Николаевич (1868—1947) – генерал-майор, комендант императорских дворцов.], коменданта дворца, а также графа Шереметева [84 - Шереметев Дмитрий Сергеевич (1869—1943) – граф, друг детства Николая II.], адъютанта. Я узнала от них, что император оставил их ждать в коридоре во время своего разговора с Кантакузиным и позвал только в конце своей часовой беседы для общего разговора и прощания с ним.

Муж был глубоко растроган вниманием монарха и той честью, которую он оказал ему своим спонтанным визитом, поскольку подобные посещения не были типичными для Николая II. Особенно взволновало моего мужа, когда он из нескольких источников узнал, будто император сказал, что «ни от кого не слышал более ясного описания сражения, ни один офицер не высказывал такой высокой оценки простых солдат и не демонстрировал такого понимания их ценности и высоких качеств». Монарх обратил на это внимание и сам по возможности старался проявить любовь к простым бедным людям.

Когда еще через два месяца муж смог покинуть госпиталь, наш новый дом был готов принять его, мы с детьми уже прожили там несколько недель. Все было в превосходном порядке, хотя штат слуг значительно уменьшился из-за мобилизации. Интерес к новому дому помог Михаилу пережить этот месяц, когда он был вынужден вести жизнь инвалида. Затем он присоединился к штабу великого князя; прежний начальник встретил его с большой симпатией, поместил в купе рядом с врачом и строго указал последнему внимательно наблюдать за новым пациентом и выполнять указания петербургских врачей Кантакузина.

Всю зиму муж оставался при штабе, постепенно набираясь сил. Он предпринял две приятные поездки. Во-первых, в конце зимы отправился в Румынию, чтобы встретить там генерала сэра Артура Паджета и членов британской делегации, которых сопровождал в столицу, где множество официальных развлечений устраивалось в честь посланников; после этого он сопровождал их на фронт в Галицию, где англичане увидели наши войска под огнем и не могли не восхититься их храбростью и терпением, их способностью выносить холод, голод и усталость и в то же время воевать. Эта черта как офицеров, так и солдат, казалось, поражала каждого иностранца, оказавшегося на нашем фронте, и всегда вызывала восторженные отзывы, особенно во время бедственного отступления 1915 года. [85 - Большие немецкие наступления в мае – сентябре 1915 года отбросили русскую армию из Польши, Литвы и части Украины.]

Еще интереснее была вторая поездка весной, когда император посетил штаб главнокомандующего и они осуществили триумфальную инспекционную поездку по Галиции. Их повсюду шумно приветствовали.

Это путешествие произвело на монарха большое впечатление важностью завоеванных территорий, и у него возникла мысль забрать у Сухомлинова право на поставку боеприпасов, необходимых для продолжения нашего наступления. Прежде чем главнокомандующий предпринял свое наступление в Галиции, состоялось много обсуждений, поскольку великий князь, не доверяя Сухомлинову, не начинал наступления

до тех пор, пока не обеспечит себе большой запас пушек и боеприпасов. Военный министр обещал снабдить его всем необходимым к концу зимы, император гарантировал выполнение этого обещания. Тогда наступление началось и проходило с таким успехом, что не только город за городом отходили к России, но и вражеские войска в огромных количествах переходили под наши знамена, порой целые соединения чехов или славян вместе со своими музыкантами, офицерами и знаменами. А наши армии уже смотрели с вершин Карпатских гор на венгерские равнины и угрожали Будапешту. Но мы не могли продвигаться дальше без необходимых средств; а пока мы стояли неподвижно, немцы бросили свои отборные войска на юг, чтобы усилить спасающихся бегством союзников. Его величеству понравилось предложенное ему новое приобретение. Затем он вернулся к ожидающему его кругу в Царское Село и выслушал их похвалы Сухомлинову и льстивые слова военного министра.

Вся страна и армия присоединились к мнению, что это вопрос первостепенной важности. Сухомлинов посетил заседание Думы в начале февраля и публично дал слово чести, что к середине марта будут осуществлены все обещанные поставки на фронт: пушки, ружья, боеприпасы в установленных количествах, которые он назвал. Между тем он и его друзья при дворе (мадам Вырубова, Воейков и их клика) представили дело так, будто либеральные представители Думы плохо обращались с Сухомлиновым из-за своих старомодных представлений о верности, будто великий князь из личных соображений и честолюбивого стремления сосредоточить всю власть над армией в своих руках с подозрением относился к его намерениям и присоединился к либеральному движению и будто великий князь стремился приобрести чрезмерную популярность в армии. А «кто может сказать, как он может использовать свою власть, когда добьется подобного результата»? Он отправился с императором в поездку по Галиции, и его тоже шумно приветствовали.

Стала проводиться такая правдоподобная на вид и коварная кампания, что удалось возбудить негодование у императрицы. И она открыто встала во главе партии Вырубовой – Сухомлинова, чтобы спасти мужа, отличавшегося чрезмерной доверчивостью, от либералов, желавших подорвать его права, а также от возможного соперника, фигура которого, как ей казалось, ясно вырисовывалась на горизонте. Император же колебался, отказывался предпринять какие-либо действия, но живо заинтересовался представленным ему делом, в нем пробудили некоторую ревность по отношению к великому князю. Орлов храбро пытался идти против течения.

Некоторое время император проявлял нерешительность, но посеянные в его мозгу зерна недоверия стали приносить свои плоды. Сухомлинов не был смещен, а когда началось отступление из-за того, что он не выполнил своих обещаний, и великий князь потребовал, чтобы военного министра отстранили, судили и расстреляли за предательство, ничего не было сделано, хотя вся страна негодовала при виде подобной слабости. Затем главнокомандующий, который в своей верности короне не мог подать прошения об отставке теперь, перед лицом наступившей опасности, серьезно предостерег, что подобное покровительство таким предателям, как Сухомлинов, могло привести к такому состоянию умов в армии и среди гражданского населения, когда они смогут с легкостью воспринять любую революционную пропаганду. Солдаты знали, что их безжалостно принесли в жертву, гражданские люди тоже это ощущали.

В обществе стало известно о протесте великого князя. Все чувствовали, что с ним обошлись несправедливо, и его полюбили больше, чем прежде. Партия Сухомлинова с

императрицей во главе впервые выдвинулась вперед и стала играть политическую роль. Из-за происхождения императрицы, а также потому, что обнаружилось, что Сухомлинов покровительствовал немецким шпионам, эта партия получила название при дворе «немецкой» или «окультной». В нее в качестве пророка входил Распутин, а также другие колоритные, но сомнительные личности.

Великий князь обнаружил, что числится во главе оппозиционной партии, совершенно неожиданно и против своей воли. В то время Москва прислала депутацию, где его просили свергнуть императора и самому занять трон. Я это знаю, потому что его императорское высочество отказался даже принять их, и на моего мужа была возложена обязанность передать отказ великого князя рассматривать или обсуждать подобные предложения. Князя поддержала Дума, выступившая за открытое преследование шпионов, многие члены кабинета, а также на его стороне оказалось мнение всех честных представителей всех классов [86 - Здесь автор всецело идентифицирует себя со сторонниками великого князя Николая Николаевича, в число которых входило большинство генералов и членов «Прогрессивного блока» Думы, объединившихся против Сухомлинова. После ряда военных поражений 1915 года Сухомлинов был смещен, арестован и обвинен в коррупции и измене. Впоследствии он предстал перед судом Временного правительства в 1917 году и был приговорен к каторжным работам, но был освобожден большевиками после Октябрьской революции. Большинство выдвинутых против него обвинений оказалось необоснованными. Слухи и обвинения по поводу сговора с Германией в высших кругах, начиная с императрицы, не нашли подтверждения.]. Император находился посередине. Он сомневался и колебался.

Орлов играл роль посла, осуществлявшего связь со штабом, и выполнял эту деликатную миссию, проявляя непревзойденный такт и осторожность. Наконец, после нескольких месяцев отступления мы потеряли почти все свои завоевания, подвергли бойне десятки тысяч храбрейших сынов России; наши богатые урожаи, города и провинции попали в руки к врагам или оказались уничтоженными, нашей армии пришлось сражаться голыми руками и палками, незаряженными пушками и ружьями только с помощью штыков, но тем не менее бесстрашные и непобежденные наши войска отступили к Варшаве, стараясь терять как можно меньше людей и земли, пользуясь любыми средствами природной защиты, такими как леса или болота, разрушая здания, чтобы использовать кирпичи в качестве боеприпасов, удерживая свои траншеи и снова наступая. Многие полки по пять раз переформировывались и всегда сохраняли терпение, хотя почти не имели ни пищи, ни отдыха, и все же нашу линию фронта ни разу не прорвали.

У великого князя в его отчаянном положении было одно высшее удовлетворение – сознание того, что весь мир склонялся перед его силой и военными способностями и что он спас свою армию от полного разгрома. Никогда во всей истории не было столь величественной страницы, как история этих ужасных месяцев отступления 1915 года; и над всеми возвышалась благородная фигура старого полководца, командира и вдохновителя, обожаемого всей страной, за исключением тех людей, кто больше всех был ему обязан.

Потеря времени и отвратительная потеря возможностей, и вдруг император решился. Сухомлинов был незамедлительно отправлен в отставку и заменен крайним либералом генералом Поливановым [87 - Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) – генерал, военный министр с 13 июня 1915 по 15 марта 1916 года.], раненным во время последней войны, имевшим репутацию умного, честного и храброго человека, интересовавшегося

политикой и имевшего хорошие отношения с Думой. И не только это: Думу, закрытую на неопределенное время весной, вновь созвали 1 августа, и вся Россия с надеждой ожидала перемен.

В начале весны муж смог сесть верхом, поначалу на спокойную лошадь, и передвигаться медленно в присутствии врача; и по мере того как шло время, он ежедневно обретал новую силу и энергию, и казалось невозможным, что инвалид, который десять месяцев назад умирал, смог стать совершенно нормальным человеком, претендующим на отправку на линию фронта. Однако великий князь, к негодованию и огорчению Михаила, держал его при штаб-квартире. Все его знакомые, приезжавшие в Петроград, рассказывали о спорах на эту тему, которые Кантакузин ежедневно вел со своим командиром, и об отеческой доброте и суровой непреклонности последнего. Великого князя прекрасно характеризует послание, которое он прислал мне в то время. Он утверждал, что его несколько не пугает неистовство инвалида и что мне тоже не следует переживать по этому поводу. Он считал себя виноватым за ужасную рану, полученную Михаилом при Каушене, и очень радовался его выздоровлению. Он полагал, что мой муж полностью выполнил долг перед отечеством и теперь может спокойно оставаться при штабе, не опасаясь того, что подвергнется критике, и выполнять свои привычные обязанности, с которыми он справляется чрезвычайно хорошо. Но этот человек так хочет уйти из штаба, и у него явно есть призвание к службе в армии, и, безусловно, он заслужил право командовать воинским соединением на передней линии фронта. Он интересовался моим мнением по этому поводу и предлагал мне побеседовать с лечившими Кантакузина хирургами и спросить: может ли он, по их мнению, снова вернуться на передовую? Его врач Малама написал для них его диагноз.

Орлов, привезший это сообщение, добавил: «Шеф сказал, что не будет говорить об этом с вашим мужем, если вы пообещаете тоже не говорить об этом, поскольку считает, что вам предстоит пережить несколько чрезвычайно неприятных минут с Кантакузиным, если обнаружится наш тайный сговор».

Я посетила врачей, и они заключили из рапорта Маламы, что пациент снова может переносить суровые условия фронтовой жизни. Эта зима оказалась для меня неожиданно довольно спокойной. Все это благодаря доброте великого князя, я благодарна ему за то, что он предоставил мужу столь желанное командование на боевой линии. Так что Михаил получил двухнедельный отпуск, первый со времени отпуска по болезни и пребывания в госпитале, и я с восторгом наблюдала, как он наслаждается им и как к нему возвращаются вера в будущее и радость жизни.

Глава 13

Жизнь в Петрограде

С сожалением покинув городскую квартиру, мы в конце мая выехали за город. Я пообещала провести лето с детьми у свекрови. С большим наслаждением проводила я время зимой, несмотря на войну, а возможно, именно благодаря ей, так как была очень занята. Помимо интереса, который я испытывала к личным делам, связанным с мужем, я приняла на себя обязательство работать в двух госпиталях, основанных женами офицеров Кавалергардского полка и дворянством Петрограда. А также стояла во главе Комитета офицерских жен и матерей, занимавшегося снабжением нашего полка предметами первой

необходимости. Все это занимало у меня немало времени. А для ежедневной работы я с большим энтузиазмом посещала мастерскую по производству перевязочных материалов, устроенную императрицей-матерью в Аничковом дворце.

Эти собрания были немногочисленными, непринужденными и уютными. Все их участницы находились в добрых отношениях, и наша хозяйка, императрица, часто заглядывала, чтобы проверить, как у нас дела, и всегда приободряла и хвалила. Наш труд оканчивался подаваемым в пять часов чаем, и мы расходились по домам с приятным чувством исполненного долга и сознанием, что нас высоко ценят! Наша хозяйка иногда надевала один из больших белых фартуков и присаживалась на час поработать за длинный стол, складывая или упаковывая перевязочный материал. Она очень возмущалась по поводу изменения названия города с Санкт-Петербурга на Петроград и заявляла: «Будто у нас нет других более важных дел, кроме как переименовывать наши города в такое время, как это!» – и замечала, что нынешнему правительству «было бы лучше оставить работу Петра Великого в покое!».

В эти первые месяцы войны императрица-мать завоевала сердца многих и подорвала здоровье, осуществляя долгие и утомительные поездки по всем госпиталям Петрограда. Она приободряла и помогала раненым, находила средства для семей бедных солдат, а к весне стала работать над тем, чтобы оказать помощь и накормить беженцев из Польши, угрожавших затопить всю страну. Ей хватало мужества и энергии, на губах всегда была ласковая улыбка, а ее манера держаться согревала сердца и привлекала всех к этой спокойной величественной женщине. Она так хорошо понимала свою роль, что, когда пришла революция, все сочувствовали печалю ее величества; люди как высокого, так и низкого происхождения сожалели, что она оказалась среди обреченных на несчастья, вызванные всеобщим переворотом.

Во время этой первой военной зимы мужество поддерживалось новостями о наших военных успехах; и, хотя больших вечеров не устраивалось, небольшие обеды часто давались в гостеприимных домах.<

> К весне я ощутила перемены в умонастроениях в столице. Письма Михаила из штаба великого князя день ото дня тоже отражали впечатления от ужасного отступления. В Петрограде общая и личная печаль была чрезвычайно велика, веселье, характерное для зимних собраний, покинуло нас раз и навсегда. Ходило много слухов по поводу «окультурных», или немецких, сил, начавших влиять на события, многие ощущали дурные предчувствия по поводу будущего, создавалась атмосфера, в которой трудно было жить. Формировались новые партии, и было все труднее находить правильный курс среди водоворота подозрения.

Июнь и начало июля муж оставался в штабе, по-прежнему страстно желая отправиться на фронт, в то время как я находилась за городом. В конце июля его внезапно назначили командиром его величества императорского Кирасирского полка; это был великолепный отборный полк, превосходно укомплектованный офицерским составом и уже прославившийся в ходе войны своей дисциплиной и храбростью. Кантакузин пришел в восторг. Он поспешно покинул штаб и отправился в Петроград, телеграфировав мне с просьбой приехать, поскольку ему предстояло провести там какое-то время, пока его назначение не пройдет через несколько департаментов военного министерства. Если он поедет на фронт, нам следовало кое-какие дела привести в порядок.

1 августа 1915 года Дума собралась в большом зале Таврического дворца [88 -

Таврический дворец – классическое здание, построенное в 1783—1789 годах, названное в честь князя Потемкина, завоевателя Крыма (Тавриды), стал центральным местом действия русской революции: с 1906 по 1917 год здесь размещалась государственная законодательная власть, Дума, а со времени Февральской революции там одновременно размещались и Временный комитет Думы, и Петроградский Совет.]. Ее членам предстояло выслушать доклады министров по поводу положения дел в армии и правительстве, и все надеялись, что они проявят лояльность и поддержат последних. Тогда обновленные силы влились бы в действия кабинета по поддержанию армии, помогли ей с боеприпасами и предметами первой необходимости, которых по-прежнему вопиюще не хватало на фронте в результате руководства Сухомлиновым военным министерством.

Мне всегда казалось иронией судьбы то, что для размещения первого российского конгресса выбрали здание дворца князя Таврического (Потемкина), высокомерного и властного фаворита Екатерины Великой! Могу себе представить, что бы он подумал, если бы увидел некоторых субъектов, оказавшихся в стенах его дворца!

Но этот день был не для борьбы. Напротив, Сухомлинова, уже давно обвиненного в наших неудачах, наконец отправили в отставку, а на его место назначили пользовавшегося большой популярностью Поливанова, сидевшего в этом же зале недалеко от нас. Этого изменения удалось добиться у императора благодаря упорству великого князя Николая и его группы, на время «немецко-оккультная партия» потерпела поражение.

Умевший производить большое впечатление председатель Думы Родзянко [89 - Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) – последний председатель Думы, лидер умеренно либеральной конституционно-монархической партии октябристов; он был дворянином и землевладельцем из Екатеринославской губернии.] прошел на свое место, постучал по столу, и тотчас же воцарилась тишина. Его речь была короткой и патриотичной, ее высоко оценили и встретили бурными аплодисментами. Всеобщий энтузиазм стал главной особенностью дня. Затем вышел старый премьер-министр Горемыкин. Здоровье его было подорвано, он был маленьким, согбенным, с тихим невыразительным голосом, но перед этой безмолвной толпой его слова прозвучали ясно и четко. В них звучала надежда на лучшие дни и пожелание монарху проявить силу в защите своих земель, протянуть руки к своим людям, прося их о помощи и обещая им свою. Когда Горемыкин закончил, теплившаяся в каждом сердце надежда превратилась в веру!

Поливанов побледнел от волнения, впервые выступая перед подобной аудиторией. К тому же он не мог ничем нас порадовать: Варшава была обречена, почти все завоеванные нами провинции вернулись в руки врагов, а кроме того, оказалась захваченной и значительная часть нашей территории. Но, как он сказал, были уже предприняты энергичные меры для приобретения столь необходимых боеприпасов. Он призвал всех объединиться, чтобы поддержать нашу героическую армию. В тот день все присутствующие ощутили готовность сделать это.

Дважды речи прерывались неопределенными выкриками со стороны двоих небрежно одетых и взъерошенных личностей, сидевших развалившись на своих депутатских местах и даже не вставших, чтобы произнести свои реплики. Про одного темноволосого, чисто выбритого, напоминающего по внешнему виду еврея, мне сказали, что это «довольно красноречивый субъект, но необузданный, с нетипичными взглядами, по фамилии

Керенский» [90 - Керенский Александр Федорович (1881—1970) – юрист, член Думы и в 1917 году Петроградского Совета, был единственным социалистом (социалистом-революционером), вошедшим в первое Временное правительство в марте 1917 года как министр юстиции. В мае был назначен военным министром; после июльского кризиса, сохранив пост военного министра, стал премьер-министром и удерживал этот пост до большевистской революции в октябре 1917 года.]. А вторым «предводителем партии горячих голов, всегда нападающих на правительство, был Чхеидзе» [91 - Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) – лидер небольшой меньшевистской делегации в Думе. В 1917 году стал председателем Петроградского Совета.]. Им обоим суждено было оставить свой след в революции.

Мы покидали Думу с ощущением того, что, как бы ни были велики наши беды и повлекшие их ужасные ошибки, теперь они будут исправлены. Превосходный кабинет поддерживает теперь престол, и будущее непременно должно быть хорошим. Но дни проходили, и это впечатление постепенно стало угасать. Отступление по всей линии фронта продолжалось. Сдалась Варшава, а за ней другие наши крупные города, где находились небольшие запасы боеприпасов и продовольствия, один за другим они неминуемо переходили в руки врага. Иногда на фронт приходила радостная весть, что привезли боеприпасы, но в таких скудных количествах, что солдаты пробегали по нескольку километров, чтобы успеть ухватить хотя бы часть их, прежде чем их расхватают другие изголодавшиеся руки, жадно протянутые в ожидании раздачи.

Тот, кто наблюдал за нами в тот период, должен понять, почему по мере того, как положение ухудшалось, семена революции, посеянные немецкими агентами, нашли плодородную почву среди подавленного, но всеобщего возмущения. Причина была не в отсутствии патриотизма или недостатке средств на тот момент. Финансами страны хорошо распоряжались, и Поливанов поспешно отдавал распоряжения. Все признавали проявление огромной энергии и в то же время понимали, что мы платим за прошлые промахи, которые привели к дезорганизации транспорта и административных ведомств, сделав их совершенно беспомощными. К создавшемуся положению привели пагубные интриги темных сил, за что их все от души ненавидели. Эта партия продолжала бороться с сильной преданной группой министров, обладавших такими же либеральными взглядами, как и главнокомандующий, и делавших все возможное, чтобы найти удовлетворительное решение этих ужасных проблем.

В наши сердца постепенно закрадывалось отчаяние. В один из этих дней я встретила с женой главнокомандующего, и меня потрясли ее измученный вид и рассказ о том, как ее супруг страдает из-за плохого состояния армии. Он знал, что боеприпасы, которые распорядился доставить на фронт Поливанов, привезут только через несколько недель. Великий князь постоянно сражался с беспомощными властями в Петрограде за то, чтобы улучшить обеспечение солдат; упадок духа, все более усиливавшийся в войсках, тяжелым бременем ложился на его плечи, и великая княгиня опасалась, что ее мужа постигнет нервный срыв.

Несколько дней спустя я отправилась к мадам Горемыкиной по ее приглашению. Подъехав к ее дому на Островах, я обнаружила множество министерских машин, стоявших перед дверями, большой из двух ее салонов заполнила группа мужчин, оживленно о чем-то говоривших, их голоса время от времени доносились до нас через закрытые двери. Мы с хозяйкой сидели в меньшей комнате, и я со смехом сказала ей: «У вас собралось много народу, мадам. Неужели это собрание Кабинета министров в

воскресенье днем?» И она ответила: «Дорогая княгиня, моему мужу внезапно пришлось созвать это собрание. Он очень встревожен мрачными новостями, которые только что получил». Я поинтересовалась, не случилось ли чего-либо плохого на фронте, и она ответила: «Нет, это намного, намного хуже и еще более трагично, я не могу разгласить тайну, но, возможно, они надеются, что им удастся предотвратить это».

На следующее утро распространилась новость о том, что великого князя уволили с его поста и отправили на Кавказский фронт. Его, правда, назначили наместником, но с очень кратким рескриптом официальных благодарностей. Мы знали, что эту новость сообщил ему генерал Поливанов, умолявший избавить его от столь тяжелой обязанности, возложенной на него. Мы слышали, что весь кабинет предпринял совместные усилия, чтобы предотвратить отсылку из Ставки великого знаменосца России, главнокомандующего, обладающего львиным сердцем. Императрица-мать на время отбросила свое нежелание вмешиваться в политику и попыталась убедить сына оставить великого князя. Все бесполезно! Партия императрицы теперь открыто и агрессивно вмешивалась в политику. Император сам собирался принять командование из рук великого князя.

Два дня спустя стало известно, что князя Орлова отстраняют от придворной службы, ему приказано сопровождать великого князя на Кавказ. Орлов не получил никаких объяснений подобной немилости. Монарх, которому он прослужил столько лет, не удостоил его ни беседой, ни запиской. Он был совершенно сломлен тем, как его уволили.

В то время ходило множество нелепых слухов. Конечно, каждый утверждал, будто этот позорный акт осуществился под влиянием Распутина – так он сместил двоих своих врагов, – и шепотом передавались подробности разговоров этого самозванного монаха и тех, на кого он оказывал влияние. По правде говоря, я не верю, что Распутин принимал большое участие в этих событиях, он просто выполнял волю Вырубовой и других, тех, кто устраивал свои дела, прикрываясь именем человека, которого они номинально поставили во главе своей партии. Как только великий князь добился отставки Сухомлинова, в умах заговорщиков он был обречен. Требования, предъявляемые ему со стороны приспешников императрицы, были непомерными из-за чрезвычайной популярности, которой он пользовался по всей стране и обожания со стороны армии. Императору все представили таким образом, будто великий князь нарочно пытался вызвать к себе подобные чувства, чтобы вместе со своими последователями использовать их во вред короне.

Относительно всего этого один из министров рассказал мне официальную версию, и поскольку чувство долга, присущее императору, широко известно, она кажется мне заслуживающей доверия. Это рассказал мне месье Барк [92 - Барк Петр Львович (1869—1937) – министр финансов в 1914—1917 годах.], а его преданность и правдивость придают вес этой истории. Он сообщил, что в июле 1914 года, в тот момент, когда была объявлена война, император заявил перед лицом собравшегося Совета министров, что всегда упрекал себя за то, что не отправился на фронт во время Русско-японской войны, не разделил трудности с войсками и ответственность с командирами, и заверил, что во время этой войны не повторит подобной ошибки. Кабинет объединился, чтобы отговорить его от выполнения подобного желания, так как боялись, что он лично подвергнется опасности, а также тревожились, что правительство останется на попечении регента. Им казалось, будет лучше возложить ответственность за все бедствия на кого-то другого, кого можно будет при случае сместить и сохранить высокую репутацию императора. Их аргументы убедили императора, и, поразмыслив, он назначил главнокомандующим великого князя.

Мистер Барк полагал, что, возможно, отступление весной и летом 1915 года привело к возрождению прежней идеи, и, возможно, возникло желание заставить армию почувствовать, что он стоит рядом с солдатами, – по-видимому, это отчасти заставило его величество отправить великого князя на Кавказский фронт и самому принять командование на вершине драмы.

Глава 14

«Оккультная партия»

После того как император принял на себя командование армией, он стал редко бывать в Царском Селе, и министры тратили много времени на поездки в штаб и обратно. Император часто инспектировал войска и несколько раз оказывался под обстрелом.

Императрица время от времени посещала Ставку, всегда в сопровождении мадам Вырубовой. Хрупкий мальчик, наследник престола, жил там с отцом. Большинство людей, понимавших, что происходит, глубоко сожалело о таком положении дел, при котором монарх оказался оторванным от правительства. Это было чревато постоянным возникновением политических проблем; незначительное улучшение состояния дел в армии слабо утешало.

Премьер-министр хотя и был человеком достойным и преданным, но принадлежал к другому поколению и считал, что империя сможет оставаться сильной только в том случае, если самодержавие сохранит свои позиции. Уже само существование Думы крайне беспокоило его. Между двумя группировками Кабинета министров долгое время велась борьба, и отношения между его членами были чрезвычайно натянутыми. В конце концов указом императора Дума была распущена. Эта мера вызвала повсюду огромное раздражение, ее тоже приписали влиянию «оккультной партии». В тот период времени в министерство входили люди, отличавшиеся безупречной честностью и преданностью короне, их расхождения касались только метода, при помощи которого можно было наиболее быстро достичь желаемого результата: победы в войне и укрепления власти императора.

Горемыкин стоял за сильную власть и считал все уступки либеральной политике проявлением слабости, к тому же он опасался, что одна уступка повлечет за собой другую. Группа наиболее талантливых политиков, в которую входили военный министр Поливанов, министр иностранных дел Сазонов, министр финансов Барк и возглавлял которую министр земледелия Кривошеин, придерживалась мнения, что император должен сотрудничать с парламентом и выполнять старые обещания, которые дал десять лет назад, подобными действиями он только обретет силу. Оптимисты прочили Кривошеину пост премьер-министра в будущем, если ему удастся отстоять свои идеи в настоящем. Но Горемыкин, имевший в глазах императора больший вес, чем все прочие, обладал достаточным влиянием, чтобы отодвинуть его на задний план. Императрица оказывала ему поддержку, и группа Кривошеина после короткой борьбы потерпела полное поражение. Кривошеин немедленно подал в отставку, и, хотя император попросил его отказаться от подобного шага, после десятидневного ожидания он снова решительно подал в отставку. Остальные его единомышленники остались в кабинете, считая это своим патриотическим долгом во время войны, но они прекрасно понимали, что их путь отныне будет нелегким.

Это был второй значительный успех реакционной партии, влияние «оккультистов» действительно вылилось в действие. Все либералы готовились к грядущей борьбе, ощущая, что им придется вести ее со скрытым противником, подрывающим их репутацию и выставляющим их поступки в невыгодном свете. Некоторые критиковали Кривошеина за то, что он покинул партию в такой трудный момент, в то время как его почитатели считали, что он совершил единственно возможный для себя поступок. Он сразу же отправился на фронт во главе одной из организаций Красного Креста, где проделал превосходную работу. Разногласия кабинета, вызвавшие отставку Кривошеина, стали для правительства последним поворотом на дороге, ведущую к беде.

Начало осени я провела за городом, вернулась в Петроград к ноябрю и декабрю, чтобы подготовить рождественские подарки от нашего женского полкового комитета и отправить их кирасирам, находившимся тогда на польском фронте. Они очень деятельно провели осень, поскольку на кавалерию легла тяжелая обязанность прикрывать наше отступление, которое по-прежнему продолжалось, хотя и более медленно и с меньшими трудностями с тех пор, как армия стала получать кое-какое обеспечение. Муж на несколько дней присоединился ко мне в столице, куда приехал по военным делам, он попросил предоставить ему аудиенцию у его величества, по стечению обстоятельств приехавшего в тот момент в Царское Село. Он должен был предстать перед монархом в первый раз с тех пор, как принял командование собственным его величества Кирасирским полком; а поскольку до этого долго пребывал на посту адъютанта прежнего главнокомандующего, от которого получил свою теперешнюю должность, и был известен своей преданностью последнему, Михаил испытывал некоторую неловкость в ожидании встречи с новым главнокомандующим.

Но монарх встретил его чрезвычайно любезно, вернулся к их разговору, состоявшемуся в госпитале более года назад, и сказал, как он доволен тем, что «его» кирасиры оказались в столь превосходных руках. Затем его величество стал задавать вопросы, интересуясь подробностями жизни полка. Он тотчас же согласился выполнить все просьбы Кантакузина, направленные на то, чтобы повысить эффективность полка, и среди прочего отдал распоряжение прислать в полк два автомобиля в качестве его личного подарка, один для перевозок, другой в распоряжение командира. После продолжительного разговора, когда мой муж отсалютовал ему, император пожал ему руку и, пожелав удачи ему и его полку, простился самым любезным образом. Когда муж подошел к двери и открыл ее, его величество внезапно окликнул его и попросил вернуться. Кантакузин подошел к императору и остановился в ожидании приказаний. «Вам не кажется, что вы слишком молоды, чтобы командовать таким значительным соединением, как мои кирасиры?» – спросил монарх. И муж ответил: «Не знаю, ваше величество. Вам решать», полагая, что его ждут какие-то перемены. Он был всего лишь полковником, а занимал пост бригадного генерала. «Мне кажется, что вы слишком молоды, и ранг у вас слишком низкий, – продолжал император. – Мы должны незамедлительно исправить положение вещей, так что произвожу вас в звание генерал-майора и поздравляю с тем, что вы теперь принадлежите к моей свите!» Кантакузин был совершенно ошеломлен, когда одна честь последовала за другой. И именно в тот момент, когда он думал, что будет пользоваться меньшим расположением, чем другие, из-за своей прошлой карьеры. Но монарх, возможно, напротив, пожелал привлечь к себе кое-кого из старых приверженцев великого князя; а может, он припомнил историю взятия Каушена и тяжелое ранение Михаила и воздал ему должное за прошлые заслуги и за тяжелые бои, в которых тот принимал

участие в последние пять месяцев.

Стоило императору приложить усилия, как его глаза, голос и улыбка начинали излучать огромное обаяние. В первое время его командования все с симпатией говорили о его интересе, доброте и интеллигентной манере в управлении людьми. Они создали ему определенную личную популярность, которая продолжалась до тех пор, пока он не попал полностью под влияние «оккультной» группы, после чего он стал настолько инертным и рассеянным, что его поведение и изменившийся внешний вид породили слухи, будто приспешники Вырубовой подмешивают ему наркотики.

Горемыкин в конце концов ушел, поскольку возникла необходимость созвать Думу, которую он распустил, а кабинет стал совершенно неуправляемым. В феврале Дума вновь начала заседать, и император, воодушевленный внезапным желанием произвести демонстрацию перед представителями народа, неожиданно появился во время ее торжественного открытия. Он приехал из штаба и единственный раз появился в парламенте, где его бурно приветствовали.

Штюрмер, человек, о котором почти ничего не знали, был назначен премьер-министром, к тому же ему вручили портфель министра внутренних дел. Первоначально говорили, будто Штюрмер придерживается умеренных взглядов, и надеялись, что здесь проявилось желание его величества пойти на возможный компромисс. Но вскоре обнаружилось, что он кандидат императрицы, и он сразу же стал всего лишь инструментом в руках «оккультной партии».

Последние месяцы зимы я провела у тихого очага своего загородного поместья и узнавала о текущих событиях только из газет и писем своих столичных корреспондентов. Их письма были исполнены искреннего беспокойства, и я поняла, что не все благополучно. В марте я вернулась в город и обнаружила, что напряжение в значительной мере усилилось.

Такие условия встретили меня в Петрограде; и, когда Вивиани и Тома [93 - Тома Альбер (1878—1932) – лидер фракции социалистов в парламенте, французский министр вооружения с декабря 1915 по сентябрь 1917 года.] приехали для переговоров со стороны наших французских союзников, они увидели, как страна и правительство борются с трудностями в условиях войны. В честь этих выдающихся французов устраивалось множество развлечений, и я с большим интересом встретила с ними на двух политических обедах. После их отъезда ждали прибытия Китченера [94 - Китченер Горацио Герберт (1850—1916) – лорд Китченер, военный министр Великобритании с 1914 года до своей гибели. Утонул 5 июня 1916 года, когда крейсер «Гэмпшир» налетел на мину у Оркнейских островов.], но, к несчастью для Англии и для нас, этот великий человек утонул в пути вместе со знаменитым дипломатом О'Бэрном [95 - О'Бэрн Хью Джеймс (1866—1916) – профессиональный дипломат, советник британского посольства. В 1892 году был атташе в Санкт-Петербурге.], прожившим среди нас семнадцать лет и ставшим нашим истинным другом. Он говорил на нашем языке и хорошо знал страну; о его гибели глубоко сожалели многие наши министры, имеющие положительные устремления, а также его личные друзья.

Затем мы, в свою очередь, послали за границу делегацию от парламента, в ее составе поехал Протопопов [96 - Протопопов Александр Дмитриевич (1865—1930; казнен большевиками) – представитель партии октябристов и заместитель председателя Думы, был назначен исполняющим обязанности министра внутренних дел в сентябре 1916 года (министром в декабре) в нарушение партийной дисциплины.]. Рапорт, представленный им

императору по возвращении из поездки, положил начало его стремительной, словно метеор, карьере. Покровский [97 - Покровский Николай Николаевич (1865—1930) – с 1916 года министр иностранных дел (последний министр иностранных дел царского правительства).] также осуществил поездку на экономическую конференцию в Париж и вернулся, значительно упрочив свою репутацию, а успешные переговоры Барка во время краткосрочного посещения Лондона и Парижа по возвращении сделали его позицию сильной, как никогда.

В отсутствие Покровского и Барка Сазонов однажды утром прочел в газете рескрипт благодарностей и отставок, где говорилось о выводе его из кабинета! Ко всеобщему изумлению, его заменили Штюмером, совершенно не имевшим опыта для подобного поста. А когда вслед за этим последовало назначение Протопопова на пост министра внутренних дел, поднялся возмущенный шум.

В течение лета и ранней осени назначения Раева [98 - Раев Николай Павлович (р. 1856—?) – последний «обер-прокурор Святейшего синода» (правительственный министр, отвечающий за дела церкви), назначен 30 августа, сторонник Протопопова.] в Святейший синод и Рейна [99 - Рейн Георгий Ермолаевич (р. 1854—?) – профессор медицины и последний министр здравоохранения при старом режиме.] министром здравоохранения стали своего рода декларацией со стороны приверженцев Распутина о своем намерении свести оппозицию по отношению к ним в Кабинете министров до минимума. Военного министра Поливанова тоже вскоре сместили, и на его место был назначен Беляев [100 - Беляев Михаил Алексеевич (1863—1918; казнен большевиками) – генерал, последний императорский военный министр, назначенный 16 января 1917 года.], обязанный своей карьерой протекции Сухомлинова. Это были те члены кабинета, которым предстояло предстать перед лицом Думы в день ее первого заседания 1 ноября.

Глава 15

Убийство Распутина

14 ноября 1916 года открылись заседания Думы. До последнего момента в Петрограде царила неуверенность, откроется ли она вообще. Говорили, будто группу Штюмера – Протопопова пугает мысль оказаться лицом к лицу с представителями народа, и они надеются помешать парламенту собраться. И еще я слышала, что либерально настроенные члены правительства, так же как и светское общество, провинция и армия, – все надеются, что критика Думы, наконец, откроет монарху глаза на общественное мнение и убедит его раз и навсегда отбросить оказываемое на него дурное влияние.

Я собиралась на открытие этой Думы с большим интересом, чем на прошлое открытие, состоявшееся год и четыре месяца назад. Но как же они отличались! Мои друзья из министерства казались такими озабоченными, а какие распространялись отвратительные слухи о нечестности как в политической, так и в финансовой области, о неверности и предательстве; казалось, почти не оставалось надежды, что правительство сохранится в прежнем составе. Вечером накануне торжественного открытия внезапно последовало официальное объявление, что премьер-министр и члены кабинета не станут произносить обычных речей, а после выступления Родзянко они должны будут покинуть низшую

палату и отправиться на открытие Государственного совета (или высшей палаты). Две церемонии, которые обычно назначались с интервалом в несколько часов, на этот раз были назначены на три часа в Думе и на четыре в Государственном совете; а расстояние между Таврическим и Мариинским дворцами почти в полчаса езды. Хуже всего то, что послов пригласили на обе церемонии и в специальном послании премьер-министра их просили не пропустить второе заседание. Все понимали, что Штюмер и компания знают, чего заслуживают, и опасаются получить по заслугам. Им не хватило мужества смело встретить нападки депутатов, так что они бежали, чтобы не отвечать за действия, которые были на их совести. Я так беспокоилась по поводу предстоящих событий, что решила совсем не идти.

На следующий день до шести часов за моим столом никто не появлялся. Затем пришли один или два дипломата, которые едва ли осознавали важность того, что видели и слышали в Думе. Позже появился один из министров, и, хотя никогда прежде я не замечала у него признаков нервозности, на этот раз я видела, что спокойная улыбка стоит ему немало усилий. Он был очень молчалив, но заметил, что дневное заседание «оставило дурное впечатление о правительстве». Меня несколько не удивило, когда я впоследствии узнала, что, когда Штюмер встал, желая уйти, его освистывали, и вдогонку ему неслись крики: «Долой!», «Вон!», «Предатель!». Жесточайшему и совершенно неприкрытому нападению Штюмер как Глава императорского правительства подвергся со стороны наиболее способного представителя кадетской правой партии Милюкова [101 - Милюков Павел Николаевич (1859—1943) – историк, основатель и Глава ведущей русской либеральной Конституционно-демократической партии (кадетов), министр иностранных дел первого Временного правительства.]. Он напрямую обвинил Штюмера в переписке с Германией и попытках заключить сепаратный мир, цитировались выдержки из известной немецкой газеты, в которой редакция открыто говорила о российском премьер-министре как о «своем человеке» и о Deutschgemeinte Kaiserin (прогермански настроенной императрице), которая привела Штюмера к власти для того, чтобы помочь своей родине.

В тот вечер все, хотя и разными словами, выражали одно и то же мнение. Оно сводилось к тому, что после сегодняшних заседаний перед императором открывалось только два пути: он должен либо закрыть Думу, либо расследовать обвинения и, если сочтет их обоснованными, запереть жену в монастырь как преступницу или отослать на какую-нибудь удаленную виллу как безумную; бросить мошенников, которым она покровительствовала, в тюрьму; с помощью парламента очистить администрацию и реорганизовать страну, чтобы иметь возможность продолжать вести войну энергичными мерами.

Я так никогда и не смогла понять почему, но ни одно из этих пророчеств не исполнилось. Я даже не знаю, предоставили ли императору правдивый отчет. От него многое утаивали, он слышал только то, что окружающие хотели ему сообщить. Дума продолжала работу, Штюмер еще около недели оставался на должности премьер-министра, а все заговорщики на своих местах.

Императрица и мадам Вырубова управляли своими ставленниками более открыто, чем всегда, а император оставался в Ставке и проявлял такую нерешительность и инертность, что поползли ужасные слухи о его неспособности действовать. Говорили, будто персидский врач, которому покровительствовала мадам Вырубова, с согласия императрицы дает его величеству наркотики, доводя до состояния слабоумия с тем, чтобы та в конце концов смогла объявить о его неспособности управлять государством, возвести

на трон сына, а самой стать регентшей при нем. К тому же говорили, будто она знала о пристрастии императора к вину и поощряла его, и Воейкову отдали распоряжение усиленно потчевать его величество вином, чтобы императрица спокойно могла устраивать свои дела по крайней мере до тех пор, пока не будет заключен сепаратный мир! Тысячи подобных историй распространялись повсюду, а сдержанность верных придворных и некоторых министров, все еще сохранявших преданность, считалась молчаливым подтверждением.

Императорскую семью часто беспокоили; различные министры и великие князья постоянно ездили в Ставку в надежде заставить монарха осознать в полной мере всю серьезность положения. Николай Михайлович [102 - Николай Михайлович (1859—1919) – великий князь, двоюродный дядя Николая II (его отец был братом Александра II, деда Николая). Завершив военную карьеру в 1903 году, стал историком и ученым, президентом Императорского географического общества и т. д.], Кирилл Владимирович и даже императрица-мать; министры Трепов, Барк и с большим шумом Игнатъев приезжали, объясняли, умоляли и пророчествовали. Всех их доброжелательно принимали, любезно выслушивали, и каждый из них возвращался домой с уверенностью, что выполнил свою миссию, и запутанный политический узел будет тотчас же распутан. Но время шло, и все оставалось как прежде.

Я много слышала об этих поездках из первых рук от некоторых из просителей или же от родственников других.

19 ноября я сидела рядом с великим князем Кириллом на званом завтраке у его матери, и он сказал мне, что всего лишь час назад приехал в столицу из штаба. В ответ на мои опасения, что он привез грустные впечатления, великий князь жизнерадостным тоном возразил: «Слава Богу, нет! В скором времени все исправится».

Великий князь Николай Михайлович, всегда считавшийся в императорской семье «революционером», написал императрице-матери с просьбой употребить все свое влияние, чтобы спасти корону, пока еще есть время. Он также встречался с некоторыми из министров и с либералами из Думы, обсуждал с ними ситуацию, поощряя сделать все, что в их силах. Штюрмер получил, наконец, отставку, и мы рассчитывали, что некоторые обещания будут выполнены, но, как только новость об отставке Штюрмера и назначении на его место Трепова достигла столицы, императрица приказала подать ее личный поезд и тотчас же отправилась в Ставку, разумеется, в сопровождении мадам Вырубовой.

Мы узнали потом, что ее беседа с императором была долгой и носила драматический характер. По возвращении ее величество сказала великой княгине Виктории, что всего на полчаса опоздала, чтобы спасти «бедного Штюрмера от отставки, поскольку император уже подписал рескрипт об его отставке и назначении на его место Трепова; но, к счастью, остановила все прочие готовившиеся изменения и нарушила планы хлопотунов, которые из зависти и от безделья хотят разорвать на части всю структуру самодержавия в России и отдать власть трона множеству воюющих вероломных либералов».

Великая княгиня запротестовала, утверждая, что либералы в данное время стремятся совсем не к этому, а, напротив, беспокоятся о благоденствии их величеств и страны в целом, и все общество и дворянство очень обеспокоено. Она, Виктория, знает об этом от многих друзей, которым можно доверять. Тогда императрица разгневалась и сказала: «Если прислушиваться к словам глупых женщин, сплетничающих в обществе, то неизбежно услышишь только глупости» – и заявила, что получает более достоверную информацию от своих друзей.

Вскоре все население Петрограда заволновалось. Офицеры говорили, что среди рекрутов и резервистов, поступающих в казармы, тайно ведется настойчивая революционная пропаганда, а они, офицеры, не могут обнаружить агентов или предотвратить их действия.

Перед отъездом в Крым я обратилась к императрице с просьбой об аудиенции, и, к моему изумлению, мне назначили прийти в определенный день к пяти часам с мужем. Старая мадам Нарышкина незадолго перед этим сказала мне, что ее величество никого не принимает, разве что по делу, а моя просьба была вызвана всего лишь желанием из вежливости продемонстрировать свою преданность.

Мы с мужем вместе вошли в императорскую гостиную в Царском Селе, там находилась одна фрейлина в коротком прогулочном костюме, она тотчас же без обычных церемоний провела нас в комнату императрицы. Ее величество стояла, одетая в костюм сестры милосердия: все черное с белым воротником и платком. За те шесть месяцев, что я не видела ее, она очень похудела; но ее худоба и простота костюма подчеркивали ее красоту. Но она выглядела усталой, грустной и строгой, за исключением тех моментов, когда улыбалась. Тогда ее лицо на короткое время озарялось. Она была любезной, сердечной и очаровательной, с жаром говорила о страданиях стран-союзниц – Бельгии, Франции, Сербии – и наших собственных, особенно Польской провинции, а также о необходимости продолжать войну и выиграть ее.

Она принимала нас около часа, при встрече и прощании обняла меня, хотя и знала, что я не являюсь другом мадам Вырубовой. Наверное, ее величество хотела нас заставить почувствовать, что она не за мир и не за Германию. С трогательной заботой она говорила о беднях России, о том, какую щедрость они проявляют в благотворительности на военные нужды. Она никого не критиковала, все ее слова и жесты были исполнены сдержанности и мягкости. Находясь рядом с ней, я почувствовала уверенность, что во всех обращенных против нее обвинениях в недобрых намерениях и прогерманской деятельности нет ни слова правды. Несмотря на свой светлый ум, превосходные природные качества и сильную волю, она из-за своей болезни стала жертвой собравшихся вокруг нее заговорщиков, постепенно изолировавших ее от нормальных благотворных влияний. Они убедили ее, будто только она одна может спасти Россию, и сделать это можно только таким способом, который советуют они. Им удалось скрыть свою нечистоплотность и очернить в ее глазах тех, кто не принадлежал к их партии. Она вообще никого не видела, кто не принадлежал бы к этой группировке. Ее неврологические боли и болезни, плохое состояние здоровья сына, трудности в первый период ее замужней жизни в понимании русского общества, наших взглядов и мнений, ее мистицизм, так же как и мистицизм императора – все это использовала мадам Вырубова, чтобы отравить ее разум и настроить ее против тех людей, которым следовало находиться рядом с ней. Эта интриганка, сыграв на лучших чувствах ее величества и на ее гордости, заставила ее почувствовать себя покинутой всеми, кроме заговорщиков. Теперь они настолько осмелели, что открыто приносили вред и, охваченные жаждой власти, губили свою покровительницу. Разумеется, невозможно принять политику, проводимую императрицей, или в полной мере выразить презрение к людям, которыми она себя окружила, но я уверена, что она руководствовалась наилучшими намерениями. Она всегда казалась мне трагической и печальной фигурой на фоне преступников.

В день своих именин, 19 декабря, император приехал домой в Царское Село. Все надеялись и ждали, что его величество по этому случаю выполнит все свои обещания и

должным образом реформирует правительство.

Напротив, стало известно, что Трепов и ряд его коллег покинут кабинет; очевидно, те из них, у которых чувства чести, преданности и патриотизма подверглись оскорблению и которые не согласны были дольше оставаться в дурной компании. Великая княгиня Елизавета, старшая сестра императрицы и вдова великого князя Сергея (занимавшего пост генерал-губернатора Москвы и убитого во время революции 1905 года), приехала из Москвы утром 18 декабря, чтобы провести два-три дня в Царском Селе. Ее слуги принялись распаковывать багаж и были чрезвычайно изумлены, получив распоряжение как можно скорее все снова запаковать, поскольку их хозяйка той же ночью возвращалась в Москву. Произошел бурный разговор, во время которого она (великая княгиня) бросилась на колени перед императрицей, обличая намерения и религиозные взгляды мадам Вырубовой и Распутина, а также их политическую программу, которую приняла ее величество. В конце концов императрица велела великой княгине покинуть дворец и ни при каких обстоятельствах не возвращаться, и последняя уехала.

Девятнадцатое число миновало, как всегда, ничего не произошло, и все отказались от надежд на какое-либо улучшение ситуации. Стало ясно, что, какие бы обещания его величество ни давал, они не могут быть осуществлены. Думу закрыли, объявив, что она снова откроется в январе, но этому никто не верил.

Когда я приехала в Крым, спокойная провинциальная жизнь сначала показалась мне восхитительной по сравнению с психологической атмосферой столицы. Вскоре я обнаружила, что все письма с севера подвергаются суровой цензуре, а газетам позволено печатать мало материала, касающегося политических проблем.

Дядя императора Павел Александрович и его брат Михаил вскоре после нашего прибытия отправились из Крыма обратно в Петроград, чтобы находиться ближе к центру событий, а бедная великая княгиня Ксения, родная сестра императора, планировала поехать в родной город на праздники.

Я часто видела ее в эти мрачные недели, и она вызывала у меня чувство большой симпатии тем, как храбро несла на своих плечах тяжкое бремя забот и как беспокоилась за безопасность своего брата и его семьи. Она в полной мере осознавала нависшую над ними опасность, но не могла ничего поделать, чтобы спасти тех, кого любила. Ее зять молодой князь Юсупов [103 - Юсупов Феликс Феликсович – князь, граф Сумароков-Эльстон (1887—1967), женатый на княгине, происходившей из императорской семьи, наследник одного из самых больших состояний в России, незадолго до этого закончивший Оксфорд и проходивший обучение на офицерский чин в русской армии, когда он составил заговор с целью убийства Распутина в декабре 1916 года.] фактически открыл драматические революционные действия, собственноручно убив Распутина за ужином, специально устроенным с этой целью в его дворце в Петрограде. Это ужасное дело, хладнокровно спланированное и осуществленное, произвело в стране настоящую сенсацию, которую невозможно описать. Все вздохнули с облегчением, когда Распутина не стало. Некоторые откровенно надеялись, что теперь произойдет серия убийств, включая мадам Вырубову, Протопопова и даже их августейшую покровительницу, поскольку эти преступления, как они полагали, в конце концов избавят нацию от тирании и спасут нас от кровавой революции, которая иначе окажется неизбежной.

Кое-кто из оптимистов полагал, что, раз их «пророка» не стало, клан преступников распадется, и у императрицы наконец откроются глаза на их грехи. Но произошло обратное. Распутин никогда не был мозгом своей «партии», а всего лишь маской, за

которой прятались настоящие конспираторы, и его внезапная смерть превратила его в глазах ее величества в мученика и святого. Его останки с большими почестями перенесли в часовню в Царском Селе, где над ними день и ночь молились его бывшие «последовательницы». Затем его похоронили в императорском парке, и к этому месту ежедневно приходила императрица.

Тем временем Протопопов (весьма находчиво) заявил, будто на него снизошел дух Распутина. Беседуя с ее величеством, он стал постоянно внезапно восклицать, будто видит, как ее ведет Распутин, и видит стоящего за ее спиной и благословляющего ее Христа, потому что она дружески относилась, покровительствовала и почитала святого апостола, каковым был Распутин! Такие слухи постоянно циркулировали и, похоже, были основаны на истине, поскольку я получила их от нескольких придворных дам. А впоследствии они подтвердились из совершенно иного источника информации – одним из коллег Протопопова. Сын великого князя Павла великий князь Дмитрий и великий князь Николай Михайлович были замешаны в заговор Юсупова: первый непосредственно принимал участие в убийстве и избавлении от тела, последний выступал в качестве советчика и подстрекателя. Обоих немедленно изгнали из столицы: Николая – в свое имение в провинции, а Дмитрия – на Персидский фронт без сопровождения кого-либо из домочадцев.

Оба тотчас же уехали, и великий князь Николай подал императору прошение об отставке, покинул свиту его величества и раз и навсегда снял форму и аксельбанты. Этот талантливый и блистательный человек появился в Петрограде только два месяца спустя, когда истек срок его наказания, накануне революции. В это опасное время он часто протягивал руку помощи многим членам семьи и спасал им жизни, используя свое влияние на революционеров.

Глава 16

Революция

Я вернулась в Петроград вскоре после Нового года и оставалась там по делам четыре недели. Меня потрясли бросившиеся в глаза перемены. Стоимость жизни резко возросла. Никто не верил в будущее правительства. Всеобщая депрессия дошла до крайней степени и, казалось, заразила всех, поскольку самые рассудительные и заслуживающие доверия люди излагали факты, казавшиеся невероятными, но тем не менее правдивые. Молчание и озабоченные лица придворных и наиболее лояльных членов правительства, возможно, были теми самыми признаками надвигающейся гибели, которые больше всего потрясли меня.

Мы полагали, что осуществляется предсказание великого князя Николая о том, что больше невозможно будет заставлять солдат и простой народ защищать правительство, о котором известно так много компрометирующих сведений. Бедные простаивали в огромных очередях часами, чтобы получить небольшие порции хлеба и другие предметы первой необходимости; стояла чрезвычайно холодная погода – двадцать – тридцать градусов ниже нуля, а топлива не хватало; все испытывали страдания, постоянно устраивались забастовки и происходили большие беспорядки.

Все барьеры рухнули, и члены светского общества дали волю языкам. Мадам Вырубова совершенно отбросила свою маску смирения, надевала ее только в присутствии монархов

и, насколько мне известно, стала открыто принимать всевозможных темных личностей. Она откровенно говорила о том, что сделала и какие решила принять меры, довольно часто использовала такие выражения: «Мы поступим с этим так, как мы сочтем нужным», словно отныне она стояла во главе государства.

Пришел и миновал день международной конференции в Петрограде [104 - Конференция союзников, созванная для того, чтобы обсудить вопросы снабжения России боеприпасами и дальнейший ход войны, состоялась в Петрограде с 1 по 20 февраля 1917 года. На ней присутствовали делегации из Великобритании, Франции, Италии и России.]; иностранные представители разъехались по домам, решив многие щекотливые вопросы ко всеобщему удовлетворению. Меня изумило, что люди, обладавшие такими исключительными способностями, как некоторые представители этих делегаций, остались слепы к нашей внутренней ситуации, это видно из их отчетов.

Ходили слухи, будто планируется дворцовая революция и убийства расчищают путь для новой эры. Все остальное испробовали, но без пользы, и это единственное оставшееся средство.

– Похоже, они там в Царском совершенно сошли с ума, – однажды со вздохом сказал один спокойный и лояльный член кабинета. – И они не видят, как быстро мчатся навстречу своей гибели. Напротив, они торопятся с головокружительной скоростью, тащат и подталкивают друг друга.

И действительно, при взгляде на эту ситуацию возникало ощущение безумия. Уезжая снова в Крым в начале февраля, я сказала мистеру Барку: «Я оставляю вас у власти. Когда вернусь в апреле, найду ли вас в прежнем положении?» Он посмотрел на меня с выражением величайшей грусти, ставшим привычным на его прежде веселом лице, и ответил: «Мне хотелось бы покинуть свой пост, но я не могу сделать этого сейчас. Необходимо что-то предпринять, то или иное, если мы хотим, чтобы правительство уцелело в самодержавной или либеральной форме. Но пока ничего не делается, и все решается наоборот. Боюсь, вы скоро получите плохие новости о нас. Я надеюсь и молюсь, чтобы этого не было, но чувствую, что это вполне вероятно. Вы не увидите многих своих прежних друзей, когда вернетесь, я рад, что вы уезжаете в более тихое и безопасное место». Его предчувствия были такими мрачными, и он так искренне выражал свои страхи и сожаления, что они еще долго звучали у меня в ушах по дороге в солнечные южные земли.

Снова я встретилась с бедняжкой великой княгиней Ксенией, встревоженной более обычного. Я позавтракала с ней сразу же по прибытии, и она заставила меня рассказать ей все детали, почерпнутые мною по мелочам из всех возможных источников, взволнованно расспрашивая, что я слышала о том-то и как этот чувствует себя и какое положение занимает. Несколько дней спустя она, не в силах противиться своему желанию, отправилась на север и оставалась там во время революции.

Муж присоединился ко мне на десять дней, приехав с фронта на время, пока его полк отвели с передовой в маленький городок, чтобы отдохнуть, восстановить силы и подкормить лошадей. Он рассказывал, что условия в армии очень плохие: фураж для лошадей и еда для солдат выделяются чрезвычайно скудно, трудно достать одежду даже для гвардейских полков, хотя они снабжаются намного лучше, чем армейские. Повсюду царило беспокойство. Приходившие из столицы беспорядочные распоряжения заставляли всех нервничать: как солдат, так и офицеров. Вскоре он уехал в Петроград, где должен был встретиться с матерью по какому-то делу 11 и 12 марта, а затем вернуться к

командованию полком, чтобы попасть на линию фронта 18 марта.

Он получил телеграмму с распоряжением остаться в штабе на 14 марта для аудиенции с императором.

Когда муж уехал на север в Петроград, я получила от него два письма, а затем депешу с сообщением о его благополучном прибытии, потом ничего не было до вторника 13 марта, когда пришла телеграмма со словами «с семьей все благополучно», там же сообщалось, что моя свекровь переехала в дом своей дочери, графини Нирод. Это выглядело довольно странно, поскольку у княгини были свои апартаменты в «Астории», где она прожила всю зиму. Затем я ежедневно получала телеграммы от мужа со словами «все хорошо», в одной из них добавлялось, что мой мальчик «тоже переехал к Ниродам», в то время как сам Михаил задержался в столице!

К субботнему утру я совершенно потеряла покой. Газеты с севера не доставлялись уже несколько дней, и никаких новостей не поступало, кроме успокоительных телеграмм о здоровье членов семьи и сообщающих о непонятном переезде княгини и моего мальчика из своих привычных жилищ к золовке. Я была настолько озадачена всем этим, что нервы взяли верх, и я решила предпринять однодневное путешествие в Ялту, остановившись по дороге во дворце великого князя Николая, в Чаире, чтобы осмотреть его прекрасные сады и побеседовать со слугой его императорского высочества, моим старым знакомым и большим сплетником.

Мы выехали рано, и поездка в это прекрасное утро немного нас успокоила. Когда мы доехали до Чаира, я пребывала в довольно хорошем настроении, но старый слуга принял меня с таким видом, словно был готов вот-вот расплакаться. Он спросил:

– Ваше сиятельство слышали ужасные новости?

Я чуть не потеряла сознание, мне привиделись картины преступлений и убийств, и я нетерпеливо спросила, что произошло. Он ответил, что ничего не знает, кроме того, что сказала ему телефонистка: «Император с цесаревичем отреклись от престола. Императором провозглашен Михаил Александрович». [105 - Михаил Александрович (1878—1918) – великий князь, младший брат Николая II. 15 марта Николай II отрекся от престола от своего имени и от имени своего сына Алексея в пользу Михаила, но на следующий день, когда представители формирующегося Временного правительства сообщили ему, что не могут гарантировать его безопасность, Михаил отказался от трона, заявив, что примет его только из рук Учредительного собрания.]

– А наш великий князь? – спросила я.

– Увы, я ничего не знаю, ваше сиятельство, но, говорят, он снова направляется в Ставку командовать армией; но императора больше нет, я не могу этого понять! Может, все еще хуже! В Ялте так мало знают.

Мой интерес к садам пропал, мы тотчас же снова сели в свой экипаж и поспешили к цели. В Ялте люди покупали листы телеграфных бюллетеней, застывали, словно прикованные к месту, посередине улицы, порой казалось, будто они окаменели от изумления, мы чуть не наехали на нескольких человек, не слышавших криков нашего кучера уйти с дороги. Мы конечно же остановили свою двуколку, тоже купили телеграммы и прочли последнее печальное послание императора из Пскова: отречение и отказ от прав на престол от имени сына в пользу брата. Это был прекрасно составленный документ, не содержащий ни протеста, ни жалоб, в нем утверждалось, что этот поступок совершен во благо стране, и содержалась просьба ко всем должностным лицам как гражданским, так и военным не покидать своих постов и продолжать служить Родине,

защищая страну от врага. Глубокая трагедия в последних словах прощания и благословения. Мне было интересно, ощущал ли он облегчение, наконец-то слагая с себя это бремя и имея возможность отдохнуть после столь долгого и печального царствования. «Как вы думаете, где императрица?» – спросила меня спутница, одна из моих золовок, взволнованная почти до истерики.

Затем следовала телеграмма с приказом великому князю Николаю тотчас же отправиться в Ставку, и телеграмма с сообщением, что он уже покинул Тифлис. В некоторых распоряжениях, присланных из Петрограда местным крымским властям, имелись свидетельства о существовании «временного комитета», но без каких-либо объяснений. Документ об отречении императора, подписанный 15 марта, был получен не из столицы и не из Ставки, и это казалось непонятным. Почему монарх уехал в Псков? Может, искал защиты в штаб-квартире генерала Рузского? Что происходило в столице и в Царском? Без сомнения, что-то драматическое, иначе муж не телеграфировал бы мне так регулярно, что с ними все в порядке. В Ялте никто ничего не знал, так что волей-неволей нам пришлось терпеливо ждать новостей.

Письма от мужа, свекрови, Ниродов и моего мальчика, письма и телеграммы от друзей, пытавшихся успокоить меня, вскоре предоставили мне достоверную информацию из первых рук, позже дополненную устными свидетельствами. Все письма передавались мне с посылными, так что после периода, во время которого я была лишена информации, на меня обрушился целый поток сведений и множество деталей со стороны участников или свидетелей событий на севере. Несмотря на свою жалость к одним и беспокойство за других, я переживала этот ужасный период с огромным интересом к необъятности исторических фактов. Они поднимали меня над действительностью и опасностями момента, наполняя желанием знать, что же будущее принесет России. Что же касается наших личных судеб, они оказались под угрозой.

Император приехал из штаба, когда открылся парламент, но не посетил Таврический дворец. Он просто находился в пределах досягаемости своих министров на случай необходимости.

Все проходило тихо, так что люди даже занервничали по поводу этого спокойствия после того, как раздавалось столько угроз. Это казалось дурным предзнаменованием. Прошло несколько дней, во время которых на заседаниях Думы звучали речи недовольных депутатов, и император решил вернуться в Ставку в Могилев. Накануне отъезда он созвал членов своего кабинета. Их собрание под председательством его величества состоялось днем в четверг, 8 марта, оно оказалось последним в истории самодержавия.

Все министры решились на отчаянную попытку. Они откровенно говорили с монархом, объясняя со всем жаром красноречия, какого никогда не достигали прежде, ужасную опасность, нависшую над Россией. Они привели все возможные аргументы, какие только могли усилить курс, который они защищали.

Они говорили так долго и так горячо, что император, прежде чем покинуть зал заседаний, пообещал подписать два указа перед отъездом в Ставку: первый – создать достойный доверия Кабинет министров, как требовала Дума, и второй, если первого окажется недостаточно, – чтобы утихомирить бурю, добровольно даровать России конституцию! Это последнее было неожиданной уступкой.

Было отдано распоряжение написать в должной форме оба этих указа и привезти их в тот же вечер в Царское Село на подпись, и его величество попрощался с министрами,

оставив их с уверенностью, что в последнюю минуту болезни нашей многострадальной страны будут все же излечены, что Дума в скором времени сама понесет тяжкое бремя ответственности, которое до настоящего времени лежало только на плечах министров. Они надеялись, что первым актом новой эры станет отставка из их рядов Протопопова.

Когда его величество вернулся во дворец, он, естественно, рассказал о принятом великом решении и о том, что он уступает мнению кабинета министров и Думы, совпадающему с его мнением. Последовало бурное обсуждение, продолжавшееся весь вечер. Протопопов, пришедший с бумагами на подпись, будучи представителем той «партии», поддержал императрицу в ее яростных обвинениях в глупости людей, давших такой совет своему повелителю.

Если поднимется революционное движение, оно произойдет только в столице, и министр внутренних дел обещал уладить все самостоятельно с помощью полиции, усиленной всего лишь городским гарнизоном. Его величество может со спокойной душой ехать в Ставку, ничего не боясь, предоставив ситуацию своему преданному слуге. В крайнем случае можно прислать в столицу генерала Иванова [106 - Иванов Николай Иудович (1851—1919) – генерал, был послан с фронта в Петроград 12 марта с поездом, в котором находилось 800 человек особых войск, и был наделен диктаторскими полномочиями, чтобы подавить революцию, но его поезд не достиг столицы из-за разногласий в войсках, а также из-за того, что из Ставки вскоре поступило сообщение об отмене приказа.] с отборными солдатами, чтобы в критический момент поддержать мужество правительства.

Императрица сможет дать необходимые распоряжения, и все будет хорошо. Затем ее величество использовала все свои способности, чтобы укрепить позицию, отстаиваемую ее протеже; и до наступления утра два обещанных указа (подготовленные днем) были уничтожены. Вместо них был подписан пустой лист бумаги и безоговорочно передан в руки Протопопова. К тому же он получил разрешение в любое удобное ему время сказать своим коллегам, что император передумал. Затем его величество, как и планировал, утром 9 марта уехал в Ставку.

В тот день в пятницу на окраинах Петрограда стали вспыхивать забастовки и хлебные бунты. Они происходили и прежде, но теперь, поскольку зима не кончалась и продолжались сильные холода, рабочие все сильнее раздражались. Толпы бедняков, часами простаивающих на улице, ожидая своей очереди купить немного хлеба, были готовы при первой же возможности перейти к насилию.

В субботу беспорядки усилились и приблизились к центру города, теперь уже они включали стычки с полицией и перестрелку. В министерстве полагали, что все вскоре уладится, его члены были уверены, что император исполнит обещание, и ждали опубликования указов, которые должны были исправить положение дел, к вечеру этого дня или на следующее утро.

В воскресенье 11 марта в газетах появилось официальное объявление за подписью императора, но совсем не то, которого ждали. Оно распускало Думу! А она, закрывая свое последнее заседание двадцать четыре часа назад, в полной уверенности назначила следующее на вторник (тринадцатое).

Все были словно громом поражены! Министры, за исключением министра внутренних дел, были изумлены и совершенно не понимали, что же произошло. Спланировать и подготовить столь мудрую меру, за которой последовал такой акт, – это казалось просто слабоумием. И не предупредить их!

В тот день воцарилось тяжелое, сердитое молчание. На улицах не ходили трамваи, почти не было ни саней, ни автомобилей и очень мало людей. Со всех сторон раздавалась стрельба, поползли зловещие слухи об угрозе закону и порядку, но ничего нельзя было предпринять. Родзянко и члены парламента были глубоко обеспокоены.

Если бы удалось сформировать достойное доверия правительство в союзе с либеральной Думой, все здоровые силы (даже из среды рабочего класса и солдат), безусловно, поддержали бы его. А теперь этот указ, положивший конец всем надеждам либералов, обрушился на них, словно удар молнии! Исправить положение вещей, казалось, было уже невозможно, и Дума, так же как и кабинет, ощущала себя загнанной в ловушку и проданной врагу. Если в тот день и велись какие-то разговоры среди руководителей, они носили личный характер; и для общественности воскресенье прошло в унылой и тяжелой депрессии, в то время как набежали грозные облака, готовые завтра разразиться самой страшной бурей, какую только знала страна.

Наступило утро понедельника 12 марта. Город был охвачен волнениями. Горели общественные здания. На улицах повсеместно происходили стычки между преданными войсками и революционерами. Со всех сторон беспорядочная стрельба. Собравшиеся на заседание члены кабинета получили сообщение из штаба, что вскоре специальным поездом прибудет генерал Иванов с восьмьюстами отборными солдатами – георгиевскими кавалерами, награжденными за необычайное мужество, проявленное в битвах, и примет на себя полномочия диктатора; они ограничились тем, что вывели из своих рядов единодушным голосованием Протопопова. Думаю, это был первый случай в истории, когда министр был уволен своими коллегами. Затем они написали коллективное прошение об отставке, чтобы отослать его величеству с тем, чтобы оно вступило в силу как можно скорее, чего, однако, не могло произойти по российским законам до тех пор, пока она не будет принята. Во время этого заседания в Мариинском дворце на прилегающих улицах разыгралось сражение. На площади Святого Исаакия перед дворцом огромная волнуемая толпа устроила демонстрацию, требуя выдачи «предателя» Протопопова. При этом последний, который так храбро намеревался препятствовать потоку любой общественной демонстрации, теперь совершенно потерял самообладание. Когда толпа приблизилась, он, съездившись, стал умолять о защите тех, кого оскорблял. Он бегал по зданию, пытаясь спрятаться, плакал и, наконец, окончательно потеряв голову, бросился в машину и уехал в дом другого протеже Вырубовой, персидского врача Бадмаева [107 - Доктор Петр Александрович Бадмаев (1851—1919) на самом деле не был ни персом, ни тибетцем, как его часто называют в литературе, а практикующим врачом тибетской медицины бурято-монгольского происхождения. У Бадмаева было много знакомых в высших кругах, в то время он был действительно близок к Распутину и Вырубовой; он представил Распутину Протопопову.]. Здесь он и оставался до конца недели, а когда было сформировано революционное правительство, он добровольно явился в Таврический дворец и сдался на милость Керенского.

Все остальные министры спокойно оставались в Мариинском дворце, а после утреннего заседания пешком разошлись по домам и точно так же вернулись на дневное заседание, а некоторые остались на обед в Мариинском дворце.

Муж встретил Барка днем рядом с клубом и пригласил его туда на несколько минут, чтобы укрыться от пролетающих вокруг пуль, и министр сообщил ему об отставке всего кабинета. Каждый из них впоследствии рассказывал мне, какими спокойными и невозмутимыми казались они друг другу, хотя каждый отметил, что ходить в тот день по

улицам было далеко не безопасно: вокруг вели залповый огонь войска, время от времени стреляли из револьверов и винтовок революционеры, на грузовиках перевозили пулеметы, а полицейские вели обстрел с крыш и из окон. В понедельник гостиница «Астория» напротив Мариинского дворца была обстреляна и разграблена чернью. Свекровь, жившая там, к счастью, спаслась бегством вместе с горничной и маленькой собачкой в дом моей золовки, находившийся в нескольких кварталах оттуда. Все окна ее комнат были разбиты, и я позже насчитала двадцать семь дыр в стенах, где застряли пули. Министры на своем заседании в понедельник днем решили, что ничего не могут сделать в условиях создавшегося кризиса, и их единственная обязанность сейчас – оставаться в своих министерствах до тех пор, пока их не освободит указом монарх или не вынудят уйти революционеры. Они надеялись, что это последнее может и не произойти, но в течение двух дней их почти всех арестовали. Дума самопроизвольно собралась рано утром в понедельник на экстренное заседание. Членов, несомненно, привело туда общее беспокойство и желание обсудить, какие можно предпринять меры, чтобы сдерживать беспорядки. Многие депутаты желали революции и, возможно, даже планировали ее; но всем хотелось держать события под контролем и управлять, чтобы их поддержал дисциплинированный и благодарный народ и чтобы на них одобряюще смотрели союзники. Но они были потрясены и ужасно расстроены развивающейся опасной ситуацией, к которой оказались не готовы. Поющие и завывающие толпы рабочих и полки солдат ввалились в Таврический дворец и его сад, провозглашая себя друзьями Думы, но их дикие крики и неистовое поведение показывали, что на них нельзя положиться, они легко воспламенялись и были готовы на все.

Родзянко и другие руководители встретились и обсудили ситуацию. Затем они стали действовать с непревзойденной находчивостью и присутствием духа. Они произнесли речи перед народом, употребив все свое красноречие, чтобы утихомирить дикие элементы, угрожавшие затопить их и теперь расположившиеся в Екатерининском зале – большом балльном зале бывшего дворца – на постоянные заседания. Социалиста Керенского привлекли в группу Родзянко, и с искренним на тот момент энтузиазмом он взял на себя задачу справиться с этим бедствием. Он справился с изумительной легкостью, и благодаря его красноречию Дума не подверглась резне. Хорошо известный в массах и обладающий чувством патриотизма, он решительно занялся делом успокоения толпы.

Родзянко, несмотря на оскорбление, которому подвергся он сам и его сподвижники, второй раз в самой уважительной форме телеграфировал императору, излагая ему историю событий в городе, подчеркивая крайнюю опасность ситуации и прося предоставить указания. Эта телеграмма была послана по личной линии императора, отнесена оператором в Ставку и незамедлительно вручена секретарю генерала Воейкова, полковнику... Последний затем рассказывал моему мужу, что лично отнес ее Воейкову, который решил, что не стоит передавать ее императору и волновать его! Возможно, он получил соответствующие инструкции от Протопопова. Так что жизнь в Ставке в тот день продолжалась в привычном спокойном и монотонном порядке.

Императрица разговаривала вечером с супругом по прямой линии из Царского Села и сообщила, что видит из дворца один-два пожара в Петрограде и что слышала о незначительных беспорядках в столице, с которыми умело справляется полиция. Она выразила радость по поводу того, что скоро придет Иванов и примет на себя командование, а затем стала сообщать мужу подробности о здоровье детей и дворцовой жизни. Мадам Вырубова и ее сообщники не сочли нужным беспокоить повелительницу,

сообщая ей правду, если даже и знали ее, так что она получила не больше информации о происходящем, чем император в Ставке. В ту ночь оба монарха были, наверное, единственными людьми среди своего окружения, кто спокойно спал, не сознавая опасности.

Телеграммы Родзянко, посланные во вторник, вселяли все больший ужас. Он утверждал, что теперь слишком поздно что-либо предпринимать, разве что посмотреть в лицо событиям, и что, не получив распоряжений, он будет вынужден действовать по собственной инициативе. Воейков, наконец, испугался и отнес три телеграммы (после получения второй во вторник) его величеству. Тот прочел их и несколько минут молчал, непонимающе глядя то на них, то на Воейкова. Он сказал, что не понимает, как такое могло произойти, если Протопопов и все прочие уверяли его, будто не существует реальной опасности. Затем, по-видимому, он все-таки осознал, что правда на стороне тех, кто находится в оппозиции к его фаворитам. Он гневно вскрикнул, затем последовали беспелляционные распоряжения, отданные таким тоном, что Воейков быстро задвигался, словно под ударами кнута. «Если бы здесь был Орлов, такого бы не произошло», – услышал обласканный вниманием Воейков; и больше всего его унизило то, что это слышали и другие.

Поспешно сформировали императорский поезд, и уже через два часа ранним вечером император выехал в столицу. Он надеялся прибыть туда утром в среду 14 марта и хотел приехать прямо в Петроград и предстать перед парламентом и народом. Но его советчики уговаривали его поехать сначала в Царское Село и собрать там кабинет, тем более что как раз перед его отъездом пришла взволнованная телеграмма от императрицы, в которой она призывала его величество к себе на защиту; народ устраивал демонстрации, и ситуация в городе обострилась.

Император взял с собой только самых необходимых приближенных с Воейковым во главе. По телеграфу были отданы распоряжения очистить дорогу, чтобы императорский поезд мог пройти с предельной скоростью. Но ночь только началась, как Воейкова разбудил начальник поезда, обеспокоенный тем, что до Петрограда невозможно добраться обычным коротким путем, поскольку «дорога впереди преграждена». Он ждал распоряжений. Воейков, испуганный опасностью, приказал перевести поезд на другой, более длинный путь, который, по-видимому, был свободен. Затем он снова вернулся в постель, с горечью размышляя о том, что это изменение означает потерю нескольких часов, и они смогут приехать в Царское Село только во второй половине дня.

Наступило утро среды, они приехали на Псковский вокзал и остановились. Служащие вокзала сообщили Воейкову, что имеют «распоряжения от начальника транспортных средств не пропускать их поезд». Наверное, нигде нет записи о том, как комендант дворца сообщил эти странные новости своему повелителю и как последний прореагировал на подобную ситуацию!

Явился генерал Рузский, командующий войсками в Пскове. Его попросили телеграфировать по штабной связи Родзянко от имени императора с просьбой предоставить новости и сообщить о затруднительном положении, в котором оказался путешествующий император. Рузский вернулся и рассказал, что председатель Думы сформировал Временный комитет и уже выслал двух депутатов навстречу его величеству. Они прибудут в Псков этим вечером и побеседуют с ним.

До их приезда император проводил время, разгуливая по платформе, откуда народ не удалили, так что вокруг стояли люди и глазели на него. Он также поговорил с

императрицей по частной линии из Пскова. Ее величество описала то, что видела из своих окон. Она казалась мужественной и спокойной и была главным образом обеспокоена состоянием детей, заболевших корью, причем одна великая княжна и юный цесаревич были в тяжелом состоянии.

Поздно вечером прибыла ожидаемая депутация из Петрограда. Она состояла из Гучкова [108 - Гучков Александр Иванович (1862—1936) – основатель партии октябристов, одно время бывший председателем Думы, стал первым военным министром Временного правительства (март – апрель 1917 года).], ставшего впоследствии военным министром, и Шульгина [109 - Шульгин Василий Витальевич (1878—1976) – русский националист и издатель киевской газеты «Киевлянин». Будучи депутатом 4-й (последней) Думы, Шульгин был ярким критиком правительства, в начале 1917 года выступил за отречение Николая II от престола. После революции сделал экстраординарную карьеру и умер в Советском Союзе в возрасте девяти лет.], издателя блистательной газеты в Киеве. Генерал Рузский сопровождал их и оставался в императорском салоне-вагоне в течение всего исторического разговора. Это был первый случай в жизни Николая II, когда он принимал кого-то, не одетого в полную форму (военную или гражданскую). Эти люди пришли в том, в чем приехали, а возможно, не переоделись с понедельника и были в той одежде, в которой ушли в понедельник утром в Таврический дворец.

Его величество сопровождали старый граф Фредерикс [110 - Фредерикс Владимир Борисович (1838—1927) – граф, один из ближайших сподвижников Николая II, носивший звания министра двора, главы императорского кабинета и коменданта штаба. Он скрепил подписью манифест Николая II об отречении. Некоторое время находился под арестом по приказу Временного правительства, позже эмигрировал в Финляндию.], министр двора; генерал Нарышкин [111 - Нарышкин Кирилл Анатольевич (1868—1924) – генерал, друг детства императора, возглавлял полевой суд его императорского величества.], Глава военного управления; один из адъютантов и, возможно, генерал Воейков. Император принял посланников спокойно и, когда они сели, попросил изложить свое дело, что они и сделали. Сначала осветили историю событий с момента отъезда императора в пятницу утром, рассказали, что сейчас оставили столицу в разгар сражений; правительство бессильно, так как почти все его члены оказались арестованными; толпы на улицах готовы поджечь и разграбить город, а войска, перешедшие на сторону революционеров, принимают участие в беспорядках. Они сказали, что Дума, не получая никаких сообщений от императора, собралась и сформировала Временный комитет, и теперь эта горстка людей борется за то, чтобы положить конец хаосу и найти решение многих сложных проблем. Иванова и его сподвижников остановили и не позволили войти в город, и теперь неизвестно, что могло случиться с ее величеством и детьми императорской четы или со страной, если только монарх не решится совершить единственный оставшийся ему шаг – отречься от престола, позволив цесаревичу заменить себя с тем, чтобы делами управляло регентство по выбору народа.

Император слушал, не проявляя признаков гнева, сожаления или удивления. Когда они закончили свою речь, он заявил, что отказывается передать престол сыну, не желая, чтобы его и императрицу разлучали с мальчиком, и сказал, что отрекается от своих прав, а также от имени цесаревича в пользу своего брата Михаила [112 - На самом деле Николай II сначала отрекся в пользу своего сына с Михаилом в качестве регента, но несколько часов спустя, поняв, что тогда придется расстаться с сыном, взял назад свое заявление и подписал манифест, который стал достоянием общественности, в нем он отрекся в

пользу Михаила.]. Депутаты согласились на это и дали ему на подпись заранее заготовленную соответствующую бумагу. Без каких-либо признаков волнения император взял бумагу и один перешел в кабинет по соседству с салоном. Через несколько минут он вернулся с напечатанным листом в руке и дал его депутатам на прочтение и спросил, то ли это, что они желают. Получив от них утвердительный ответ, монарх тотчас же подписал документ. Император спросил депутатов, что он лично должен делать в этот момент. Они сказали, что он свободно может вернуться в Ставку.

Этот план был осуществлен вскоре после отъезда неожиданных гостей. Отношение императора к происходящему отличалось изумительным спокойствием. Беспомощный в руках заговорщиков до этого времени, он оказался в равной мере неспособным противостоять натиску людей, захвативших власть. Он не протестовал, не жаловался на свою судьбу, не проявлял ни малейших признаков желания защитить свое наследство. Напротив, он тотчас же отказался от него без споров и поступил так, как ему велели. Казалось, он даже испытывал удовлетворение оттого, что мог теперь вести спокойную жизнь, освободившись от гнета государственных дел. Ему не приходило в голову приказать арестовать этих депутатов или предпринять какую-то иную попытку самозащиты. Хотя он снова разговаривал с императрицей по специальной связи из Пскова после отъезда депутатов Думы и до своего собственного отъезда, но не сказал ей о своем отречении!

В штабе император передал верховное командование генералу Алексееву [113 - Алексей Михаил Васильевич (1857—1918) – генерал, начальник штаба Николая II, принимал участие в убеждении Николая отречься от престола. Стал главнокомандующим российских вооруженных сил в сентябре после Корниловского мятежа, впоследствии создал Добровольческую армию для борьбы с большевиками.], бывшему до этого его начальником штаба, а сам больше не принимал командования и не возвращался во дворец, который занимал в Могилеве, а оставался в своем поезде, несколько продвинувшемся навстречу императрице-матери, которая, услышав новости, выехала из Киева, чтобы поддержать сына своим присутствием и любовью.

Таким образом они провели четыре дня: император наслаждался полнейшей личной свободой, ездил по городу с ее величеством, завтракал и обедал с ней. Воейков безуспешно попытался покинуть монарха и перейти в свиту императрицы, полагая, что так будет безопаснее. В конце концов этот неверный слуга бежал, был арестован в поезде неподалеку от Москвы и доставлен в Петроград, где революционеры поместили его в Петропавловскую крепость.

Один из камергеров императрицы-матери подробно рассказал мне об этих печальных днях, которые они провели в Ставке, о спокойной храбрости этой великой женщины, о ее нежной заботе и самообладании, а также об инертности ее сына перед лицом перемен, которые невозможно было игнорировать. В церкви во время службы он слышал, что его имя и имена членов его семьи не упоминались, но никак не прореагировал на это. За столом велись привычные беседы. На четвертый день ему объявили, что ему следует считать себя арестованным и он должен отправиться в Царское Село в сопровождении одного из депутатов Думы. Все с тем же равнодушием он выслушал приговор, попрощался с матерью и членами своей свиты и отправился во дворец в Царское Село, произнеся ни слова сожаления, даже не помахав рукой хрупкой фигурке в черном, императрице-матери, стоявшей в одиночестве на платформе и с разбитым сердцем

наблюдавшей, как поезд скрывается вдаль.

В этой поездке императора сопровождал только князь Долгорукий, которого в последнее время сделали церемониймейстером и который попросил позволения разделить судьбу императора. Представитель Думы и военный конвой составляли остальных пассажиров специального поезда. Император слышал об аресте своей супруги и с тех пор не мог связаться с ней, но, казалось, не испытывал волнения за ее судьбу, так же как и за свою собственную. Все, кто видел его, размышляли, понимал ли он опасность своей ситуации.

По прибытии императора во дворец ему позволили встретиться с императрицей с глазу на глаз, несмотря на то что оба они были теперь узниками. Наверное, их разговор носил трагический характер, когда они встретились и обсудили безнадежность своего положения и причины, которые привели к этой драме!

Но одним из предсказаний Распутина было утверждение, что если с ним что-нибудь случится, то с императорским домом произойдет несчастье, так что, возможно, его покровительница по-прежнему верила в своего пророка и, возможно, пыталась объяснить императору, что смерть их вдохновителя стоила им обоим трона.

День-два спустя Керенский, министр юстиции новорожденного Временного правительства, пришел в Царскосельский дворец с просьбой к императору предоставить ему необходимую информацию и бумаги. Император-узник сердечно принял его в своей библиотеке. Они сидели, курили и обсуждали разные темы, как вдруг Николай II сказал: «Как жаль, что мы не были знакомы прежде! Мне очень помогло бы, если бы во время моего царствования я знал таких людей, как вы, и смог бы ввести их в правительство!»

В этот момент в большую комнату тихо вошла бывшая императрица. Керенский тотчас же встал, и бывший император представил социалиста своей супруге. Министр поцеловал ей руку и придвинул для нее кресло к креслу его величества. «Вам нет необходимости предлагать мне стул в моем собственном дворце», – заметила она и встала в установившемся молчании рядом с мужем. Ее гордый дух не был сломлен, и вскоре новое правительство почувствовало необходимость разделить супружескую пару, позволив им встречаться только за столом и в присутствии революционного офицера, который должен был наблюдать за ними и выслушивать разговоры.

«Она слишком сильна, а он слишком слаб» – такое мне предоставили объяснение, когда я спросила, почему новое правительство приняло такую меру.

Глава 17

Временное правительство

Рано утром в четверг делегация, поехавшая в Псков, вернулась с последним актом нашего императора. Родзянко опубликовал его и распространил по городу, расклеив на дверях и стенах домов. В нем говорилось:

«В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в

полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех наших верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай».

В четверг утром комитет ждал прибытия великого князя Михаила. Ему предложили трон, но он отказался от предложенной чести под давлением делегации, не хотевшей, чтобы он царствовал. В своем воззвании, распространенном в тот же день, он заявил, что примет корону только в том случае, если будет «избран путем голосования на Учредительном собрании».

Тотчас же было принято решение сформировать Временное правительство, чтобы продолжать войну и управлять страной. В тот же день было назначено министерство, в которое вошли все лучшие либеральные мыслители и известные теоретики. Премьер-министром назначили князя Львова [114 - Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) – князь, видная фигура в местном самоуправлении до революции, стал первым премьер-министром и министром внутренних дел Временного правительства в 1917 году.]; Милюков получил портфель министра иностранных дел; Терещенко [115 - Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) – промышленник и финансист, депутат 4-й Думы, член «Прогрессивного блока», участник заговора, направленного на свержение Николая II. Первый министр финансов Временного правительства, сменивший Милюкова на посту министра иностранных дел в мае 1917 года.] со своими миллионами был направлен управлять финансами; в то время как Керенский со своим идеализмом занял пост министра юстиции. Почти все люди, вошедшие в этот кабинет, обладали честностью и желанием поставить страну на ноги. Американский посол мистер Франсис, должным образом оценив их, страстно желал усилить их позиции и к субботнему вечеру добился от правительства Соединенных Штатов официального признания Временного правительства. Англия и Франция почти сразу же последовали примеру Соединенных Штатов, и к вечеру понедельника в истории России открылась новая глава. В Петрограде снова воцарилось спокойствие.

Революция продлилась всего лишь неделю. Когда прежних министров арестовали, никто из них серьезно не пострадал, хотя некоторым довелось испытать холод и неудобства. Министерские комнаты для собраний в Думе использовались как место содержания узников, арестованных самоназначенной революционной охраной. Здесь оказалось огромное количество людей, их продержали под стражей несколько часов или несколько дней, а затем либо освободили, как Барка и Кочубей [116 - Кочубей Виктор Сергеевич (1860—1923) – князь, генерал и член императорской свиты, управляющий императорскими имениями с 1899 по 1917 год; родственник Кантакузиных.], либо перевели в Петропавловскую крепость для более длительного заключения.

Сенаторы, члены Государственного совета, бывшие придворные и члены правительства, всего около двухсот человек, провели в этих набитых битком комнатах по пять или шесть долгих дней. Каждое утро и каждый вечер Керенский обходил комнаты, выбирая несколько человек, кого следовало освободить, и несколько, чтобы отправить в крепость. С одной стороны импровизированной тюрьмы слышались высказывания членов Думы, в

то время как с другой доносился рев выпущенного на свободу бедлама, ибо в Екатерининском зале разглагольствовали делегации солдат и рабочих, критикуя, угрожая, приветствуя, требуя отчета обо всем, что делалось, права вето и одобрения всех принимаемых мер. [117 - Петроградский Совет делил Таврический дворец с остатками думского комитета, сформировавшего Временное правительство.]

Много раз жизнь обитателей дворца оказывалась на волоске, но каждый раз ситуацию спасал Керенский красноречием и умелым ведением дел своих подзащитных. Когда он согласился на должность министра в таком консервативном правительстве, каким было Временное правительство, он почти утратил влияние на крайних социалистов, опасавшихся, что он больше не будет представлять их интересы. В первые дни после назначения, когда он появлялся среди узников, его сопровождал «почетный караул»: солдат, матрос и рабочий в качестве адъютантов; впоследствии он сказал, что это были шпионы, приставленные к нему «Екатерининским залом», чтобы следить за каждым его шагом и слышать все разговоры. В эти дни он держался с узниками сурово и грубо, но, как только избежался от надзора, стал простым и человечным и старался помочь и освободить всех, кого только мог.

Сотни арестованных были освобождены тотчас же после ареста, некоторых задержали на несколько дней, а некоторые оказались в крепости, где несколько месяцев влачили жалкое существование. Но смертной казни не подвергся никто, поскольку одним из первых действий Керенского была отмена смертной казни.

Глава 18

Арест императрицы

Мой муж, приехавший в Петроград по делу, прибыл в столицу утром в воскресенье 11 марта и, обнаружив, что весь транспорт остановился и нет никаких иных средств передвижения, кроме своих двоих, с помощью денщика Давилки понес свой легкий багаж по безмолвному городу в клуб. Позже он рассказывал, что все казалось ему зловещим, а город – мертвым; он нашел своих друзей в клубе чрезвычайно взволнованными и обеспокоенными за безопасность города. Говорили, будто через несколько часов произойдет революция. Михаил навестил мать и других членов семьи и увидел, что мать очень обеспокоена. Он решил, что ввиду угрожающих беспорядков не следует возвращать нашего мальчика в школу, как обычно делалось в субботу вечером.

В понедельник утром, когда действительно разразилась революция и перестрелка на улицах с каждым часом принимала все более яростный характер, передвижение по городу даже пешком стало почти невозможным.

Некоторое время муж наблюдал за войсками, часть которых все еще поддерживала правительство, сражавшееся с рабочими массами, а часть перешла на сторону толпы. Но это были в основном резервисты или новобранцы, жившие в казармах полков, чьи названия они носили и к которым должны были в скором времени присоединиться на фронте. Офицеров было мало, и они оказались совершенно бессильны против разбросанных среди солдат агентов. Большинство резервистов были мобилизованы из рядов рабочего класса и теперь братались с рабочими.

В самом начале этих событий Министерство внутренних дел перестало существовать. Некому было отдавать распоряжения полиции, и после двух дней кровавой обороны она

отказалась от борьбы. Сначала по приказу Протопопова на всех общественных зданиях установили скорострельные орудия, и они вели оттуда стрельбу, единственным результатом которой стало то, что толпа пришла в еще большую ярость.

Люди в основном передвигались пешком, трамваи и наемные экипажи остановились. Банки и магазины закрылись, поезда нерегулярно, время от времени прибывали и уходили из города.

Министры вели себя храбро и не бежали, за исключением пользовавшегося наибольшим доверием Протопопова. Они решили, что каждый должен вернуться на свое место, продолжать выполнять текущую работу, защищать вверенную им государственную собственность и ждать дальнейших событий. Так и было сделано. Все эти сильные люди терпеливо и спокойно часами сидели в ожидании за своими рабочими столами. Арестовывали министров банды революционных добровольцев, не облеченных властью и не имевших на это полномочий, ни один из министров не был арестован на основании официального ордера или приказа вновь созданного Временного правительства. Все жестокие и несправедливые поступки этой недели совершались такими рассеянными группами добровольцев, более или менее выпивших. Они довольно грубо вваливались в общественные здания и частные дома, производя инспекцию и реквизицию, а главным образом воруя все, что лежало на поверхности, и уносили с собой вещи целыми охапками. Порой солдаты вели себя прилично и заявляли, будто только ищут шпионов и огнестрельное оружие, а когда конфисковывали собственность, то делали вид, будто это делается ради общественной безопасности.

В любом случае сопротивляться было бесполезно и опасно. В результате непонимания и враждебности со стороны солдат было много жертв. Таким образом убили генерала Стакельберга [118 - Стакельберг Георг Карлович (1850—1917) – барон, генерал от кавалерии, сыгравший видную роль в Маньчжурской кампании 1904—1905 годов.], а некоторых ранили.

Мой муж, со своей греческой фамилией и южнорусскими традициями, к тому же носивший аксельбанты и шпагу Святого Георгия, командир его величества Кирасирского полка, чувствовал себя в безопасности. Однако в помещение клуба ворвалось десять – двенадцать полупьяных солдат-хулиганов; осмотрев вещи находившихся там джентльменов, они конфисковали их оружие, обувь, деньги и другие предметы собственности, затем проверили документы своих жертв и, заявив, что они «не в порядке», арестовали их как немецких шпионов и велели тотчас же отправляться в Думу.

Естественно, офицеры испытывали негодование, но волей-неволей смирились с ситуацией. Хотя князь Енгальчев намеревался оказать сопротивление, его уговорили успокоиться и не возбуждать ненужного раздражения, когда небольшая процессия пустилась в долгий и опасный путь по охваченному беспорядками городу. Четверем мужчинам, предварительно обезоруженным, велели снять аксельбанты. Долгий и опасный путь по городу, продолжавшийся около двух часов – по Большой Морской, Невскому и далее к Таврическому дворцу, – был очень утомительным, тревожным и унижительным. И все же даже эти солдаты относились к своим пленникам вопреки логике хорошо, и когда князь Карагеоргиевич не смог идти из-за боли в раненой ноге (для лечения которой он приехал с фронта), его посадили в проходивший мимо грузовой автомобиль и таким образом отправили в Думу. Уже через пятнадцать минут муж принял на себя командование всем этим отрядом и велел задержавшим их солдатам отвести их прямо в кабинет Гучкова в Думе, что и было сделано немедленно по прибытии. Этот член

Временного комитета был изумлен при виде моего мужа и остальных офицеров. Он тотчас же освободил их, вернул им документы и выдал удостоверения, свидетельствующие, что они уже прошли проверку и могут свободно передвигаться по городу. Затем Гучков отвез Михаила обратно в клуб на своей машине, так что его злключения закончились не так уж плохо, но он лишился своей шпаги и револьвера, которые очень высоко ценил. Шпагу носил его дядя во время Турецкой войны, а револьвер прошел через все кампании вместе с моим отцом. Но потеря оружия была незначительной утратой по сравнению с опасностью, которой удалось избежать! Что касается аксельбантов и инициалов императора на эполетах мужа, он так и не заменил их, поскольку на следующее утро было объявлено об отречении императора от престола.

Подчиниться воле императора, как это выражалось в акте об отречении, означало верно служить новому правительству и содействовать изгнанию врага от наших границ. Таким образом Кантакузин и все остальные офицеры остались на своих постах. Он продолжал командовать императорскими кирасирами, название которых изменили на «подольских кирасиров» в память о городе, из которого первоначально происходила основная часть солдат.

Первоначально в среде революционеров не было движения против офицеров и аристократов. Разве что в единичных случаях. В целом драма разворачивалась на внешне патриотической основе: «За войну и национальную свободу», против тирании немецкой или «окультной партии» при дворе. Это была атака на форму правления: самодержавную и бюрократическую.

В четверг утром, после того, как повсюду были расклеены акты об отречении, казалось, вдруг из хаоса родился порядок. Стрельба прекратилась, люди свободно передвигались по городу. Видеть это было даже жутковато, поскольку под поверхностью еще не ощущалось прочной основы. Не существовало ни организации, обладающей реальной властью, ни дисциплинированной силы, на которую можно было рассчитывать. Однако улицы и церкви были переполнены улыбающимися людьми, большинство из которых носили ленты и кокарды алого цвета, а город был украшен красными флагами. Императорские гербы удалялись с магазинов и дворцов, но без каких-либо проявлений насилия и ненависти. Было сравнительно мало случаев разорения частной собственности, пьянства и убийств. Внезапно появились продукты и топливо, и беспечные люди не понимали, что живут за счет драгоценных запасов, и спокойно занимались своими делами, полагая, что с Россией все в порядке, раз все их текущие нужды в достаточной мере удовлетворяются.

В субботу муж смог уехать на фронт, завершив, наконец, дело, ради которого приехал на север. Он уехал спокойно, чувствуя себя в безопасности, а наш мальчик вернулся в школу.

По всей стране новость о революции встретили почти с религиозным благоговением; везде царил порядок, хотя полицейских тотчас же мобилизовали и отправили на фронт сражаться, оставив при этом двери тюрем распахнутыми, а улицы и дороги незащищенными. К несчастью, даже границы в течение шести дней были открыты, и любой мог пройти беспрепятственно и без документов. К тому времени, когда Временное правительство послало солдат на смену прежних стражей границы, тысячи немецких шпионов и агентов спокойно прошли через эти ворота и приступили к своей смертоносной работе по организации и формированию большевистской партии, которая прежде была всего лишь толпой сброда. Члены Временного правительства вскоре осознали драматическую сторону этой небрежности, но результатов уже невозможно было исправить. В эти первые бурные дни также было дано обещание, что войска,

находившиеся в те дни в Петрограде, никогда не отправят на фронт и не расформируют, но оставят на прежнем месте защищать столицу – «честь, завоеванная ими своим участием в революционном движении». Это предложение исходило от депутатов Екатерининского зала и было подписано первым правительством. Впоследствии много обсуждалось, осознавало ли министерство, какие трудности возводит на своем пути на ближайшее будущее, предоставляя этим (уже утратившим дисциплину и лояльность) войскам такое исключительное положение. Подобный акт имел далеко идущие последствия. Декрет, называвшийся «Приказ № 1 по армии», упразднил порядок и дисциплину, создавал «солдатские комитеты» в каждой части и на законном основании предоставлял полную свободу самым низшим слоям. Все это стало каменным грузом, впоследствии затянувшим идеалы и возможности революции на самое дно болота, где они и скончались. «Приказ № 1 по армии» был тотчас же напечатан, и тысячи экземпляров разосланы через специальных агентов прямо солдатам на линию фронта и распространялись среди них без ведома офицеров. Я слышала об этом от многих, кто был тогда на фронте [119 - «Приказ № 1» Петроградского Совета был адресован гарнизону столицы, но, как пишет автор, сразу же стал распространяться на фронте с губительными последствиями для дисциплины.]. Командиров ошеломило то, что такое серьезное и важное решение было принято столь поспешно и разослано таким способом, а не обычным путем через штаб с тем, чтобы оттуда передать его дальше: армейским корпусам, дивизиям, бригадам и полкам.

Я слышала от нескольких заслуживающих доверия должностных лиц, связанных в те дни с Временным правительством, заседавшим в Таврическом дворце, что они провели личное расследование и обнаружили, что за печатными станками, на которых тиражировали эти приказы, стояли немцы. А также посланцами, отвозившими на фронт пакеты с воззваниями, также были немцы или оплачиваемые ими лица. Они стали протестовать и обратились к Временному комитету с просьбой выделить небольшой отряд солдат, чтобы арестовать этих врагов, но не получили ни позволения, ни людей для выполнения этой службы.

С первых дней революции лучшие из офицеров с пессимизмом смотрели в будущее и видели единственное спасение в немедленной военной помощи со стороны союзников. Но все наши офицеры вели себя лояльно по отношению к новому правительству, поскольку оно было временным, и государь призвал всех подлинных сынов Отечества оставаться на своих местах и сражаться с врагом. Благодаря сверхчеловеческим усилиям этих превосходных людей армия еще несколько месяцев удерживалась на основе старых традиций, личного влияния и хороших взаимоотношений между офицерами и солдатами. Они закончили жизнь скорее принятием мученичества, чем вины за отказ от дальнейшего ведения войны.

Каким-то странным образом ее величество не знала об отречении до тех пор, пока в четверг днем ей не доложили о приходе депутации. Она ответила, что предоставит им аудиенцию в одном из залов дворца. Войдя в комнату, она увидела группу скромно одетых мужчин, и говоривший от их имени делегат, молодой полковник, объявил ей, что на него возложена тяжелая обязанность «арестовать ее величество». Она с негодованием осведомилась, каким образом и почему, и ей предоставили краткий отчет о событиях в столице, о которых она ничего не знала. «Но его величество?» – с раздражением спросила она. И только тогда ей сообщили, что ее супруг отрекся от престола от своего имени и от имени наследника. Колени императрицы подогнулись, она покачнулась и схватилась за

стол. «Это неправда! Это ложь! Я разговаривала с его величеством по личной связи, когда он уезжал из Пскова, и он ничего не сказал об этом». Ей подали акт об отречении. Несмотря на всю горечь и отчаяние, которые она, должно быть, испытывала, императрица гордо выпрямилась и посмотрела в лицо депутатам. «Мне больше нечего сказать». Ей сообщили, что она может остаться во дворце, о ней будут заботиться и предоставят все удобства. «А что будет с детьми? Они больны, и их нельзя беспокоить». Ей ответили, что они тоже могут остаться. Тогда она попросила о двух одолжениях: чтобы с сыном оставили старого матроса, прислуживавшего мальчику с рождения, и чтобы к ним мог, как обычно, приходиться врач. Все это было дозволено. Только она сама не должна выходить из дворца. Это небезопасно и будет нарушением приказа со стороны тех, кому предстоит охранять ее. И императрица, ныне пленница в своем собственном дворце, вышла из зала, не проронив больше ни слова.

Она стала терпеливо ждать, внешне гордая и спокойная, и не сказала детям ничего. Она видела толпу у своих ворот, слышала угрожающие выкрики, видела, как императорский конвой казаков, ее охрана, перешел на сторону революционеров. Даже дворцовые слуги, за исключением ее личной прислуги, попросили позволения уйти. С ее величеством остались только одна-две фрейлины, к ней не поступало новостей ни о муже, ни о событиях, происходивших за стенами дворца.

Вскоре Родзянко предложил ей прислать к нему свои драгоценности на хранение, обещая предоставить ей расписку и нести за них ответственность. Она отвергла предложение и оставила свои драгоценности и своих детей рядом с собой. Во всех уголках Петрограда, а также в Ялте простые люди выражали сочувствие по отношению к детям, больным корью, к императрице-матери и различным великим князьям и княгиням. Но во всей огромной империи, казалось, не нашлось ни слова похвалы или сожаления к несчастной паре. Всего несколько дней назад они были всемогущими монархами и правили более двадцати лет, и ни один человек не поднял руки на защиту их знамени. Это кажется мне самой красноречивой деталью революции.

После ареста и освобождения в среду мой муж совершенно свободно разгуливал по улицам. Он не носил на поясном ремне никакого оружия, как и остальные офицеры в городе, но снова надел оружие в субботу, отправляясь на фронт, где нашел свой полк в состоянии недоумения и брожения. Новости о великих событиях только что дошли из столицы до армии, и среди солдат уже распространялся «Приказ № 1». Кантакузин приехал как раз вовремя, чтобы подтвердить подлинность слухов и должным образом интерпретировать экстраординарный документ, чтобы сплотить своих солдат и офицеров в едином порыве доказать патриотизм и значение воинской дисциплины. Они раз и навсегда решили жить в соответствии со своими прежними традициями, что и делали в течение восьми месяцев постоянных искушений. Это соединение с необыкновенным достоинством выдерживало напряжение революционного периода и считалось по всему фронту уникальным, оно создало себе такую репутацию, которая делала честь стойкости самих солдат и их командира.

Вскоре после революции мужу поручили командование бригадой, состоявшей из его собственных кирасиров и родственного ему полка, который при прежнем режиме назывался «кирасирами императрицы-матери». Кантакузин с грустью покидал свой полк, которым столько месяцев командовал под огнем. Его утешало только то, что полк войдет

в состав его бригады, к тому же новый командир кирасиров, князь Черкасский, и все остальные офицеры оставались ему верны и составляли группу его приверженцев, наподобие его штаба. Солдаты, невзирая на введение революционных идеалов, сохраняли свое прежнее отношение к командиру, всегда называли Михаила «наш князь» и в старинной патриархальной манере приходили к нему со своими личными и общественными проблемами. Они даже советовались с ним, как им понимать новые демократические теории и как применять их на практике. В конце июля на собрании полкового Совета солдаты единодушно проголосовали за то, чтобы предоставить Кантакузину право на пожизненное ношение формы, даруя ему честь, обычную для старого режима, но отмененную революционным правительством.

Войскам, находившимся под командованием моего мужа, было приказано незамедлительно направиться в Киев для поддержания там спокойствия, поскольку опасались свершения там переворота. Киев долго оставался самым спокойным и безопасным городом империи. Так продолжалось до тех пор, пока в начале ноября власть не прибрали к рукам большевики и украинские власти, а Временное правительство раз и навсегда пало. Когда мужу приказали отправиться в Киев, он написал мне о своем глубоком отвращении к предстоящей работе, но, поскольку Киев был большим и удобным городом, он хотел, чтобы я присоединилась к нему, если все будет благополучно. Он намеревался нанять дом и обосноваться с большими удобствами, чем ему приходилось жить в последние два с половиной года. Я с радостью согласилась поехать, но решила сначала посетить столицу, где у меня были кое-какие дела, а также хотела повидать своего мальчика, тем более что ходили слухи о закрытии его школы.

Глава 19

Последствия революции

В первую неделю после революции путешествовать было почти невозможно, невозможно было заказать ни спальных, ни сидячих мест, ни в каком вагоне. Казалось, все население России пустилось в разъезды по стране. Багаж постоянно терялся, и приходилось сталкиваться с огромным количеством трудностей.

За два дня до своего отъезда в Петроград я прочла в местной крымской газете, что бывший начальник моего мужа, великий князь Николай Николаевич, прибыл на свою виллу Чаир, находящуюся неподалеку от нас, с ним приехали его жена, брат и невестка. Сопровождали его только князь и княгиня Орловы, следовавшие за ним исключительно из преданности, не имея ни жалованья, ни официального положения.

Сразу же после их прибытия в Крым приехала еще одна печальная путешественница. Императрица-мать со спокойным благородством поселилась в Ай-Тодор, в доме великой княгини Ксении и ее мужа, великого князя Александра Михайловича. Им тоже было предоставлено право выбора места жительства.

Пользуясь добротой со стороны этих людей в течение многих лет, я почувствовала, что должна проявить свою симпатию и преданность по отношению к ним, и вызвалась отвезти их письма или посылки в столицу. Я знала, что это единственная для них возможность избежать цензоров, которые, по моим сведениям, задерживали всю корреспонденцию императорской семьи, и увидела, как обрадовались беженцы той возможности, которую предоставлял им мой отъезд. Я увозила с собой целый мешок писем всевозможных форм

и размеров, положив их за подкладку своего несессера. Меня немного пугала мысль о том, что может со мной произойти, если меня обыщут! К счастью, я избежала внимания со стороны властей. Новый режим ничего не знал и знать не хотел о моих обязательствах, и я смогла доставить документы от ее величества к управляющему ее бывшего двора, а также передать в руки надежного курьера ее письмо к вдовствующей королеве Англии Александре, которое он переправил через границу. Я также везла письма бывшего шефа, адресованные премьер-министру Львову и военному министру Гучкову, и деловые письма, касающиеся его личных дел. Я радовалась возможности хоть в малой мере отплатить за те благодеяния, которые получала все семнадцать лет, проведенных в России. Безусловно, я никогда не предполагала, что судьба предоставит мне такую возможность, и с подлинной радостью приступила к выполнению этих деликатных поручений.

Я побывала в Чаире и услышала от великой княгини рассказ об ее опыте общения с революционерами в Тифлисе. Я видела великого князя Александра и слышала подробный рассказ о четырех днях, проведенных им и императрицей-матерью в Ставке с экс-императором, и об аресте последнего; а также о возвращении императрицы в Киев, об уважительном сочувствии, с которым относились к ней там и во время поездки. Все эти члены императорской семьи были преисполнены веры в будущее России и считали, что Временное правительство сможет довести до конца войну. Они надеялись, что им позволят жить в мире в Крыму или в их загородных имениях, но беспокоились по поводу своего финансового положения. Никто из них не имел большого личного состояния, они зависели от пособий, которые получали по гражданским листам императора, или от доходов императорских фамильных имений. Однако никто из них не жаловался по поводу своих потерь. Эти люди уже давно предвидели неприятности и, казалось, теперь волновались меньше, чем до переворота. Раз монарх проиграл, ничего не оставалось делать, как принять ситуацию по возможности с философским спокойствием.

Никто из членов императорской семьи в Крыму не упомянул при мне ни бывшего императора, ни его супругу. Ежедневные газеты публиковали статьи, якобы сообщающие подлинные детали «внутренней» дворцовой и политической жизни Царского Села во время последних месяцев империи. Все это выглядело печально и унижительно.

Все мы сошлись во мнении, что Временное правительство хорошо подобрано и обещает быть консервативным и разумным. Мы надеялись, что Учредительное собрание выступит за конституционную монархию. Императором тогда, естественно, будет избран кто-то из членов императорской семьи, возможно, всегда популярный и сильный наш бывший шеф, или великий князь Михаил, чья жена происходила из московского купечества, или же Кирилл, следующий по порядку престолонаследия и имеющий жену из императорского дома.

Похоже, имел шанс оказаться избранником народа и великий князь Николай Михайлович. Он был чрезвычайно умным и уже несколько лет изучал политику. К тому же он придерживался революционных взглядов, а его демократический стиль жизни предоставил ему возможность приобрести много друзей во всех группах и классах империи. Он написал несколько исторических книг, получивших всеобщее одобрение; хорошо знал русскую интеллигенцию, а артистические круги знали его, принадлежавшие ему коллекции и являлись его почитателями. У него было много друзей в Думе и земствах. Он попал в немилость у бывшей императрицы, был отправлен в изгнание и вернулся как раз вовремя, чтобы сыграть видную роль в дебатах Думы в беспокойные

революционные дни. Он был большим любимцем императрицы-матери.

Так что в конце марта я отправилась в Петроград, испытывая огромное любопытство, некоторое беспокойство и большие надежды. Мое путешествие было довольно удобным, вполне спокойным и монотонным.

Я приехала в Петроград 13 апреля, в Страстную пятницу, когда революции исполнился ровно месяц. Мой мальчик приехал на вокзал встретить меня в бабушкином экипаже. Когда поезд подошел к платформе, она была заполнена огромной толпой людей, в основном солдат в незастегнутой и неаккуратной форме. Но все они усмехались и были добродушно настроены. Они с готовностью подхватили мой багаж и перенесли с поезда к экипажу. На мой вопрос, почему это делают солдаты, сын объяснил, что войска теперь управляют городом. Никто не осмеливается противоречить им, так что они, неряшливо одетые, беспечно повсюду разгуливают, курят и реквизируют все, что можно съесть, отказываясь проходить строевое обучение и выполнять приказы. Среди всего прочего они завладели вокзалами, сочтя работу носильщиков легкой, занятой и выгодной.

Следующее мое впечатление – кучер княгини с огромным красным бантом, приколотым к груди ливреи. Сын еще усилил мое изумление, рассказав, что бабушка стала самой яркой революционеркой и с восторгом встречала разрушение всех старых традиций. Она радовалась красному флагу над Зимним дворцом, а особенно закрытию его школы, которую считала привилегированной. Положение дел казалось временным, а княгиня при нашей первой же встрече заявила, что ее «французское республиканское сердце бьется в унисон со всеми этими новыми идеалами». Все остальные члены семьи не сходились во мнении со свекровью и, казалось, были настроены пессимистически. Такие противоположные позиции удивили меня. Я же могла только оплакивать падение того, что казалось столь блестящим и высоким, а также все старые поэтические традиции. И тем не менее мне казалось, что Россию ждет многообещающее будущее хотя бы уже потому, что все самые сильные и лучшие люди страны от души готовы ей послужить. В то же время мне не нравилось видеть прекрасную статую императрицы Екатерины перед императорским театром с красным флагом в руке. Революционный красный цвет, реющий над императорскими дворцами и крепостью Петра Великого вместо императорского штандарта, казался мне совершенно неуместным и чрезвычайно трагическим. К тому же мне не хватало больших золотых орлов, которых сорвали и которые, по-моему, символизировали трехсотлетнюю колоритную историю страны!

Мои обычные апартаменты в гостинице «Европейская» казались по-домашнему уютными, и старые знакомые слуги много рассказывали мне о своих личных переживаниях в недавно прошедшие великие дни.

Мой бедный мальчик храбро встретил очень трудную ситуацию. Нельзя сказать, что с ним плохо обращались в дни перемен, после отречения императора он свободно передвигался по городу. Но его сердце обливалось кровью при мысли о разрушении школы, которую он так любил, со всеми ее прекрасными вековыми традициями. Я изо всех сил старалась утешить своего юного учащегося, чья точка зрения на революцию окрасилась в темные тона из-за несправедливого поступка по отношению к лицу. Это было первое серьезное бедствие в жизни шестнадцатилетнего Михаила и огромный удар по преданным молодым людям численностью примерно триста человек, облаченным в необычную зеленую форму.

В этом году обучение должно было закончиться 14 мая, и школа закрывалась навсегда. Наш сын решил перевестись в Петроградский университет. Все это уладилось, и у меня

еще оставалось недели две, чтобы побыть вместе с ним в столице. Я с большим интересом ждала новостей.

Сначала празднование Пасхи казалось довольно странным без привычных торжественных церемоний во дворцах и щегольских придворных экипажей и саней на улицах. Но церкви были переполнены верующими, повсюду ощущалось новое настроение надежды и трогательное проявление братства. К тому же воцарился изумительный порядок, хотя на улицах не было видно ни одного полицейского. Атмосфера в столице была действительно изумительной. Люди вели себя как во время какой-то торжественной службы, и на улице создавалась атмосфера, похожая на собор. Теперь стало достаточно продуктов и топлива, и представители низших классов были довольны, улыбались и верили в завтрашний день. Они проявляли полнейшее уважение к тем, кого всегда считали стоящими выше себя. Магазины были полны продовольствия, и все могли его купить, поскольку по приказу Временного правительства цены были снижены.

Оптимизм улиц не нашел, однако, поддержки в салонах, которые я посещала, за исключением послов союзных держав, убежденных, будто с падением «оккультной партии» война будет вестись успешнее. Но им не приходило в голову, что с падением старого режима прежний механизм управления оказался разрушенным.

Среди своих друзей я встретила совершенно иную точку зрения: почти всем нравились члены Временного правительства, и все хотели помочь им и поддержать их доступными способами так, чтобы они продержались до созыва Учредительного собрания. Но представители высшего класса, говоря о создавшейся ситуации, выражали опасения перед нависшей, по их мнению, опасностью на политическом горизонте. И прежде всего существовала явная угроза полного распада армии. Уже всеми признавалось, что «Приказ № 1» был большой ошибкой. К тому же лозунг «Земля и свобода», выдвинутый Советами по предложению немцев, поднял вопрос о немедленном перераспределении земли. Это заставляло рабочих и крестьян дезертировать в огромных количествах, поскольку немецкие агенты твердили им, что они должны поторопиться домой, чтобы получить свои наделы земли. Где было правительству взять эту землю, чтобы распределить ее между населением? Так что, по нашему мнению, вопрос земли и армии стал серьезным камнем преткновения на пути закона и спокойствия.

Запасы продовольствия, тщательно собранные старым правительством, теперь стремительно растрчивались, в то время как ничего не предпринималось, чтобы пополнить их, а транспорт работал так же плохо, как всегда. Полицию упразднили, а заменившая ее непонятная гражданская милиция не смогла бы выполнить возложенные на нее обязанности в случае необходимости.

Фабрики не работали. Все рабочие стали членами комитетов и были заняты «управлением» или просто ничего не делали и находили такую жизнь слишком заманчивой, чтобы возвращаться к своим обязанностям. Советы рабочих и солдатских депутатов, все еще заседавшие в Таврическом дворце, составили подлинное правительство и стали силой, с которой министерству пришлось считаться. Они даже издали несколько воззваний самостоятельно и настаивали на том, чтобы кабинет согласовывал с ними все свои действия, утверждая, что иначе они «не будут отражать мнение народа». Керенский по-прежнему пользовался доверием своей партии и гениально управлял ею. Но ему было нелегко согласовать идеи рабочих и солдат с идеями своих министерских коллег, и его здоровье быстро разрушалось под воздействием напряжения, вызванного многочисленными выступлениями и поездками.

Я постоянно встречалась со своими друзьями в неофициальной обстановке, так как продолжала держать салон, где целый день принимала гостей за чайным столом. Во всяком случае, настроение у них было теперь лучше, чем зимой, и они стали более свободными, лишившись своих обязанностей. Я часто посещала те дома, где была завсегдаем, даже бывала в семьях тех людей, которые находились теперь в крепости, я не могла покинуть их в тот момент, когда они попали в опалу, и навещала их вполне открыто. Первое мая – день солидарности трудящихся – характеризовался большими процессиями и митингами на улице. Ждали беспорядков, но все прошло спокойно, и поэтому люди обрели уверенность. Все полуденные процессии государственных служащих, солдат, моряков, бедных фабричных рабочих обоих полов и школьников двигались по главным улицам с красными флагами, на которых были написаны различные лозунги, такие как «Землю и свободу», «Свобода». Они пели религиозные песни, или их оркестры исполняли Марсельезу, заменившую наш национальный гимн. Хотя меня предупредили о возможной опасности, я дважды выходила, чтобы посмотреть на это зрелище. Религиозные процессии выглядели огромными, принимавшие в них участие отличались экзальтированными кроткими лицами, а голоса их звучали нежно и тихо, как всегда у наших людей. В городе не было ни единого полицейского, но ни один инцидент нигде не испортил праздника. Видеть людей в таком состоянии означало любить их; и меня бесконечно растрогала красота русской души и ее благородство!

Альбер Тома, великий французский социалист, посетил Петроград и, будучи моим старым знакомым, несколько раз приходил ко мне, чтобы выпить чашку чаю и поболтать. Мне было очень интересно услышать его мнение о нашей теперешней ситуации, которая, как он признался, принесла ему много сюрпризов. Во-первых, он сказал, что его пригласили приехать и побеседовать представители его партии, то есть социалисты. «Но ваши идеи отличаются от наших, французских; и когда я оказался рядом со своими предполагаемыми единомышленниками, то обнаружил, что они вовсе не были социалистами, а тем, что мы, французы, называем анархистами и коммунарами». Однако он был весел, оптимистически настроен и настаивал, что будущее нашей страны будет лучше, чем настоящее. Он рассчитывал, что в течение лета нам удастся быстро провести реорганизацию и осуществить последнее решающее усилие, чтобы завершить войну. Однажды он сказал мне, что в правительстве сложились весьма напряженные отношения между Керенским и Милюковым, «которые не имеют ко мне никакого отношения, но очень осложняют мою работу. Поскольку я прислан французским правительством к вашему, то должен действовать через вашего министра иностранных дел Милюкова, но, с другой стороны, мне поручено моей партией осуществить связь с нашими единомышленниками (с Керенским во главе). А при таких разногласиях я вынужден ждать, скрестив руки на груди, пока они не уладят между собой ряд вопросов, и только тогда смогу что-либо предпринять». Он сказал, что приехал, чтобы на время заменить Палеолога, поскольку последний был слишком тесно связан с царизмом, чтобы приносить теперь пользу.

Я была очень довольна Альбером Томом. Меня глубоко интересовали все его теории и надежды на будущее России, но по окончании весны я больше не видела его. Он оставался в стране до конца лета, много путешествовал и изучал страну в разных аспектах. Перед его отъездом во Францию я узнала, что его мнения сильно переменились: прежде он всегда осуждал нашего императора за плохое обращение и подавление русского народа, теперь же восхищается им за то, что тому удалось мирно управлять страной более

двадцати лет.

В то же время я несколько раз видела великую княгиню Викторию, жену Кирилла Владимировича, который вслед за братом императора имел право на престол. Я очень сочувствовала ей, поскольку знала ее со времени ее приезда в Россию и относилась к ней с большой симпатией, не раз имея возможность восхититься ее прекрасными качествами. Говорили, будто великий князь Кирилл, присоединившись к революции на самом раннем ее этапе, надеялся заполучить императорскую корону, тем более что они с женой всегда вели простой и демократический образ жизни и постоянно находились в оппозиции к оккультным силам старого режима.

У них были все основания удерживать столь высокое положение в петроградских кругах, поскольку они представляли собой очаровательную и выдающуюся пару. Виктория по своему рождению принадлежала к принцессам английского королевского дома, ее отец был вторым сыном королевы Виктории (имевшим титул герцога Эдинбургского и Кобургского). Он женился на русской великой княгине Марии Александровне, сестре Александра III и великого князя Владимира, отца Кирилла. Виктория в первый раз вышла замуж очень молодой за герцога Гессенского, брата нашей императрицы, он и ей самой приходился двоюродным братом с отцовской стороны, поскольку матерью герцога Гессенского и нашей императрицы была принцесса Алиса Английская. В течение семи лет Виктория была несчастлива в браке, но, наконец, ей удалось получить развод и выйти замуж за Кирилла. Ее неурядицы в первом браке настроили против нее нашу императрицу, а ее нескрываемая любовь к Кириллу была хорошо известна при дворах Европы и вызывала немало толков. Когда, наконец, ей предоставили развод, русский император послал за своим кузеном Кириллом и запретил ему жениться на ставшей свободной Викторией. Кирилл ответил, что пришел на эту аудиенцию с решительным намерением объявить о своей помолвке и испросить у монарха как главы императорского дома позволения на брак, на что император ответил отказом. Затем Кирилл, проигнорировав приказ монарха, приехал за границу к Викторией и женился на ней.

Николай II по требованию императрицы незамедлительно издал указ о лишении Кирилла придворного звания, увольнении со службы и об изгнании из империи, поскольку ее величество не желала принимать разведенную жену своего брата. Весь этот шум, казалось, ни в малой мере не омрачал счастья новобрачных. Оба они были богаты и не очень пострадали из-за потери содержания, выплачиваемого по цивильному листу. Три или четыре года они провели на Ривьере, в Париже и в Баварии, где тот или другой имели собственные дома. Во всех этих местах они создавали вокруг себя приятный круг знакомств, устраивали веселые приемы и вызывали всеобщее восхищение своей красотой, умом, обаянием и неподдельным счастьем. Но молодая великая княгиня сожалела, что ее брак с Кириллом привел к его изгнанию и отставке из императорского флота, и с помощью своей и его матерей оказала давление на императора, что в конце концов привело к тому, что однажды летом Кириллу позволили привезти жену с визитом в Царское Село; а еще через полгода или год они получили официальное прощение, и им было позволено вернуться и поселиться в России, где Кирилл снова поступил на службу, вернул свое звание и аксельбанты, а Виктория сразу же приобрела большое влияние при дворе и возглавила группу молодежи в обществе.

Мой муж был близким другом детства великого князя Кирилла, они вместе играли, затем учились, а незадолго до нашей женитьбы вместе путешествовали. С первых дней

моего замужества Кирилл стал нашим постоянным посетителем, и мы, естественно, очень обрадовались тому, что он вновь обрел расположение монарха, а его жену мы сочли очаровательной.

Когда началась война, вся деятельность, организованная великой княгиней Викторией, оказалась чрезвычайно успешной, и я восхищалась ею во времена испытаний, так же, как в прежние веселые дни. Теперь мне особенно хотелось продемонстрировать ей, что я являюсь одной из ее самых искренних последовательниц. Я не знала, заставили ли Кирилла моряки императорской гвардии сопровождать их в Думу в тот первый день революции, или же он отправился туда по доброй воле, но знаю о попытке, которую он предпринял прошлой осенью, рискнув отправиться в Ставку, чтобы умолять монарха принять меры против группы Распутина – Вырубовой, и получил множество обещаний либеральных реформ, которые так и не были выполнены. Я глубоко уважала его за этот поступок.

Я позвонила великой княгине по телефону, она ответила сама и пригласила меня к себе, как в прежние времена. Я увидела ее в простом платье за накрытым к чаю столом в ее маленькой гостиной; ее дворец отличался своей обычной красотой и уютом, он был больше похож на дом, чем любой другой дворец в городе. Со всеми своими книгами и вязаными изделиями, мягкими креслами и светильниками, со всеми мраморными сокровищами и коллекциями, расположенными таким образом, что они становились просто гармоничными частями общего убранства, он выглядел на редкость привлекательно. Сама она казалась старше и выше, чем прежде, и была одета во все черное. Пока мы курили, пили чай и разговаривали, я с удовольствием выслушивала ее взвешенные и справедливые суждения о людях и событиях и была совершенно покорена тем, как спокойно она приняла ситуацию, совершенно перевернувшую ее жизнь. Она расспрашивала меня о членах императорской семьи, которых я недавно видела в Крыму, мы говорили об их переживаниях, затем она поведала мне о своих. Она сказала, что со всех сторон слышала о неспособности императора противодействовать обстоятельствам, предшествовавшим революции. Она сообщила мне, что даже императрица-мать после последних дней, проведенных с сыном в Ставке, сказала: «Будто кто-то подменил моего сына на другого человека, совершенно не похожего на него; он все время молчит и так равнодушно встречает эти великие события. Он абсолютно не понимает, что произошло с ним».

Думаю, великая княгиня поддерживала общераспространенное мнение, будто придворный оккультный клан подмешивал императору наркотики и довел его до состояния полной инертности, хотя она и не сказала этого. Что касается ее самой, ее супруга и их планов на будущее, великая княгиня сказала, что Временное правительство призывало их вести себя как можно тише и сохранять спокойствие. Поэтому они собирались поехать на лето в Финляндию, где будут не слишком далеко от столицы и все же сами и их дети смогут насладиться спокойной загородной жизнью. Она держалась очень просто, не критиковала ни старый, ни новый режим, но, казалось, была преисполнена веры в будущее страны. Она давно знала Родзянко и других членов его группы, верила в них и в их добрые намерения, но считала, что им долго придется идти по трудной дороге.

3 мая я завтракала с князем и княгиней Кочубей (дядей и тетей моего мужа) и от их маленькой группы, представлявшей сливки прежнего общества, слышала весьма оптимистические суждения. Они предсказывали, что Россия вскоре станет процветающей

республикой.

Великий князь Николай Михайлович тоже там был, он отвез меня в гостиницу и пообещал приехать позже на чай, заехав предварительно в свой клуб и получив там новости с фронта. По дороге мы говорили об абсолютном порядке на улицах, о хорошем поведении людей, хотя нигде не было видно представителей власти, которые следили бы за порядком.

Великий князь с большим энтузиазмом относился к массам, проявлявшим такую способность сдерживаться даже после стольких лет подавления, когда от них ожидалась ответная реакция.

– Меня несколько не удивит и не испугает, если они в скором времени создадут республику, – сказал его императорское высочество.

– А вы согласитесь стать их президентом, монсеньор? – спросила я.

– Ну, не первым.

– Может быть, вторым?

– Это было бы проще.

Позже, вернувшись ко мне на чай, он рассказал, что ехал по Невскому впереди большой демонстрации, состоявшей из солдат и множества сброда с черными знаменами анархистов; раздавались выстрелы и антиправительственные выкрики. На одном из знамен крупными буквами было написано: «Долой капиталистов и консерваторов!» Поскольку невозможно было предсказать, что может случиться, он посоветовал мне оставаться дома в тот вечер.

В течение двух дней город находился в неопределенном положении, на главных улицах, особенно на Невском, происходили жестокие схватки и стрельба. Магазины были отчасти забаррикадированы, и все же между схватками люди занимались делами. Это было мое «крещение огнем», поскольку во время мартовских демонстраций меня здесь не было. Мой мальчик тем временем закончил учебный год. Поскольку его оценки были достаточно хороши, чтобы получить диплом без экзаменов, мы заказали билеты на поезд, отправляющийся в Киев вечером 5 мая. Наш поезд по расписанию отходил в шесть тридцать. На улицах все еще было беспокойно, и на вокзале царил неразбериха. Сын взял горничную, чемоданы и билеты и поехал на станцию в три часа, чтобы удостовериться, что багаж вовремя погрузят в поезд. К четырем часам ко мне зашло несколько человек, чтобы попрощаться и принести мне сладости и цветы, по доброму русскому обычаю. Я, конечно, заказала чай, и, пока мы сидели и болтали, наше внимание внезапно привлекли звуки стрельбы из скорострельных орудий и залпы пехоты совсем рядом с нами. Вбежал бледный от волнения служащий гостиницы и сказал, что я нахожусь слишком близко к окнам, а сражение разыгралось прямо перед гостиницей. Хотя мои комнаты были более безопасными, чем большинство других, благодаря тому, что выходили на тихую площадь и императорский музей напротив, директор гостиницы умолял меня не подходить к окну. Окна уже были закрыты, так что мы продолжали пить чай и принялись обсуждать, как мне добраться до вокзала. Все сохраняли философское спокойствие, поскольку мы постепенно привыкли к подобным маленьким неудобствам. Затем через полчаса, когда стрельба утихла, генерал Кнорринг [120 - Наиболее вероятно, барон генерал Владимир Романович Кнорринг.] вызвался спуститься и посмотреть, что происходит перед гостиницей. Вернувшись, он сообщил, что на Невском собралась огромная толпа. По его мнению, мне следовало выйти сейчас и, воспользовавшись минутным спокойствием, перейти Невский, а не ждать, поскольку было неизвестно, чем все это может закончиться. Я поспешно

надела пальто и шляпку и в сопровождении мистера Барка и генерала Кнорринга спустилась и вышла на улицу. Стрельбы не было, и мы решили сразу же перейти широкую улицу и идти пешком. Делали мы это минут десять, не желая показать, что мы спешим, поскольку толпа была такой огромной, она почти не двигалась и состояла из разных людей, возможно, враждебно настроенных. Лошади мистера Барка, как оказалось, испугались шума, и кучер отправил их домой, оставив хозяину записку. Но мы не сожалели об этом, поскольку ливрея могла привлечь внимание и создать неприятный инцидент. Два моих кавалера благополучно провели меня по тому месту, которое несколько минут назад было полем боя. Генерал Кнорринг оставил меня под сводами Гостиного двора под защитой спутника без военной формы, а сам отправился на поиски экипажа, быстро нашел его и торжествующе вернулся с извозчиком, запросившим за поездку до вокзала десять рублей, вместо обычных двух. «Поскольку не знаешь, какая опасность ждет тебя по дороге, ваши превосходительства!»

Естественно, мы с радостью приняли эти условия и его услуги. Я благополучно прибыла на вокзал за полтора часа до отхода поезда и обнаружила своего мальчика стоящим на тротуаре перед входом; лицо его было бледным и взволнованным, при виде нас оно осветилось. Прощаясь со своими любезными телохранителями, мы услышали залпы за спиной и с облегчением покинули охваченную бурей столицу.

Наш поезд беспрепятственно добрался до Киева, и по пути не произошло никаких неприятных инцидентов, хотя коридор вагона был заполнен солдатами, которые все тридцать шесть часов путешествия вели страстные беседы и истолковывали нам свои запутанные и невероятные теории по поводу правительства, которые они намеревались осуществить на практике. Мне же казалось после беспомощности, проявленной правительством в последние три дня беспорядков, что в ближайшие несколько месяцев нам предстоит жить как на вулкане, поэтому, прежде чем обосноваться с мужем в Киеве, было бы хорошо устроить детей в какое-то безопасное место. Так что я решила предложить мужу отправить трех маленьких человечков, за чье благоденствие мы несли ответственность, к моей матери. Подобное обустройство даст мне время и возможность обосноваться в Киеве и следить за развитием революции. Тогда мы смогли бы беспрепятственно выполнять любые возложенные на нас обязанности, связанные со службой Михаила или же с управлением именьями, зная, что жизни детей ничто не угрожает. Если же с нами что-нибудь случится, что казалось вполне возможным, принимая во внимание описанную Кантакузиным ситуацию в Киеве, тогда дети останутся со своими ближайшими родственниками в Америке.

Как выяснилось, мужем владели подобные размышления, и он воспринял мой план с энтузиазмом. Мы достали билеты на первый возможный поезд из России по Транссибирской дороге. Но нужно было ждать до начала июля. Так что я решила поехать на месяц в Киев, затем еще на месяц отправиться с детьми на Крымское побережье, потом отвезти эту маленькую группу в Петроград, откуда отправить их в долгое путешествие.

Все организовав подобным образом, я почувствовала, как с плеч свалилось тяжелое бремя. Я с удовольствием проводила время в Киеве, меня чрезвычайно интересовало все, что мне там рассказывали и показывали. На следующий день после моего приезда в Киев газеты сообщили, что все разногласия в столице между партиями разрешились ко всеобщему удовлетворению, все кончилось полной победой Керенского и его сторонников. Правительство увидело необходимость дать дорогу социалистическим тенденциям, Милюков возражал по этому поводу и вышел в отставку. В Министерстве

иностранных дел его сменил Терещенко, а Шингарев [121 - Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) – врач и выдающийся земский деятель, конституционный демократ, депутат Думы, первый министр земледелия во Временном правительстве, сменил Терещенко в Министерстве финансов в мае 1917 года. 20 января 1918 года Шингарев был зверски убит на больничной кровати бандой пробольшевистски настроенных матросов и красногвардейцев.] сменил последнего (в Министерстве финансов).

Мы сожалели об отставке Милюкова, поскольку это означало, что в правительстве будет одним честным человеком и патриотом меньше, но, поскольку правительство было временным, люди не придали этому большого значения. Казалось, что самое важное – следовать закону, сохранять порядок и продолжать вести войну до тех пор, пока осенью не состоятся всеобщие выборы. Чем активнее социалисты выдвигались вперед, тем больше они вынуждены были делать добрые дела, что, безусловно, имело положительное значение для России. В противном случае они могли провалиться в глазах общественного мнения и таким образом упустить возможность в конечном итоге удержать власть.

Почти все сходились в подобном мнении, а лично Керенский вызывал всеобщее восхищение. Как всегда, страстный революционер, он проявлял безмерный патриотизм, выдержку и полное отсутствие тщеславия. Когда его поставили во главе Министерства юстиции, он урегулировал вопросы, связанные с содержанием под арестом бывших монархов и членов прежнего правительства с таким благородством и великодушием, на которые никто не надеялся. К тому же он проявил себя непревзойденным лидером своей партии и умудрялся управлять ее неуправляемыми членами с замечательным умением. Его красноречие продолжало возбуждать всеобщее восхищение, и даже самые большие реакционеры относились к нему с уважением. Я обнаружила, что в Киеве, так же как в Петрограде, все придерживаются мнения, что Керенскому суждено стать самым выдающимся человеком своего времени, и различные группы объединялись, желая ему успеха.

Глава 20

Киев

Мой муж со своими кирасирами обосновался в Киеве. Они, словно сверкающие огни, привлекали всеобщее внимание на площадях и в общественных парках города, полного отдыхающих. К тому же Киев был наводнен дезертирами и беззаботными солдатами, которые могли теперь одеваться так, как хотели, и по своему усмотрению отдавать или не отдавать честь своим офицерам на улице. Одетые с иголки и ухоженные отборные солдаты Кирасирского полка резко выделялись на этом фоне. Они гордились своим внешним видом и дисциплиной, и им явно нравилось то признание, которым они пользовались. Мужа радовало то, как его офицеры и солдаты приняли революцию; он надеялся сохранить эти войска под своим командованием и обеспечить порядок в городе до тех пор, пока не будет созвано Учредительное собрание, что должно было произойти в сентябре, как объявлялось в декларации правительства.

В Киеве складывалось более оптимистичное отношение к происходящему, чем в Петрограде. Гостиницы и рестораны были переполнены. Ставились многочисленные музыкальные спектакли, пьесы, устраивались разнообразные празднества с огромным количеством новоприбывших и недавно здесь поселившихся. Все польские аристократы,

бежавшие из разоренных войной провинций, обосновались в городе в 1915 году. Среди них было много хорошеньких женщин, осевших в привлекательных домах, они хотели забыть страдания, через которые им довелось пройти.

В наших поместьях в Полтаве цены на труд немного повысились, но все остальное проходило довольно гладко. Наш «крестьянский комитет» шумно приветствовал моего деверя, недавно посетившего Буромку. Управляющий, сам из крестьян, находился в прекрасных отношениях с деревенскими жителями. Но мы все же решили, что свекрови не следует ехать этим летом в имение, поскольку ее нервы находились в плохом состоянии. Хотя наше имение пустовало, но во многих других вокруг поселились хозяева, удовлетворенные положением дел в округе и надеявшиеся, что в дальнейшем будет еще лучше, поскольку между хозяевами и крестьянами существовало доверие.

Вскоре пошли разговоры об украинском движении, «направленном на то, чтобы объединить все группы Малороссии и противостоять несущим беспорядки ультрасоциалистическим волнам, которые могли донестись до наших провинций с севера!». Мы знали, что среди нас действуют немецкие агенты, поддерживающие большевиков, и представители как высших, так и низших классов хотели удерживать их на расстоянии от Киева и окружающих областей. Муж попытался определить источник и цели этой таинственной пропаганды. Через две-три недели после первого небрежного упоминания слово «украинец» стало у всех на устах. К своему великому раздражению, он обнаружил у истоков искусного заговора группу австрийских агентов, они намеревались объединить провинции, входившие прежде в состав Украины, создать «националистическое» движение и отделить их от России. Этот заговор имел целью перевести значительную часть земель Российской империи под влияние Австрии и, если все сложится благополучно, аннексировать их в пользу Австрии. Это был детально разработанный и продуманный заговор врагов, который проводили в жизнь австрийские шпионы или поляки и русские, обманутые или оплачиваемые ими. Тотчас же сообщения об этом, сопровождаемые доказательствами, были посланы центральному правительству в Петроград. Мужу и другим должностным лицам поступило распоряжение пресечь украинскую пропаганду. В результате стала проводиться контрпропаганда, руководители этого движения подверглись преследованию и бежали из города. Движение националистов потерпело поражение, но все же среди малороссийских крестьян, поляков и солдат-дезертиров остались группы людей, которым нравились новые идеи – или деньги врагов, – и они утверждали, будто желают автономии, оставаясь под властью России, но хотят иметь украинские газеты, банки, деньги и армию. Был создан комитет, представляющий интересы этой партии. Это создало определенные хлопоты и затруднения для властей, поскольку «комитет» нельзя было запретить в условиях свободы. Невозможно было и казнить шпионов, поскольку смертной казни больше не существовало.

В начале июля украинцы отправили депутатов к Керенскому с просьбой поддержать их партию, утверждая, будто их желание – сохранять порядок, придерживаться закона и остаться под крылом России. Они хотели установить свое автономное правительство, говорить на родном языке и сформировать свои полки, но последние с радостью будут сражаться бок о бок со своими русскими товарищами. Керенский послал в Киев министра иностранных дел Терещенко с деликатной миссией посоветоваться с лидерами обеих сторон. Будучи уроженцем Киева, он был заинтересован в индустриальном развитии города и, следовательно, мог стать способным и справедливым арбитром. Украинцы с

радостью встретили подобный выбор. Его убедили, что он лично как владелец сахарного завода и все прочие промышленники и собственники Киева и его окрестностей выиграют от создания украинского правительства, поскольку оно будет консервативным и станет служить оплотом против большевиков; а у низших классов (крестьян и солдат) в результате националистической пропаганды произойдет подъем патриотизма и они перестанут бунтовать.

Перед отъездом из Киева Терещенко видел все через очки, надетые ему на нос заговорщиками. Он признал, что они имеют полное право сформировать правительство с Сенатом (который назывался Радой), а также министерство с различными департаментами, чтобы решать местные вопросы. Они получили право укомплектовать определенное количество добровольческих военных соединений, их полки комплектовались из солдат, переманенных из русских формирований путем открытой дозволенной пропаганды. Офицерский состав этих войск комплектовался украинскими националистами, хотя подчиняться они должны были приказам русского военного министерства, переданным через их военного министра.

Терещенко, похоже, искренне верил, что подобное решение лучшее с любой точки зрения. Он так и не понял, что своим поступком ниспровергал всю прежнюю политику центрального правительства и отдавал военные силы людям, которые со временем могли вступить в борьбу с Временным правительством и свергнуть его. Мой муж и некоторые другие видели обратную сторону медали и указывали на нее сначала самому министру, затем центральному правительству, но получили ответ, что их дело – наблюдать за развитием всех векторов движения, следить, чтобы оно не вышло из границ и чтобы украинцы в действительности выполнили свое обещание и выслали войска на фронт.

Керенский употребил все свое красноречие, чтобы заставить национальную армию предпринять наступление в июле на Галицийском фронте, в результате произошло бедствие Тарнополя [122 - 1 июля русская армия начала наступление на Галицийском (Юго-Западном) фронте в надежде повторить успех прошлого лета в сражениях с австрийцами на этом участке. То, что началось как наступление, закончилось беспорядочным бегством, когда немцы и австрийцы перешли в контр наступление и в сражении в Восточной Галиции вновь овладели Галичем, Тарнополем (24—26 июля) и Черновцами (3 августа). Это стало концом русской армии как действующей военной силы в мировой войне.]. Он, похоже, все еще надеялся, что Северный фронт каким-то образом компенсирует драму Тарнополя. Послам союзных держав сказали, будто огромное количество дезертиров представляло собой вовсе не дезертиров, но спонтанно разрешенную демобилизацию старших по возрасту солдат, которым позволили вернуться домой обрабатывать землю. Оставшиеся воинские соединения будут усилены новыми рекрутами и к концу лета после подготовки вновь предпримут наступление по всей линии фронта. Об этом мне рассказал американский посол, а когда я запротестовала, добавил, что «все сказанное должно быть правдой, поскольку исходит от военного министра, а это, безусловно, достоверный источник информации».

Однако офицеры ничуть не сомневались в поражении, они умоляли не пытаться больше предпринимать наступательных операций, а оставить армию всего лишь декорацией, которая будет удерживать перед собой определенные войска противника, – по их мнению, это сослужило бы лучшую службу союзникам, чем еще одна трагическая неудача и поражение. Тем временем формировались ударные батальоны отборных воинов, состоявшие из добровольцев: главным образом офицеров и мальчиков-кадетов военных

школ. Один из них под командованием мадам Бочкаревой получил название «батальон смерти», он великолепно проявил себя во время грядущих испытаний.

Начиная с конца июля, когда бы мой муж ни выходил на улицу, за ним следовали какие-то личности странного вида, одетые то в потрепанную одежду, то в форму. Я была начеку, и эти призраки, преследовавшие Михаила, немного тревожили меня. Он же относился ко всему этому как к шутке и часто забавлялся, водя за собой таинственных шпионов в длительные бессмысленные прогулки по городу, или неожиданно останавливался, бросая громкие реплики в их адрес по поводу такого интереса к его делам. Кантакузин стал известной фигурой в городе, его узнавали на улицах, отдавали ему честь, обращали на него внимание и разговаривали с ним дружелюбно и с благодарностью.

Я провела восхитительный месяц на Крымском побережье, спокойно ожидая то время, когда можно будет отправить детей в Америку. Вокруг было много друзей, и я наслаждалась своим «лечением», несмотря на испытываемые мною волнения по поводу предстоящего детям долгого путешествия.

Во время моего пребывания в Крыму адмирал Колчак [123 - Колчак Александр Васильевич (1874—1920; казненный большевиками) – адмирал, был назначен командующим Черноморским флотом в апреле 1916 года. Первоначально с радостью встретил революцию, видя в ней возможность оживить военные действия, но 20 июня вышел в отставку со своего поста в знак протеста против падения дисциплины на флоте. Позже с конца 1918 по январь 1920 года в качестве Верховного правителя России руководил сражениями Гражданской войны против большевиков в Сибири.], которому до этого времени удавалось поддерживать абсолютный порядок и дисциплину в Севастополе, вынужден был выйти в отставку в результате восстания моряков Черноморского флота, которым он командовал. Его заменил офицер, избранный матросами, и после этого все стали опасаться эксцессов вдоль побережья, особенно в тех местах, где жили члены императорской семьи и их свита. Они оказались на положении узников. До нас доходили слухи о разъезжающих по области на машинах полупьяных матросах-большевиках, грабящих и убивающих состоятельных людей, попытавшихся найти убежище на полуострове. Мы с надеждой обратили взоры на север, но на всех железных дорогах возникла угроза забастовки, и это известие вселило в меня страстное желание поскорее проводить своих юных путешественников за пределы страны.

Письма из Петрограда отражали нестабильную обстановку. Делегация сенатора Рута приехала и уехала. Он написал мне дважды, сообщив новости о моей семье, от которой привез множество писем. Кроме личных новостей, его письма отражали довольно решительный оптимизм по поводу ситуации в России и желание верить в то, что мы сможем пережить революционный период. Зная его умение судить здраво, я очень хотела, чтобы он получил разнообразные сведения и впечатления, а не только официальный отчет о событиях, который будет представлен ему теми людьми, с которыми он встретится в столице. Его ограниченное по времени пребывание, а также влияние окружающих будут держать его в определенной изоляции. Его не введут в курс некоторых проблем, в то время как правительство, естественно, постарается вселить в него уверенность в своей способности принять активное участие в войне. Я опасалась, что ему будет представлена ложная версия наших последних событий, если только поблизости не окажется кто-либо из военных или представителей старого правительства, кто сможет предсказать печальные перспективы нашего революционного движения. Впоследствии я слышала, что сенатор встретился с Сазоновым, и еще один или два человека представили нашу точку зрения; но

он уехал как раз накануне Тарнопольского наступления и, опасаясь, увез с собой большие надежды на Россию, которые вряд ли могли оправдаться.

Глава 21

Керенский и большевики

Я приехала в Петроград в субботу 14 июля и, обосновавшись в своем старом номере в гостинице «Европейская», немедленно приступила к нелегкому делу: стала доставать своим спутникам паспорта, деньги и все прочее, необходимое для поездки за границу. Все предупреждали о невероятных трудностях, которые нас ждут во время поездки из Крыма в столицу, но мы не испытали никаких неудобств, за исключением жары и скоплений народа, из-за чего было совершенно невозможно выходить на станциях. Мы запаслись провизией, поэтому смогли питаться, оставаясь в своих купе. Там нам почти не досаждали бесчисленные дезертиры, как мухи облепившие крыши вагонов, набившиеся в коридорах и на платформах – словом, повсюду. Они были шумными, но добродушными, с готовностью вызывались что-нибудь нам принести, подать или оказать какую-нибудь иную услугу. После трех дней пути с восторгом обнаружив весь наш багаж целым и невредимым, я уже с большим оптимизмом думала о долгом путешествии детей через всю Сибирь и радовалась, что им скоро предстоит отправляться в путь, так как и на железной дороге, и в столице я обратила внимание на непонятное всеобщее возбуждение, которое значительно возросло за последние шесть недель. Едва ли можно было надеяться, что со временем оно уляжется.

В понедельник я должна была лично передать прошение о выдаче каждого паспорта с фотографиями и представить всех путешественников и двух поручителей, которые должны подтвердить место назначения и всевозможные детали нашего предполагаемого путешествия. Наша многочисленная группа, состоявшая из трех детей, няни, гувернантки, поверенного в делах и меня, вместе с генералом Золотницким [124 - Золотницкий Петр Николаевич (1874—1938) – служащий военного министерства.]

и господином Татищевым [125 - Татищев Борис Алексеевич (1876—1940) – профессиональный дипломат, в то время являлся главой канцелярии Министерства иностранных дел.], немедленно привлекла дружелюбное внимание чиновников, которые служили здесь и при старом режиме. Дело наше благодаря приложенным усилиям всех сторон было решено в кратчайшие сроки, примерно за полтора часа. Несмотря на написанные заранее прошения, пришлось ответить на множество вопросов, дать массу объяснений. Каждому пришлось ставить свою подпись раз шесть, если не больше. После этого нам сказали, что наши паспорта в тот же день передадут в следующий отдел для получения военной визы и что мне нужно зайти за ними через два или три дня – скорее всего, в четверг.

После того как я отослала детей обратно в гостиницу, Татищев задержал меня и спросил, когда нам будут нужны паспорта.

Я ответила, что детям куплены билеты на Транссибирский поезд на 24 июля, то есть они уезжают через восемь дней.

– В таком случае, если вы хотите получить документы, продолжайте всех теребить, поскольку работа выполняется крайне медленно и бестолково. Вот-вот грянет кризис, и

через несколько дней вся работа может вообще прекратиться. Сегодня днем состоится заседание кабинета, посвященное решению самых насущных вопросов. Все то же, что и в мае – консерваторы воюют с толпой ультрадемократов. Боюсь, это означает беспорядки на улицах и уход кабинета в отставку, если сегодня не будет достигнут компромисс. Говорю это не для того, чтобы встревожить вас, но вам лучше не выпускать бумаги из виду и постараться получить их как можно скорее.

Это сказал Татищев – человек надежный, никогда не шедший на поводу у эмоций и отличавшийся оптимизмом. Услыхав такое предупреждение, я немедленно отправилась в банк и попросила управляющего, своего давнего хорошего знакомого, лично заняться оформлением аккредитива для детей, причем как можно быстрее. Американский посол, мистер Франсис, обещал оказать всяческое содействие в Министерстве финансов, так что я надеялась на лучшее.

Этим вечером у меня за чаем собрались друзья. Кто-то из них прочитал статью о революции в английском журнале, редактор которого восхищался нашим национальным характером. Было тепло, и окна балкона, выходящего на тихий парк, распахнуты настежь. Из-за угла доносился гул с Невского. Девочки с гувернанткой и нянями ушли спать, а сын сидел с нами. Внезапно воздух пронзили пулеметные очереди, звучавшие сначала вдали, но быстро приближавшиеся. Восстание началось! Большевики!

Очевидно, консервативные министры пытались выстоять. Тут же появился служащий гостиницы, а следом за ним – моя перепуганная горничная.

– Ваше сиятельство, позвольте прикрыть окна. Управляющий гостиницей велел немедленно закрыть окна, задвинуть шторы и погасить свет, чтобы не привлекать внимание с улицы.

Мои гости принялись помогать служащему и горничной, а я прошла в две просторные детские, примыкающие к гостиной, распорядиться закрыть и занавесить там окна. Я велела няне и гувернантке не будить девочек, но самим пока не раздеваться.

Когда я вернулась, гости мои сидели в полумраке при свете одной настольной лампы. Мы начали спешно совещаться. Управляющий гостиницей прислал второго служащего с сообщением, что большевики хотели пройти по всей гостинице, дабы проверить, нет ли здесь оружия и тому подобного. Он немедленно остановил их и по телефону попросил прислать казаков для охраны гостиницы, но, пока казаки не прибыли, он не сможет долго удерживать большевиков, если они будут продолжать настаивать на обыске. Посему он предупреждал, чтобы я была готова к их возможному приходу.

Я решила, что моим гостям лучше немедленно уйти. Как только они с нами распрощались, мы с горничными, гувернанткой и сыном спрятали ценные вещи, после чего я сменила домашнее платье на дорожный костюм. Мы принялись ждать, решив доброжелательно встретить поздних посетителей (если возникнет такая необходимость).

Несколько раз мне звонили петроградские знакомые узнать, все ли у нас в порядке. Я отвечала утвердительно, хотя снаружи сражение, похоже, не прекращалось всю ночь, если судить по непрерывной стрельбе. Пулеметные очереди и ружейные, револьверные выстрелы, дикие крики – все свидетельствовало о том, какой бедлам творится на улице. Время от времени под окнами с ревом проезжали грузовики, перевозившие солдат или пленных, усиливая уличный грохот. Няня, гувернантка, горничная и мы с сыном, не раздеваясь, просидели наготове несколько часов. Двух младших детей, проснувшихся от первых выстрелов, мы успокоили словами, что это «всего лишь революция». Они перевернулись на другой бок и спокойно уснули.

Меня серьезно беспокоило, что будет с нами. Подумать только: я сама ввергла детей в этот хаос! Неужели теперь не удастся их отправить? Я стала себя успокаивать, что через неделю все придет в норму, а за семь предстоящих дней сумею оформить им документы и все подготовить. Поскольку, несмотря на непрерывную уличную стрельбу, у нас все оставалось по-прежнему, около часа ночи я решила, что нужно идти спать и предоставить будущему самостоятельно разбираться со своими проблемами. Наши комнаты находились в конце длинного коридора и соединялись между собой внутренними дверями. В том случае, если бы побеспокоили кого-то из нас, об этом стало бы известно и всем остальным. Мы с сыном улеглись в кровати не раздеваясь и моментально отключились ото всех тревог и волнений до девяти утра! Собственно говоря, меня разбудила горничная, когда внесла поднос с завтраком и свежей газетой. Горничная объявила, что нам теперь ничего не угрожает, потому что в четыре утра прибыли казаки и расположились в служебном помещении, а управляющий организовал патруль из служащих.

Еще я узнала, что ресторан будет работать только с двенадцати до трех. Нам предложат горячее только один раз, но потом можно будет заказать в номер холодные блюда и чай, а детям – молоко. В гостиницу никого не будут пускать (двери, выходящие на переполненные толпами народу улицы, закрыты на засов), и нас хозяин тоже попросил не выходить. Повсюду царит беспорядок. Магазины, банки и конторы закрыты. По телефону я выяснила, что правительственные служащие тоже не работают, так что походатайствовать о скорейшем получении документов было невозможно. Весь этот день и следующий – вторник и среду – мы оставались в своих комнатах, точно в осаде, с закрытыми окнами и задвинутыми шторами, чтобы не попала шальная пуля.

Стрельба периодически то стихала, то усиливалась без явных причин. Моя горничная поднялась на крышу и оттуда видела, как сражаются на улицах и грабят магазины на Невском. Мой мальчик тоже несколько раз забирался на крышу и заходил в служебное помещение, где разместились казаки. Мужчины-постояльцы собрались внизу обсудить сложившуюся ситуацию. Нескольких американских туристов (коммерсантов) очень интересовало, к чему приведут эти события. Мне позвонил американский посол. Его беспокоили возможные осложнения, но он надеялся, что через несколько дней все благополучно разрешится. От Татищева, который тоже мне позвонил, я узнала, что правительство никак не может решить возникшую проблему. Вероятнее всего это приведет к отставке последних консервативно настроенных членов правительства, тем самым еще больше усилится влияние социалистов.

Во вторник вечером стрельбы стало меньше, а к вечеру в среду все стихло.

В четверг в городе возобновилась нормальная жизнь. Начали ездить конки, и мы снова занялись делами, словно ничего и не случилось. Анархисты сделали еще один шаг к власти. Князь Львов ушел в отставку, премьер-министром стал Керенский. Всех патриотов, а не только консерваторов, все больше беспокоило то, что с каждым днем росла власть толпы и их немецких главарей. Было совершенно очевидно, что пропаганда Ленина [126 - Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) – основатель и лидер до своей смерти большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, предшественницы Коммунистической партии Советского Союза. Ленин вернулся в Россию в апреле 1917 года после многих лет, проведенных в Европе в изгнании.] становилась все агрессивнее. Приехал или вот-вот должен был приехать анархист Троцкий (настоящее имя – Лев Бронштейн), чтобы агитировать уже и без того сбитых с толку людей и помочь Ленину добиться своей цели.

С каждым часом я все больше радовалась тому, что дети уезжают. Юные путешественники только об этом и думали. Я знала, что это единственный способ благополучно доставить их домой, но чрезвычайно боялась отпускать в длительную поездку через всю Сибирь. Они были такими беспомощными, несмотря на то что мой мальчик очень возмужал и его сестрички нисколько не сомневались в его способности позаботиться о них. Я была благодарна друзьям и чиновникам, без помощи которых из-за восстания большевиков детей не удалось бы увезти отсюда. Словом, небольшая группка, снабженная билетами, паспортами и деньгами, отправилась на край света в надежном, хорошо оснащённом поезде. Им пришлось немало пережить, но настоящая опасность их миновала, и через шесть недель они благополучно добрались до Сан-Франциско, где их встретила моя мать.

Проводив детей, я провела в Петрограде еще два дня, занимаясь делами. Перед отъездом в Киев я видела, как штурмом брали штаб-квартиру Ленина. Она размещалась во дворце Кшесинской [127 - Кшесинская Матильда (1872—1971) – балерина, бывшая любовница Николая II и нескольких великих князей. Ее особняк на Петроградской стороне на противоположном от Зимнего дворца берегу Невы петроградские большевики использовали так, как описывает автор.], примы-балерины императорских театров. Это был большой особняк, стоявший напротив Петропавловской крепости недалеко от Троицкого моста. Фасадом он смотрел на улицу, вход был с противоположной стороны во дворе, а торцами дом выходил в прелестный сад, разместившийся на углу двух улиц, и был огражден высокой стеной. На самом углу находилась круглая беседка, откуда Ленин и его сторонники проповедовали русскому миру свои губительные идеи [128 - По-видимому, автор ошибается, утверждая, будто Ленин выступал с беседки. По многочисленным свидетельствам, он выступал с балкона дома Кшесинской.]. Ленин был нигилистом, при царском режиме изгнанным из России и жившим в Швейцарии. Одним из первых шагов, сделанных после революции, естественно, было прощение и репатриация всех политических узников и изгнанников независимо от их репутации и от того, каких принципов они придерживались. Ко всеобщему удивлению, Ленин вернулся в Россию прямо через Германию. Хотя он объяснил, что ему не позволили ни останавливаться, ни выходить на станциях, мы слышали, что к нему относились очень внимательно во время путешествия по вражеской территории. Сразу же по приезде он занял особняк Кшесинской, которая в ужасе бежала оттуда при первых же признаках революционных беспорядков. Балерина возмущалась тем, что ее собственность реквизирована ленинцами, но угрозами ее заставили замолчать.

Ежедневно Ленин или один из его помощников выступали с пламенными речами с маленькой угловой беседки и раздавали листовки слушателям, собиравшимся на тротуаре. Когда новое правительство объявило полную свободу всем политическим теориям, эти ораторы принялись привлекать в свои ряды новых приверженцев, которые, поскольку они требовали максимального следования идеям социализма, стали называться максималистами – по-русски это звучало как «большевики» – и образовали партию, хотя выступили с шумными демонстрациями только к концу апреля. Как оказалось, у некоторых из них были обнаружены немецкие золотые монеты.

У правительства были связаны руки из-за неразберихи, царившей в армии, и Ленин продолжал оставаться в столице, выжидая, ведя переговоры, постоянно работая, особенно среди бедных.

Во время второго восстания Половцев [129 - Половцев Петр Александрович (1874—

1964) – генерал, командующий Петроградским военным округом.] принял решение избавиться от этого рассадника большевистской пропаганды. Однажды вечером особняк обстреляли из пулеметов, взяли приступом и захватили человек тридцать заговорщиков, хотя самого Ленина арестовать не удалось. Он бежал в Финляндию, как только узнал, что восстание закончилось неудачей.

В особняке были даже найдены документы, свидетельствующие о связях ленинцев с врагом, и немецкое золото. [130 - Хотя большевики, несомненно, получали помощь от немцев, поддерживавших все антивоенные фракции в России, так называемые «документы, касающиеся немецкого золота», были опубликованы министром юстиции в июле с намерением достигнуть компромисса с большевиками и оказались всего лишь деловыми телеграммами.]

В тот вечер я ужинала в американском посольстве. Поскольку в городе было абсолютно спокойно, и, когда мы часов около десяти уходили, мистер Франсис предложил мне и еще одному гостю подвезти нас домой в его личном экипаже, под защитой американского флага. На улице было еще довольно светло, под мягким июльским небом на горизонте медленно угасал изумительный закат. Это заставило посла сказать, когда мы уселись:

– Еще светло, а мы так долго сидели взаперти. Я сегодня вообще весь день не вставал из-за стола. Не свернуть ли нам к набережной, чтобы полюбоваться рекой по пути в вашу гостиницу, княгиня? Мы задержимся минут на десять, не более.

Я, естественно, согласилась, и мы поехали по набережной, восхищаясь открывавшимся зрелищем. На мой взгляд, это было самое красивое место в городе – с великолепными дворцами с одной стороны и расстилающейся гладью реки – с другой. Вскоре Летний сад остался позади, и перед нами появилось здание посольства Великобритании, а затем изящный силуэт Троицкого моста, перекинутого через реку и соединившего Марсово поле [131 - Марсово поле – большая площадь, выходящая на набережную Невы и использовавшаяся как место для военных парадов с начала XIX века.] с Петропавловской крепостью.

– Просто не верится, что последнее время было так беспокойно, – заметила я.

– Да, – согласился мистер Франсис. – На этот раз Временное правительство сумело справиться.

– Смотрите, крепость, принадлежащая правительству, и резиденция Ленина стоят напротив, и там все тихо, – показала я.

И тут мы заметили, что на них пляшет свет.

– Как вы думаете, что это значит? – поинтересовался посол. – Сигнал?

– Или, возможно, проверка одного из флотских прожекторов, – предположила я.

Внезапно тишину на противоположном берегу нарушил выстрел, за ним последовала непрерывная стрельба, и все пространство между Петропавловской крепостью и дворцом Кшесинской оказалось заполнено солдатами, стреляющими из ружей. Мы видели вспышки, сопровождаемые грохотом выстрелов, – бедлам начался снова!

– Н-да, дело, похоже, серьезное, – проговорил мистер Франсис.

Кучер, не дожидаясь приказа, круто развернул лошадей и направил их обратно, в том направлении, откуда мы приехали. Я велела ему свернуть в первую же боковую улицу и, избегая оживленных улиц, везти меня в гостиницу самым коротким путем. Кучер, не теряя присутствия духа, в точности выполнил мои указания.

Приехав в гостиницу, мы разыскали управляющего. Он знал о подготовке захвата резиденции Ленина и заверил нас, что в остальном в городе нет никакой опасности.

Половцев захватил эту цитадель, откуда призывали к беспорядкам, доказал связь большевиков с Германией и арестовал человек двадцать или больше партийных вожakov. Он добился четкого выполнения своих приказов и в течение сорока восьми часов сумел навести в городе порядок. Он даже издал приказ о том, что солдаты должны содержать оружие в порядке и появляться на улицах в вычищенной форме, застегнутой на все пуговицы, чтобы по внешнему виду их можно было отличить от дезертиров или бродяг.

Но, несмотря на эти достижения, вскоре Половцева сместили. Официальной причиной называли его чересчур суровое обращение с солдатами, воплощенное в его приказе появляться одетым по всей форме, нетерпимость по отношению к одной политической партии в дни полной свободы и то, что он посадил в тюрьму членов законной группировки недавно образованной русской организации!

Хотя арестованных большевиков через несколько недель освободили из тюрьмы, они озлобились. С полного согласия правительства они принялись за старое – вернулись в прежний штаб, продолжали заниматься пропагандой и даже начали публиковать несколько газет. Очевидно, либо правительство было слишком слабым и сил у него хватало лишь на то, чтобы занять примирительную позицию по отношению к этим общепризнанным анархистам, либо в правительственных кругах не понимали, насколько опасны для страны теории Троцкого и Ленина. Те из нас, кто не стремился к политической власти, а думал только о том, чтобы победить в войне и сберечь Россию, видели, что все это таит смертельную опасность для будущего страны. Но наши военные и политические группировки утратили возможность даже произносить речи.

Глава 22

Рост влияния большевиков

Начиная с июля Керенский все больше терял контроль над ситуацией и менялся – и как личность, и как политик. Трудно сказать, отчего это происходило, – то ли вследствие слабого здоровья, оттого, что сказалось напряжение, вызванное разнообразием дел и огромной ответственностью; то ли он осознал некоторые серьезные недочеты революции, и это так повлияло на него, то ли он просто относился к тем людям, которые не в состоянии выдержать собственный успех.

Когда-то он был «из народа» и презирал роскошь. Теперь же он перебрался в Зимний дворец, занял там покои императора, спал в постели монарха, пользовался его письменным столом и его машинами, давал торжественные и церемонные аудиенции, окружил себя роскошью и охраной.

В столице ходило много слухов. Консерваторы, которые до сих пор восхищались честностью и патриотизмом Керенского и верили ему, разочаровались в нем. Социалисты чувствовали, что их золотой колосс оказался на глиняных ногах. А его собственный Кабинет министров был совершенно беспомощным. Шли недели, и люди начинали высказывать недовольство, сначала легкое. Но Керенский стремился сохранить личную популярность любой ценой и в результате пошел на множество уступок, послаблений низменным инстинктам людей. Это длилось весь июль и август.

Мое возвращение в Киев обошлось без приключений. До поздней ночи я лежала без сна и думала, а поезд мчался на юг. В коридоре вагона спало с дюжину солдат. Слышно было, как они храпят и ворочаются. Один полусидел, прислонившись к двери в мое купе, и она

порой поскрипывала. Весь день они громко обсуждали политические вопросы и всякий вздор вроде того, что даст революция. Я пришла в отчаяние из-за их непонятливости. Один старик сидел молча, не принимая участия в разговорах. Пока нам готовили постели, солдаты сдвинулись, освобождая мне место, и я оказалась рядом со стариком. Продрогшая и усталая, я проговорила:

– Холодно сегодня, батюшка.

– Да, – согласился он. – А в вагоне нет дров для растопки.

– Верно. Причем из-за того, что нет порядка, а не из-за того, что в России не хватает дров.

– Ваша правда, дров-то хватает, да вот достать их не получится.

И тут я осмелилась сказать ему:

– Меня это удивляет. Я думала, революция исправит все беспорядки старого режима, а стало еще хуже. Или это мне так кажется?

– Да нет, – уныло ответил солдат, – стало гораздо хуже. Прежде были хотя бы порядок, дрова и еда, а в холод можно было выпить водки, чтоб согреться.

В ночной тишине его слова были слышны особенно отчетливо. Я задалась вопросом: что станет со всеми простыми людьми? Некоторые из них были до того невежественными, что требовали «республику с царем». Кто окажется беспомощнее – они или мы?

Едва эта мысль пришла мне в голову, солдат напротив моей двери проснулся, зашевелился и откашлялся. После этого тихонько, чтобы не разбудить спящих товарищей, он завел напевную песню в минорном тоне, невыразимо печальную и мелодичную, наполненную страданиями и затаенными чаяниями простого люда. Голос его, хоть и не поставленный, как и у многих наших крестьян, был неописуемо прекрасен. И я пожалела о своей неспособности подхватить нить звука и сплести из нее мелодию для скрипки, чтобы потом та пела жалобную песню о прошлом и о надежде на будущее, которые в ней слышались. Наконец солдат замолчал и снова заснул.

Под влиянием ядовитой немецкой пропаганды, ежедневно вливаемой в уши этим людям, пришедшим из лесов и долин, они дошли до состояния страстного безрассудства и страдали от ужасного морального несварения, ратуя за чрезмерную свободу, что могло привести к их собственной гибели и к гибели всей страны. По-видимому, никто не мог нам помочь, хотя пока еще было не поздно! Все и дома, и за рубежом были либо слишком заняты, либо ослепли. Некоторые говорили, что в нас как нации достаточно первобытной силы, чтобы пережить посланные нам испытания. Я относилась к тем, кто верил в воскресение, которое в конце концов произойдет. Я лишь оплакивала страдания и разруху, которые должно принести ближайшее будущее, и влияние, которое наши беды окажут на ход войны. Мне пришлось собрать все свое мужество, чтобы выдержать грядущие месяцы. Кто знает, сумеем ли мы с мужем покинуть Киев живыми или встретим здесь свой конец.

После столицы Киев с его нарядными улицами и садами, очаровательными роскошными домами и громадами старинных монастырей и храмов, увенчанных многочисленными золотыми куполами, производил замечательное впечатление. Все это ободряюще подействовало на мое душевное состояние.

Город выглядел как прежде, и я снова начала верить в идеалы революции и ее успех. Я с радостью загрузила себя и свой небольшой багаж в просторный автомобиль Кантакузина, оставив Давидку и Елену сражаться с нашими сундуками, и наш ловкий шофер-солдат довез нас до прелестного дома, в котором уже поселился мой муж.

Нашей старой знакомой госпоже Ивановой городские власти приказали принять на постой нескольких военных, из многих, наводнивших город. В поисках людей, которые не причинят больших беспокойств ей и ее старой служанке, она упросила нас поселиться у нее на время нашего пребывания в Киеве. Мы с удовольствием согласились. В летнюю жару мы сидели здесь, ели и принимали гостей. Я сразу же влюбилась в этот дом и милую пожилую даму, его хозяйку. Те месяцы, которые мы здесь прожили, и драматические события, которые нам пришлось вместе пережить, лишь сплотили нас.

В Киеве оказалось множество знакомых. Здесь поселились или оказались проездом даже несколько старых друзей. Выяснилось, что мой муж был душой приятного сообщества, чьим девизом стали слова: «Ешь, пей и веселись – кто знает, что будет завтра». Жизнь была дорогой, но у людей на руках оставалось много наличных денег, и они тратили их на развлечения, поскольку в воздухе витали слухи, что в любой момент деньги могут конфисковать на нужды правительства. Открытый дом держали все члены нашего смешанного общества, состоявшего из богатых польских дворян-эмигрантов, членов отряда французских авиаторов, квартирующих в Киеве, тех, кто, как Кантакузин, жил здесь постоянно, и из время от времени меняющихся офицеров на отдыхе. Приемы у реки, поездки на автомобилях к близлежащим загородным дворцам, обеды и ужины с цыганским оркестром и хором, бридж и даже вечера танго – вот перечень обычных развлечений. Стало даже веселее, чем весной, но веселье приняло немного лихорадочный характер. На улицах и в парках города, в дешевых ресторанчиках простые люди вели себя так же, как и в высших сферах. Создавалось впечатление повсеместного необузданного веселья.

Так прошли июль и август. Постоянно велись разговоры о законодательном собрании, но никаких шагов по его созданию так и не было сделано.

Украинцы усиливали пропаганду, причем с явным успехом. Теперь они заняли большое красивое здание, подаренное городу для музея одним из богатейших горожан, которое они «реквизировали», выбросив все ценные коллекции на улицу. Даритель тщетно пытался спасти их. После того как воззвание к городским властям ни к чему не привело, он умер от сердечного приступа. В залах здания теперь заседала Центральная рада, а правительство расположилось поблизости, в гостинице с дурной репутацией, также конфискованной.

Поскольку теперь они фигурировали в местной администрации, моему мужу и всем остальным приходилось обсуждать с ними все вопросы, которые имели отношение к нашим поместьям. Все, кто посещал Раду и украинские власти, возвращались возмущенными, рассказывая, что им пришлось столкнуться с множеством хамов и невежд. Неразбериха и безграничные претензии были преобладающими чертами новой партии, единственной эффективной работой которой была пропаганда беспорядков и предательства по велению их австрийских хозяев.

Комитеты распространялись повсюду, точно эпидемия. Комитеты рабочих сахарных заводов графа Бобринского решали, когда им работать и за какую зарплату, когда устраивать выходные и праздники. Они вломились в дом Бобринского, заняли его и пользовались мебелью и всеми ценностями. То же самое творилось на других фабриках. Производство повсюду практически остановилось. Точно так же крестьянские комитеты во всех поместьях распределяли работы и устанавливали собственные расценки на них, распоряжались хозяйским урожаем. Деревенские коровы паслись на пастбищах хозяев, деревенские жители расхаживали в садах и парках, ели там плоды и овощи, забирали

сельскохозяйственные машины и инвентарь. Хотя барские дома пока оставались нетронутыми, уже шли разговоры о том, что их нужно использовать для развлечений и школ.

Все это создавало атмосферу и ситуацию совершенно неопишемую. Магазины стояли закрытыми – повсюду на них висели надписи, что магазины закрыты, потому что служащие отдыхают. Людям постоянно приходилось самим заниматься домашним хозяйством, потому что слуги уходили на митинги. Хозяева были вынуждены платить слугам от восьмидесяти до ста рублей там, где прежде было достаточно десяти – двадцати. Все это происходило постепенно, и каждая неделя приносила новые сюрпризы. К концу лета высшие классы были очень подавлены и жили в постоянном опасении дальнейшего развития событий в поместьях, на фабриках, в магазинах, лавках, гостиницах или в собственном доме. Массы, напротив, достигли вершины уверенности в себе и пребывали в полуистеричном состоянии триумфа. Лично нам повезло, потому что наши старые слуги ежедневно доказывали свою преданность, и мы не страдали от каких-либо прихотей с их стороны.

Тем не менее нам пришлось столкнуться с забастовкой дворников, людей, которые подметали тротуары и дворы и выполняли всяческие поручения, работали также ночными сторожами и проверяли паспорта у жителей каждого дома (по предписанию полиции). Во многих домах с большими квартирами нанимали по три дворника, если не больше. Внезапно недавно сформированные комитеты приняли решение, что работники не будут выполнять свою работу, и объявили забастовку.

Наш Григорий неохотно пошел на это. Он был порядочным человеком, да и работы у него в небольшом хозяйстве госпожи Ивановой, у которой он проработал лет пятнадцать или больше, было немного. Однако ему сказали, что он должен пользоваться новыми свободами и «защищать революцию». Иными словами, его бы наказали собратья по профессии, которых работа устраивала меньше. В ту неделю, когда длилась забастовка, к госпоже Ивановой пришла депутация дворников. Когда объявили об их приходе, наша маленькая хозяйка настолько перепугалась, что мой муж предложил принять их вместо нее. Она согласилась, и Кантакузин, за которым последовали князь Куракин, пришедший к нам с визитом, верный Давидка и маленький мальчик-посыльный, бегавший с поручениями для всего дома, внезапно с громким шумом распахнули обе половинки двери. Депутация заколебалась. Эти задиры ожидали встретиться с одинокой немощной старушкой, а не с тремя крепкими мужчинами.

– Что вам здесь нужно? – повысил голос Кантакузин, свирепо хмуря брови.

Вожак шайки выступил вперед.

– Товарищ, – начал он с революционного обращения, но ему не удалось продолжить.

Словесный запас моего мужа, уже достаточно обширный для таких случаев, в революционные дни обогатился новыми выражениями, и он воспользовался ими в полную силу! Он от души высказал все, что думал об этих временах, с их беспорядками и забастовками в целом и о дворниках и их депутации в частности, наслаждаясь возможностью дать себе волю. Мы слышали не все, что он сказал, но его речь оставила впечатление взрыва чрезвычайной силы. Когда он закончил, мужчины, стоявшие перед ним, отчетливо поняли, что Кантакузин не считает себя их «товарищем». Он велел им выйти вон, и все они молча, как один, повернулись и кинулись к двери, в спешке, толкаясь и спотыкаясь, пока возились с запором. В конце концов дверь открылась, и они друг за другом, толкаясь и перепрыгивая через три ступеньки, устремились на улицу, добежали

до угла и исчезли из виду. Больше они не возвращались, и мы ничего не слышали о каких-либо претензиях бастующих. Комитет, сформированный для самозащиты в таких случаях, категорически отказывался удовлетворить хоть какие-то требования, а дворники отказались от своей забастовки и потихоньку вернулись к работе на прежних условиях! Григорий вернулся к нам, снял праздничную одежду и с довольной улыбкой опять принялся подметать, как и прежде.

К счастью, пока в нашей усадьбе Буромке было спокойно благодаря личным талантам нашего управляющего. Он родился в крестьянской семье в нашем округе и, как оказалось, очень умело управлял людьми. К тому же он ладил с деревенским комитетом, на что, как нам было известно, ему приходилось тратить и деньги, и красноречие. Но поскольку ему удалось засеять поля, вырастить и собрать урожай, не допустить разграбления садов, парка, конюшен и дома, мы были довольны. Буромка снабжала провизией нас и мою свекровь, жившую на даче в Крыму. Когда урожай был собран, обнаружился небольшой дефицит вместо обычного приличного дохода. Но мы были очень довольны тем, что усадьба стояла нетронутой, и потому легко перенесли это известие. Однако в сентябре в Буромке появился большой комитет. Украинцы и большевики – так охарактеризовал их управляющий – призывали к самым возмутительным действиям.

Крестьяне по-прежнему не поддавались, объясняя, что мы их устраиваем – за работу всегда хорошо платим, обращаемся с ними тоже хорошо. Тогда агитаторы сказали, что земля по праву принадлежит крестьянам; а дом, хозяйственные постройки и инвентарь они должны забрать себе, ведь по закону нашей новой республики все принадлежит народу. Крестьяне все еще вели себя тихо, но мы понимали: скоро наступит и наш черед. Ко всем прочим волнениям добавилось беспокойство за старинную фамильную усадьбу.

Моего мужа снедал груз ответственности и обязанность ослабить политическую напряженность в Киеве. Жизнь стала такой утомительной и напряженной, что мы никуда не выезжали из дома. Здесь мой салон постоянно был полон различными людьми, приходившими поговорить о своих бедах и горестях, отчего возникало искушение в ответ поведать о наших.

Наступил сентябрь, а правительство Керенского так и не сдержало своих обещаний. Мы были так же далеки от создания законодательного собрания, как и в марте. Армия быстро разрушалась, снабжение обмундированием и продовольствием было недостаточным. По стране бродили дезертиры, продававшие свою форму и все то, что удалось украсть, и наводившие на жителей страх грабежами. Россию наводнили банды выпущенных из тюрем преступников, которые грабили, убивали, жгли.

Они неизменно были одеты в военную форму и называли себя «большевистскими солдатами». В Киеве, Москве, Петрограде существовали союзы дезертиров, которые вели агитацию так же открыто, как и политические партии. Повсюду становилось трудно купить продукты и товары, причем цены на товары первой необходимости стремительно росли, достигая немыслимой дороговизны.

В то же время деньги совершенно обесценились. Мне говорили, что за два с половиной года войны, предшествовавших революции, при старом режиме было выпущено только три миллиарда рублей, и это вызвало сильнейшие нарекания. В то же время после революции за шесть месяцев выпустили девять миллиардов рублей, причем печатные станки ломались из-за того, что работали с перегрузкой. Рисунок банкнот упростили, размер уменьшили, чтобы сэкономить бумагу. Люди с подозрением относились к новым купюрам и говорили, что это не настоящие деньги. Народ пренебрежительно прозвал их

«керенками», и это стало первым явным признаком того, что восхищение полубогом пошло на убыль. Правительственным служащим и военным платили «керенками», тогда как банкноты старого образца втихомолку собирали и активно скупали. Люди шепотом говорили о том, что старые деньги передавались агентам, которые собирали их для того, чтобы ими пользовались немцы, когда оккупируют Россию.

Таким было состояние страны, когда на конференции в Москве [132 - Московская государственная конференция, созванная премьер-министром Керенским, чтобы консолидировать общественность в поддержку Временного правительства, состоялась 27 августа 1917 года. На ней присутствовало около 2 тысяч политиков и официальных лиц, представителей различных союзов, Советов и т. д.] собрались представители всех партий, чтобы выразить свое мнение. Были приглашены все, кроме большевиков. Речь генерала Корнилова [133 - Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) – генерал, который, находясь на посту командующего Петроградским военным округом, в марте арестовал семью императора, 2 августа был назначен Верховным главнокомандующим русской армией. Смещенный с поста после Корниловского мятежа (см. дальше), он погиб в 1918 году в сражении с большевиками.], бывшего командующего Петроградским гарнизоном, а теперь главнокомандующего армией, собравшиеся встретили бурной овацией, когда он отметил все печальные подробности наших дней. Он призывал правительство действовать и твердой рукой защитить идеалы, которые были у всех на уме в начале революции. Особенно он просил ввести законы, чтобы подавить нехватку дисциплины в армии и отменить нелепые меры, превратившие нашу великолепную боевую машину в трагический фарс.

Блестящая речь Корнилова вызвала восхищение не только слушателей, но и представителей разнообразной прессы. На следующий день она была опубликована во всех российских газетах. Корнилов был готов с риском для себя поднять армию и просил только, чтобы правительство поддержало его, выразив официальное согласие, и заявил, что берет на себя всю ответственность за возмущение, которое могут вызвать репрессивные меры.

При появлении Керенского на конференции стали раздаваться критические замечания в его адрес, поскольку его авторитет явно пошатнулся. Керенский пытался укрепить его, выразив желание пойти на уступки даже самым низшим слоям общества. Он говорил очень неестественно, без прежнего воодушевления. Его лозунги, устарев, казались бессмысленными и ни на кого не действовали. Его попытки дать объяснение огромным драматическим ошибкам прошлых месяцев были неубедительны.

Московская конференция, на которую возлагали столько надежд, так и не приняла никакого решения. К ее завершению в Москве состоялась демонстрация большевиков, выкрикивавших обвинения в том, что правительство пригласило принять в ней участие только «консерваторов и контрреволюционеров». Как обычно, военных сил для защиты правительства не оказалось, поэтому конференция прервалась и министры стремительно покинули Москву. После этого толпа тоже успокоилась. Корнилов вернулся в Ставку в Могилев, правительство – в Петроград, а Родзянко, генерал Брусилев [134 - Брусилев Алексей Алексеевич (1853—1926) – генерал, бывший командующий Юго-Западным фронтом и герой 1916 года, был непосредственным предшественником Корнилова на посту Верховного главнокомандующего (смещен после Тарнопольской катастрофы, упомянутой автором). Позже сотрудничал с большевиками в войне с Польшей (1920—1921).] и все остальные, которых не так давно считали революционерами, а теперь

называли контрреволюционерами, были вынуждены отказаться от публичных выступлений и навсегда исчезли из вида.

Глава 23

Корнилов и Керенский

Взятие Риги врагом, полный разгром нашей армии на Северном фронте, угроза захвата Петрограда, трагедия гибели офицеров и ударных батальонов, массы наших солдат, не желавших сражаться, – все это немедленно произошло вслед за Московским совещанием, доказывая, что генерал Корнилов был прав в своих предсказаниях. Все это было слишком ужасно! Резня, дворцы и деревни, сожженные нашими собственными обезумевшими бегущими солдатами, и это казалось тем более страшным, что мы знали, какими удивительно смелыми, терпеливыми и сильными они были всего лишь год назад.

Вслед за этими ужасными событиями пришли потрясающие новости о Корниловском мятеже. Они разразились однажды утром, как гром среди ясного неба, когда киевские газеты сообщили, что командующий армией Корнилов по приказу правительства арестован в Ставке. Он был во главе войск, намеревавшихся атаковать столицу, теперь наступление на столицу ведет генерал Крымов [135 - Крымов Александр Михайлович (1871—1917) – генерал, глава «заговора генералов», приведшего в марте к отречению Николая II. Крымов возглавил войска, которым Корнилов приказал занять Петроград 10 сентября 1917 года. После провала попытки Корнилова восстановить порядок ради продолжения ведения войны Крымов был уволен Керенским и вскоре после этого совершил самоубийство.], а Керенский, чтобы защититься, встал во главе войск, находившихся в Петрограде. Затем связь между Киевом и Петроградом на несколько дней полностью прервалась, и некоторое время мы ничего не слышали о разыгравшейся драме ни по телеграфу, ни по почте, ни через прессу. Но у нас и самих было достаточно поводов для волнений.

В первое же утро, когда Кантакузин прочел новости, он предвидел осложнения, которые могут возникнуть у Киевского гарнизона. Корнилов и группа его соратников явно пытались подорвать власть Керенского и Временного правительства, которым поклялись служить. Нашим солдатским комитетам предстояло обсудить проблему, следовать ли им за движением своих военных руководителей или поддержать правительство. Это могло привести к разногласиям, кровопролитию и в течение нескольких часов перевернуть весь город.

Муж решил взять быка за рога и встретить этот кризис точно так же, как революцию в марте. Созвав полковых и эскадронных командиров, он приказал им тотчас же собрать в каждом подразделении солдатские комитеты и зачитать им все опубликованные и противоречащие одна другой телеграммы. Офицерам было велено сказать своим солдатам, что они только что получили эти новости и не знают, что стоит за печатными листами; как только в штаб-квартиру поступит новая информация, ее тотчас же сообщат солдатам. Тем временем командующий призвал сделать все возможное, чтобы сохранить порядок в Киеве. По его мнению, первейшая обязанность каждого – сохранять преданность Временному правительству, которому они присягали. Подобный шаг приведет к согласию между солдатами и офицерами, а командир будет иметь информацию о намерениях комитетов и сможет предотвратить излишние трудности до

тех пор, пока не будет получена более подробная информация с севера.

Присутствовавшие офицеры хотели, чтобы мой муж пошел вместе с ними и сам поговорил с солдатами, но Кантакузин отказался, заявив, что их сила увеличится, если каждый офицер будет действовать по своей инициативе, будто бы спонтанно. Его же влияние следует оставить про запас на случай, если ситуация сложится хуже, чем они ожидают. Почти все присутствовавшие на собрании офицеры восхищались Корниловым и сочувствовали его желанию улучшить положение вещей, но все были согласны с мнением, что его действия своим неопределенным и бессвязным характером могут повсеместно посеять вражду между классами, вызвав негодование среди низших членов общества, которые встанут на сторону Керенского и будут обвинять Корнилова и высшие слои общества в желании заменить нынешнюю независимость старыми суровыми порядками.

В течение часа все подчиненные мужа возвратились в свои соединения в Киеве и окрестностях и тактично и умно выполнили его приказ. После обсуждения все рядовые приняли решение – сохраняя спокойствие, ждать дальнейших новостей. Весь этот день члены солдатских комитетов толпились в нашей передней и кабинете Кантакузина, советуясь со своим старым командиром. Через мой салон проходил нескончаемый поток офицеров, часами строящих догадки, что же происходит на севере и к какому результату приведут Россию действия Корнилова. Никто не говорил о чем-либо ином. Нам было очевидно, что после своего выступления в Москве командующий, который был избранником народа и истинным патриотом, потерял всякую надежду на то, что правительство будет когда-нибудь способно улучшить состояние дел. В результате он решил взять все в свои руки и нанести удар, чтобы спасти армию и честь нашей нации. В случае неудачи положение вещей обещало еще более ухудшиться и почти не оставалось сомнений, что заговор должен провалиться.

И в действительности произошло именно это, худшее. Солдаты, посланные сражаться со столичным гарнизоном, немедленно перешли на его сторону. Обменявшись несколькими случайными выстрелами, они принялись брататься. Они решили, что это была контрреволюция, спланированная офицерами и сторонниками старого режима, пришли к выводу о необходимости допросить офицеров по всей линии фронта, в каждом гарнизоне и на всех военных кораблях и выяснить их роль и позицию в заговоре. В отдельных случаях дело закончилось всего лишь непочтительным проявлением подозрения. В других местах это приняло форму арестов и увольнений офицеров солдатскими комитетами, причем все это сопровождалось угрозами. Но было немало случаев, когда офицеров поспешно предавали суду и казнили или даже казнили без суда, а в самых ужасных случаях – после применения почти средневековых пыток.

Безусловно, Корнилов руководствовался лучшими чувствами, но он не достиг своей высокой цели, и его действия в тысячу раз ухудшили наше и без того тяжелое положение. Один из офицеров с горечью сказал: «Мы пережили шесть месяцев и во многих случаях завоевывали доверие своих солдат, часто нам даже удавалось работать совместно с комитетами, извлекая из них все лучшее и подавляя худшее. А теперь вся эта ценная почва утрачена, мы стоим на вулкане, и наши жизни оказались в руках солдат, мы утратили их доверие и зависим от их непредсказуемого настроения».

Через два-три дня после того, как взорвалась бомба Корниловского мятежа, в лагере кирасир состоялось собрание солдатского комитета, на котором единодушно был принят вотум доверия ко всем офицерам, а молодой офицер князь Черкасский был избран

председателем солдатского комитета. Подобное поведение его солдат в критической ситуации вселило в душу Михаила ликование. Но, увы, это была лишь малая часть нашей армии, остальные же напоминали орду дикарей.

Все наши киевские знакомые приходили ко мне на чай в последовавшие за собранием дни главным образом для того, чтобы убедиться в правдивости этой похожей на сказку истории, поздравить мужа с победой и выразить свое восхищение по поводу его влияния на своих солдат. Вскоре связь с Петроградом была восстановлена, мы прочли о фиаско и о большой группе генералов, которые, как предполагалось, оказались замешанными в заговоре и теперь были арестованы и заключены в тюрьму вместе с Корниловым и его штабом. Любопытно, что, несмотря на свои официальные заявления, Керенский так и не предал арестованных военному суду, в то время как Корнилов требовал судебного разбирательства и через газеты объявил на всю страну, что у него есть неопровержимые доказательства того, что инициатором заговора был сам Керенский, а он только выполнял приказы, которые получал от премьер-министра.

По этому поводу, конечно, шло много разговоров, но ничего не было доказано; мы слышали о смехотворных сражениях неподалеку от столицы, продолжавшихся всего лишь день, но мало знали о беспорядках в городе, о самоубийстве генерала Крымова или же его убийстве, произошедшем после продолжительной беседы с Керенским. Последний, провозгласивший теперь себя «диктатором», распространил по всей России воззвание, в котором обвинял генералов, «поддержанных определенными реакционными элементами», в вероломной попытке свергнуть «народное правительство». На этот раз он предстал перед народом в своей последней роли демагога, и отныне его истерические высказывания подтверждали мнение о стремительном ухудшении состояния его здоровья и деградации умственных способностей. На него уже нельзя было полагаться, и нам было вполне очевидно, что русское правительство в своем теперешнем составе обречено на падение из-за своей явной неспособности управлять, и тогда власть, безусловно, перейдет в руки большевиков, которые, находясь в полном подчинении у немцев, заключат мир или даже союзнический договор с Германией. [136 - Большевики действительно заключили мир с Германией после своего прихода к власти, но широко распространенное мнение, нашедшее отражение и в этих мемуарах, будто они были всего лишь немецкими агентами, несомненно, ошибочно. У них была своя революционная программа.]

Муж решил по-прежнему оставаться на посту и делать все, что в его силах, чтобы удерживать Киев до падения Временного правительства, а когда к власти придут большевики, выйти в отставку, воспользовавшись тем правом, которое ему давало серьезное ранение (из-за которого он был освобожден от службы в 1914 году). Его глубоко огорчала создававшаяся ситуация. Некоторые представители аристократии, с которыми я вела беседы, считали нашим самым большим врагом революционные беспорядки во всех формах и видели единственное спасение в установлении дисциплины любой ценой – даже в результате победы Германии. Но Кантакузин считал, что, напротив, тот яд, который истощил наши жизненные силы, просочился к нам через немецкие каналы, а не происходил от революции, и что мы смогли бы выдержать все бури, если бы удалось избавиться от вражеских шпионов и пропаганды. Таким образом, следуя своей теории и доводя ее до логического завершения, он утверждал, будто самое худшее, что может случиться с нашей страной, – это завоевание ее Германией. А это неминуемо случится с победой большевиков, и он отказывался оставаться на своем месте и наблюдать за этим.

Когда немецкие армии прорвали рижский фронт, захват Петрограда казался вопросом трех-четырёх недель. Мы оставили в столице большое количество ценностей в банке, как бумаги, так и драгоценности, там же оставалась вся наша мебель и сундуки с одеждой и другим имуществом, хранившиеся в квартире нашего управляющего. Нам хотелось добраться до них и либо куда-то поместить на постоянное хранение, либо уничтожить перед лицом надвигающейся бури. Поскольку Михаил не мог покинуть свой пост в Киеве, я вызвалась съездить на несколько дней в столицу и позаботиться об этих вещах. Муж, поколебавшись, согласился на мой план, и после продолжительной волокиты, связанной с оформлением паспортов и получением разрешения от Совета солдатских и рабочих депутатов Киева на «поездку по делам на север», я выехала вместе со своей преданной Еленой.

У меня просто сердце разрывалось при виде нашей гордой столицы, оказавшейся в таком плачевном состоянии. Камни тротуаров во многих местах на главных улицах были вынуты, и дыры оставались ничем не заполненными. На огромной Дворцовой площади между булыжниками выросла трава, по краям тротуаров Невского проспекта расположились торговки, призывавшие прохожих покупать их товары. Все главные улицы были заполнены огромными толпами людей, стоящих, гуляющих, толкающихся и кричащих. У меня создалось впечатление грязи, шума и хаотического движения. Улицы же, находившиеся в стороне от основных артерий, казались, напротив, сверхъестественно тихими. Только время от времени поспешно проходил какой-нибудь испуганный пешеход или, крадучись, пробирался солдат-хулиган. Все хорошо одетые люди выглядели встревоженными.

Знакомые удивлялись при виде меня и предупреждали об опасности. Но мне, к счастью, удалось выполнить самым удовлетворительным образом все свои дела. Я нашла много желающих помочь мне, и не только среди представителей своего класса, но и среди простых людей, лавочников и рабочих, которым я в прошлом оказывала какую-то незначительную помощь и которые теперь с готовностью предлагали свои услуги мне.

Говорили, что невозможно зарезервировать места на поезда, выезжающие из столицы, все билеты были разобраны на много недель вперед, так много людей уезжало, желая найти убежище на юге. В любой день могла начаться забастовка железнодорожников. Но мне, как всегда, повезло: мой друг, гостиничный служащий, достал два билета именно на тот день, на который я планировала отъезд. Когда я рассказала об этой последней победе, мои слова встретили со смехом и сказали: «Забастовку, несомненно, задержат до тех пор, пока вы благополучно не доберетесь до Киева! Вы, безусловно, избалованное дитя революции и ведете зачарованный образ жизни».

Я постепенно становилась суеверной и относилась свои успехи среди такого огромного количества опасностей на счет подарка, врученного мне несколько лет назад старым товарищем мужа. Это была восхитительная крошечная сова, вырезанная знаменитым Фаберже из драгоценного сибирского камня. Я как-то собиралась в поездку, а этот друг пришел меня проводить и вручил мне эту безделушку со словами: «Держите ее рядом. Она вселит в вас мудрость в случае необходимости и принесет удачу, помогая разрешать все трудности». С тех пор прелестное маленькое создание всегда сопровождало меня в несессере и во время революционных испытаний всегда оставалось у меня в кармане, так что я действительно поверила в его силу.

Хотя все в Петрограде казалось ужасно печальным, меня тем не менее глубоко интересовало дальнейшее развитие исторической драмы. Невзирая на тот вред, который она принесла нам лично, я продолжала верить в великую силу страны, которая поможет ей пережить страдания и оправиться после власти террора, который, я знала, скоро придет.

Во время своего пребывания в столице я нашла время повидать кое-кого из друзей. Их внешний вид сильно изменился, никто больше не носил элегантной одежды, даже если люди обедали не дома, то надевали деловые строгие костюмы, словно собирались в дорогу.

Они не верили в существующее правительство, рассказывали множество анекдотов о жизни, о потере времени, об ужасно беспорядочном образе жизни той клики, что обитала теперь в Зимнем дворце. Керенский утратил влияние. Он жил сегодняшним днем, делая сиюминутную работу, принимая по несколько посетителей, а затем терял силы. Коллеги жаловались на его невнимание и непостоянство. Люди осуждали его за «буржуазную роскошь». Все, кто общался с ним, жаловались на его деспотические действия. Во дворце царили грязь и опасность, и Керенский боялся всех, кто окружал его, даже войска охраны, которые сам разместил во дворце и которые всегда составляли против него заговоры.

От двоих друзей Терещенко, не знакомых друг с другом, я получила следующие сведения о Корниловском мятеже, сообщенные им самим министром иностранных дел.

После Московского совещания он, Терещенко, пребывая в отчаянии из-за создавшейся в России ситуации, пришел к Керенскому с просьбой приступить к действиям сообща с Корниловым, дабы положить конец драматическому движению страны к гибели. Все остальные члены правительства поддержали министра иностранных дел, Керенский согласился с этой идеей, и было назначено совещание с главнокомандующим Корниловым, на котором постановили отозвать с Северного фронта отборные войска под командованием одного из сильнейших командиров, генерала Крымова, послать их в столицу, чтобы арестовать руководителей анархистской партии, поставить столичный гарнизон на место и предоставить правительству возможность действовать, имея по крайней мере некоторые шансы на успех.

Они надеялись, что таким же образом можно будет поступить в провинции и, приведя с помощью армии страну в чувство, продолжить войну. Это была последняя отчаянная надежда, но она имела шансы на успех, если во главе стоял Керенский, герой масс, обожаемый своими солдатами. Консерваторы испытывали такое отвращение к результатам революции, что были бы рады поддержать любую группу, способную восстановить закон и порядок.

На этот план согласились те двое человек, которых он касался в наибольшей мере, получил он одобрение и со стороны кабинета Керенского и штаба Корнилова. Был назначен день, когда план надлежало привести в исполнение, и Крымову было приказано покинуть Северный фронт, где он находился со своими войсками, и двинуться к столице. Керенский отправил Терещенко в Ставку, чтобы обсудить последние детали; но не успел он выехать, как смелость покинула Керенского, и он полностью изменил мнение, теперь во всем этом он видел только заговор против себя. Керенский телеграфировал в Ставку с требованием отменить приказ. Корнилов телеграфировал в ответ, что слишком поздно, он не может связаться с Крымовым (находившимся уже в пути), чтобы отозвать его. Тогда Керенский опубликовал воззвание, в котором объявил Корнилова предателем и назвал его действия «контрреволюцией». Он объявил, что столица находится в состоянии осады, и

послал войска Петроградского гарнизона навстречу Крымову. Последний чрезвычайно удивился, увидев армию, высланную против него человеком, которого он считал своим союзником, и поспешил в город, чтобы потребовать объяснений от Керенского, в то время как его армия брталась с городскими войсками у ворот Петрограда.

После разговора с Керенским Крымов умер в Зимнем дворце от револьверного ранения; говорили, что он совершил самоубийство от такого унижения и отвращения. Терещенко добавляет к этому рассказу, что, когда он поспешно вернулся из Ставки, застал город в состоянии полнейшей неразберихи: гарнизон и полки Крымова подружившимися, правительство ужасно напуганным, а Керенского в истерике. Приехав с поезда прямо в Зимний дворец, Терещенко со всем присущим ему темпераментом устроил диктатору такую яростную сцену, которая произвела большое впечатление на всех присутствовавших. Облегчив таким образом душу, министр иностранных дел в конце концов вручил прошение об отставке и ушел, хлопнув дверью.

Я слышала, что Керенский плакал; а успокоившись, послал за Терещенко, умоляя его пересмотреть свое решение, поскольку тот был последним консерватором во Временном правительстве, и, если он уйдет, ультралевые вынудят Керенского заменить его Черновым, необразованным крайним социалистом. «Что же будет тогда с Россией? И все из-за отсутствия у Терещенко патриотизма. А как вести переговоры с союзниками? Каким образом иностранные послы будут вести переговоры с такой особой, как Чернов?» Терещенко согласился вновь взвалить на себя бремя должности министра после того, как Керенский встал перед ним на колени.

Не знаю, где правда в этой истории, которую слышала дважды из вторых рук. Об этом много говорили, и Терещенко сильно вырос в общественном мнении, особенно среди высших классов. Говорилось, что, если нынешний диктатор и его правительство падут, возможно, министр иностранных дел, невзирая на свою молодость, сможет стать хорошим главой нового Временного правительства. Люди так устали, утомились и пребывали в такой депрессии и замешательстве, что, казалось, были совершенно неспособны противостоять медленно приближающейся гибели и очень взволновались, когда нашли человека, на которого можно было положиться.

Пессимизм во всех своих оттенках проявлялся в российском обществе. Были и такие, кто по-прежнему верил, что мы можем выдержать революцию, и в конце концов знать и крестьянство придут к взаимопониманию, и станет возможным в какой-то мере восстановить прежнюю жизнь. Другие ждали военного диктатора, который возникнет, как Наполеон во Франции. Были и такие, кто полагал (и я принадлежала к их числу), что должно наступить царство террора, и возникнет Россия сильная и могучая, но с совершенно новыми идеалами и мечтами, возможно столь же привлекательными, как и прежние, или даже лучше, если человек обладал достаточно широкими взглядами, чтобы принять их и втиснуть свою жизнь в новую рамку.

Каждый был испуган, и не без оснований. Но были и великолепные примеры мужества и благородства перед лицом опасности. К их числу относилась и старая княгиня Паскевич [137 - Княгиня Ирина Ивановна Паскевич была вдовой графа Федора Ивановича Паскевича-Эриванского, князя Варшавского (ум. 1903), сына Ивана Федоровича, выдающейся личности в военном деле первой половины XIX века.]. Я случайно узнала, что она в городе, и отправилась навестить ее, между нами издавна существовали теплые взаимоотношения, с моей стороны основанные на исполненном благодарности восхищении, возникшем за долгие годы общения. Ее называли «тетушкой всего

общества», так много людей было с ней связано. Ее всегда окружало много народу, хотя она была восьмидесятилетней бездетной вдовой и почти слепой. Ее большой дворец стоял на набережной, и я увидела, что тротуар перед ним весь испещрен выбоинами, а само здание забаррикадировано, словно готовое к осаде. Когда я позвонила, засовы тотчас же отодвинулись, и меня впустил мой старый знакомый привратник, приветствовавший меня со сдержанным энтузиазмом. «Что ваше сиятельство делает в Петрограде? Очень приятно видеть ваше сиятельство, но, надеюсь, вы здесь ненадолго». Затем на мой вопрос ответил: «О да, княгиня будет рада видеть ваше сиятельство. Уже много дней у нас не было посетителей, это пойдет ей на пользу».

Меня, как обычно, провели по большой лестнице и через парадные залы в ее собственный голубой салон в конце анфилады. Я нашла хозяйку, как всегда в этот час в последние пятьдесят или более лет, сидящей в черном шелковом платье и изящном кружевном чепце. Выражение ее прекрасного спокойного лица ничуть не изменилось, когда она с приветливой улыбкой протянула мне руку, которая в былые дни вдохновляла на написание сонетов и все еще была восхитительной.

– *Ma chere enfant* [138 - Мое милое дитя (фр.)], как мило с вашей стороны вспомнить среди всей этой неразберихи о старой слепой женщине! Садитесь и расскажите мне о себе, о своих планах и о том, что вы здесь делаете.

Мы долго разговаривали, и хотя она говорила о ситуации с глубокой печалью, все же, как и я, верила в будущее России.

– Только я этого не увижу. Я слишком стара и должна уйти вместе со старым строем, но я буду очень рада, если вы, молодые люди, сохранили мужество и патриотизм. И я согласна, что вам необходимо следовать за движением и новыми идеями. Старые были во многом плохими, но я привыкла к ним.

Я сказала ей, что приехала в город, чтобы уладить кое-какие дела и увезти ценности, опасаясь захвата столицы врагами.

Когда я спросила о ее планах на ближайшее будущее, она ответила:

– У меня нет никаких планов. Все родственники и друзья хотят, чтобы я уехала на юг и сняла где-нибудь виллу, но я решила этого не делать. Мои поместья в Гомеле конфискованы, дом разрушен, так что этот дом теперь моя единственная собственность, а мне восемьдесят пять лет и я слепа. Даже в лучшем случае я не надеюсь прожить долго. У меня нет близких родственников, так что я никому не обязана, посему вместо того, чтобы куда-то бежать и искать сомнительной безопасности в каком-то месте, где мне будут угрожать наряду с опасностью неудобства, ехать по железной дороге при теперешнем скверном управлении, я лучше останусь здесь до тех пор, пока меня не убьют большевики или немцы, а может, они меня пощадят и оставят умирать в своей постели. Здесь мне по крайней мере спокойно, вокруг меня моя мебель и памятные вещицы, здесь у меня достаточно места, чтобы прогуляться по комнатам. Я могу позволить себе определенный комфорт перед смертью.

На меня произвело большое впечатление такое отношение княгини к жизни, ее чувство собственного достоинства и мужество. Позже, когда я уходила, она прошла со мной по большим залам, где так много бесценных произведений искусства висело на стенах и стояло на прежних местах.

– Видите, я ничего не спрятала, – сказала княгиня. – Нет такого места, где можно было бы хранить их в полной безопасности, так что я хочу по крайней мере наслаждаться ими в любое время.

Затем она поцеловала меня и с нежностью сказала:

– Adieu, племянница, спасибо, что пришли. Меня очень растрогало, что вы помните обо мне. Да благословит Господь вас и ваших близких!

Ее маленькая фигурка, стоявшая наверху огромной беломраморной лестницы, казалась еще более прямой, чем обычно, и я подумала о той превосходной крови, которая текла по ее жилам. Я смотрела на нее, и мне казалось, что ее предки гордились бы ее мужеством перед лицом врага и черни.

В прошлом она и ее супруг всегда демонстрировали такую же храбрость. Они даже осмелились закрыть двери своего дома перед членами императорской семьи, ибо князь Паскевич не одобрял какие-то действия императора Александра II. Они делали исключение только для жены Александра III, теперешней императрицы-матери, которая была близкой подругой княгини Паскевич и до сих пор оставалась ею. Но никто другой из членов императорской семьи не переступал порога этой замечательной дамы, хотя она не произнесла вслух ни единого критического замечания; и я узнала об этих фактах не от нее, а от великой княгини Марии Павловны. [139 - Мария Павловна (1854—1920) – великая княгиня, вдова младшего брата царя Александра III Владимира Александровича (1847—1909), бывшая герцогиня Мекленбургская.]

Глава 24

Восстание большевиков

Выполнив все намеченные дела, я, как и планировала, покинула Петроград и благополучно прибыла в Киев с большим количеством разнообразного багажа.

Муж очень беспокоился во время моей поездки, думая, что нависшая угроза забастовки на железной дороге может застать меня в пути и удерживать *en rappe* [140 - Застрявшей в дороге (фр.).] или что захват Петрограда немцами приведет к всеобщему паническому бегству оттуда, что тоже сделает поездку невозможной.

Однако немцы не решились продвинуться дальше Пскова и на время предоставили столицу своим шпионам и подчиненным им агентам (большевикам). Временное правительство сохраняло видимость власти. И, проявляя невероятные подвиги находчивости в политике и уступки общественному мнению, им удалось продержаться у власти еще месяц. Все ощущали нервозность, и толпы на улицах стали больше, чем обычно. Каждый ощущал, что от любой малейшей искры может разгореться пламя, которое все спалит. Михаил больше не позволял мне выходить одной на улицу. С наступлением темноты стало опасно там находиться. Французские воинские соединения покидали город или старались как можно скорее это сделать. Многие представители нашего класса уезжали на Кавказ или в Крым, утверждая, что немцы скоро будут в Киеве. В любом случае крестьянские комитеты, поощряемые украинцами, захватили их поместья, и они ничего не выигрывали, оставаясь здесь и рискуя попасть в руки врага.

Приходили ужасные новости из Буромки, а из других поместий не было совсем никаких вестей, и нас это серьезно беспокоило. Мы приказали управляющим и преданным домашним слугам привезти в Киев те небольшие предметы из ценных коллекций Буромки, какие они были в состоянии привезти: старинное серебро, старые табакерки, ювелирные украшения, которые носили наши предки, а также чрезвычайно редкую и прекрасную коллекцию старинных камней и драгоценности свекрови и золовки,

хранившиеся в сейфах Буромки. Наконец, мы потребовали привезти документы на случай, если имущества будут конфискованы, а дом разрушен.

Бронзу, картины, мебель и коллекции фарфора невозможно упаковать и перевезти, не привлекая внимания, а в первую очередь, казалось, главным делом избежать подозрений со стороны деревенских комитетчиков. Так что все это, а также около 20 тысяч книг, некоторые из которых представляли собой огромную ценность (реальную или связанную с какими-то воспоминаниями), все семейные архивы и погреб с редкими винами, многие из которых насчитывали более ста лет, пришлось бросить на волю случая.

Вскоре подтвердились худшие из предчувствий. Во-первых, конфисковали наш скот и лошадей. Несколько дней спустя вломились в винокурный завод и сожгли его, пьяная толпа захватила здания фермы и завладела конюшнями. Затем разграбили наш погреб, преданных нам слуг выгнали из дома в деревню, толпа захватила парки, сады и шпалерники, разграбила мельницу и амбары, разрушая оборудование, мастерские и прочее. Сам дом пощадили, хотя чужаки предлагали его сжечь. Но более осторожные старшие из наших крестьян сказали, что жаль уничтожать такой красивый дворец. Лучше оставить его и иногда пользоваться им. И так он простоял еще три-четыре месяца, а затем стал добычей обезумевшей толпы, в которую превратилось наше некогда спокойное крестьянство!

Цены на товары первой необходимости и предметы роскоши взлетели самым невообразимым образом. Туалетное мыло, стоившее двадцать копеек за кусок, поднялось в цене до трех рублей пятидесяти копеек, а хозяйственного мыла совсем не стало. Стоимость масла возросла с шестидесяти копеек до десяти рублей за фунт. Рис стал стоить семь рублей за фунт, если только его можно было достать. Синяя саржа, стоившая обычно пять рублей за метр, теперь оценивалась от семидесяти до ста рублей, а за метр белого крепдешина, прежняя стоимость которого составляла четыре пятьдесят, я теперь заплатила сорок восемь! Готовое платье, стоившее около шестидесяти рублей, теперь оценивалось в тысячу!

Мы свели наши завтраки к кофе с черным хлебом и небольшим количеством масла; обед состоял из двух блюд, обычно какое-нибудь тушеное мясо, а вторым блюдом картофель, капуста или помидоры; ужин состоял из одного блюда, подававшегося холодным и приготовленного из остатков обеда, а также кофе, хлеба и немного меда на десерт. У нас был большой запас меда, привезенного летом из Буромки. Мы откладывали провизию в течение года, и я считала, что нам хватит кофе, сахара и растительного масла еще на год. К тому же у нас были картофель, капуста и различные сушеные овощи, с помощью которых можно было продержаться всю зиму, если бережно их расходовать. Самой большой ценностью был мешок белой муки, которую мы берегли на случай болезни, ее разделили на маленькие пакетики и спрятали в стенах, за деревянными обшивками и в мебели.

Все продавалось по карточкам, но почти никогда не удавалось приобрести то количество, которое позволялось. Иногда даже после того, как слуги провели несколько часов в очереди перед магазином, они ничего не могли приобрести. На нашу семью и домочадцев, состоявших из семнадцати человек, мы могли получить каждый день только десять фунтов или даже меньше черного хлеба, часто по два-три дня мы ничего не могли достать. Наши слуги все делили, сохраняя необычайное добродушие. Повар проявил себя по-настоящему первоклассным мастером, ему удавалось делать всю нашу еду соблазнительной, несмотря на однообразие продуктов. Он готовил превосходный густой

крестьянский суп из молока, сухих овощей и кусочков дешевого мяса! К счастью, молочные продукты, фрукты, зеленые овощи и местные необработанные злаки имелись в изобилии, но в целом перспектива на зиму была неутешительной. Мы предвидели, что в городе скоро наступит голод из-за беспорядка на транспорте и начнутся голодные бунты.

Топлива тоже не хватало. Мы запасли летом дрова и тщательно хранили их, экономно отапливая ванны и печи. Ванну принимали по возможности по очереди, кухню топили так, чтобы приготовить одно горячее блюдо в день.

Больше всего я опасалась, что у нас реквизируют продовольствие. Но нам повезло, и, покидая Киев, мы оставили топливо и сушеные овощи тем, кто поселился в доме вместо нас, а свекрови сделали королевский подарок: кофе, сахар и прочее, за что семья была чрезвычайно благодарна, поскольку члены нашей семьи до последнего времени не верили в наступление столь драматических условий и почти не сделали никаких запасов.

Таким образом мы дожили до 25 октября по русскому стилю (7 ноября), когда получили первые новости о крупном восстании большевиков в столице, о штурме Зимнего дворца, побеге Керенского, падении Временного правительства и аресте его оставшихся членов! В Петрограде явно воцарился хаос, а затем полнейшее безмолвие; все связи – телеграфная, почтовая, через прессу – прервались!

В Киеве незамедлительно нашли отражение последствия разыгравшейся на севере драмы. При первых же известиях о восстании Михаил направил кирасиров охранять арсенал и железнодорожный вокзал, а кадет из двух военных школ направили на охрану здания штаба, телефонной, водной и электрической станций. А когда большевики принялись устраивать беспорядки поблизости от их собственных казарм (в императорском дворце), их атаковали кадеты и казаки. За три дня состоялось два сражения поблизости от дворца и в его садах, и он несколько раз переходил из рук в руки.

В четверг и пятницу бунтов не было – только процессии, митинги, общее возбуждение и забастовки на фабриках за городом. Затем перестали ходить трамваи. В пятницу вечером собралась толпа, угрожающая напасть на здание штаба, возникла необходимость усилить его защиту. Я видела, как прибыло пополнение, состоявшее из юных кадет. Было темно, и звук их тяжелых шагов привлек меня к окну около часа ночи. Первая группа зашла и скрылась в здании, занимая задние дворы. Затем прибыло еще одно большое соединение, и мальчишки разбежались по улице, занимая тротуары и проезжую часть, разжигая бивачные костры, составляя ружья и устраиваясь на ночь. Выглядели они щегольски и явно радовались возложенным на них обязанностям. Молодые голоса и смех доносились до нас через открытые окна. На мои выражения сожаления муж ответил, что эти мальчишки должны теперь выполнять такую работу, поскольку у него недостаточно кирасир. Он поставил последних в самые ответственные места. А этим паренькам подобные приключения нравятся значительно больше, чем учеба. Им от семнадцати до двадцати лет, но они ощущают, что делают настоящее мужское дело. И действительно, возможно, им придется его делать. Я видела, что Кантакузину самому не нравилось, что приходилось их использовать.

Небольшая пушка и скорострельные орудия были установлены таким образом, чтобы могли держать под прицелом оба конца улицы. Наш квартал относился к Банковой, соединявшейся с другими улицами под прямым углом, и с обеих сторон здания закрывали перспективу. Так что если бы пушка стала вести огонь по толпе, то снаряды попали бы прямо в дома.

Муж мало говорил, но выглядел побледневшим и взволнованным. Большую часть

времени он днем и ночью проводил в штабе, где Кириенко [141 - Князь Кантакузин был отправлен со своей бригадой в Киев вскоре после Февральской революции, чтобы поддерживать порядок в столице Украины. Представитель партии социалистов-революционеров Кириенко был «комиссаром» Временного правительства, присланным, чтобы нести ответственность за гражданское управление Киевом и провинциями. Эти двое явно нашли общий язык.] проводил постоянно проходившие заседания импровизированной комиссии, созданной для того, чтобы решать вопросы местной обороны и действий городского правительства. Кириенко был замечательным человеком. Он сохранял хладнокровие, оптимизм, ободрял окружающих, принимал быстрые и ответственные решения, принимал посетителей и депутации, словно играя в покер с судьбой, порой блефуя, выигрывая очки, отчаянно стараясь продержаться в надежде, что каждый час могут прийти новости из Петрограда.

Но время шло, а новостей из столицы не поступало, и Михаил видел, что войска устают, а у него было недостаточно людей, чтобы заменить их, поскольку его солдаты были рассеяны по разным объектам. Из резерва были отозваны два чехословацких полка. Они прибыли в воскресенье днем, и командующий испытал большое облегчение, когда производил их смотр вместе с Кириенко перед штаб-квартирой, поскольку надеялся, что получил надежную поддержку.

Конечно, весь город был чрезвычайно взволнован этим событием. Напряжение, которое испытывал Кантакузин, казалось в какой-то мере и на мне, никогда не думала, что дни могут быть такими длинными и утомительными.

Кириенко в отсутствие приказов из столицы решил действовать по собственной инициативе. В понедельник утром он созвал комиссию из правительственных чиновников и официально пригласил представителей Центральной рады и Советов рабочих и солдатских депутатов для того, чтобы обсудить с ними ситуацию и помочь принять меры, которые помогут обеспечить спокойствие в городе и безопасность жителей. Советы никак не прореагировали на приглашение Кириенко, а Рада прислала представителей. После долгих споров украинцы пришли к взаимопониманию с центральной правительственной партией. К ним перейдут некоторые административные ведомства, главным образом связанные со взаимоотношениями крестьян и собственников, а также определенные линии правительственного контроля в городе. В обмен на эти завоевания они станут следить за порядком в провинции, сохраняя закон и порядок в сельских районах, а также помогут поддерживать порядок в Киеве с тем, чтобы предотвратить восстание большевиков.

Когда стали решать, куда поставить различные военные соединения, украинцы потребовали оказать им «любезность» и разместить их солдат на почетных постах в городе; в числе прочего они желали охранять арсенал. Кантакузин решительно протестовал против того, чтобы так много отдавать в руки ненадежных друзей, но Рада поставила это условием сотрудничества, и Кириенко счел, что не может рисковать потерей помощи украинцев. Им сделали уступку, от которой мой муж пришел в отчаяние. Перед тем как покинуть штаб-квартиру этим вечером, лидер депутации подписал официальный договор с Кириенко, заключая от имени Рады оборонительный и наступательный союз с Временным правительством. Отныне две эти партии должны были действовать сообща, и многие надеялись, что объединенными усилиями им удастся утихомирить и подчинить себе большевиков.

Вечером в понедельник мы легли спать, а на следующий день рано утром были разбужены стрельбой. Бедный Михаил, кое-как поспешно одевшись, помчался в штаб, где

какое-то время оставался, а мы с нетерпением ждали новостей. Его встретила страшная неразбериха. Кириенко спешно послал за лидером Рады, который тотчас же пришел. В ответ на обвинения в свой адрес руководитель Рады объяснил, что подписал вчера временное соглашение, но поздно вечером Советы прислали на собрание Рады свою делегацию, обратившуюся с просьбой о сотрудничестве. Они предложили украинцам такие преимущества в случае принятия ими предложения, что все члены Рады с министерством во главе сочли необходимым связать себя с большевиками. Если народная партия придет сейчас к власти, украинцам будет предоставлена возможность управления провинциями вокруг Киева. В результате в национальных интересах он стал союзником народной партии большевиков. Кириенко стал протестовать, угрожать, запугивать, но ничего не мог поделать. Стрельба в городе становилась все более неистовой.

Когда представители Рады ушли, стали поступать сообщения, дающие драматическую картину нашего отчаянного положения. В авиационном лагере на окраине города солдаты восстали и убили или ранили несколько офицеров, оставшиеся в живых офицеры бежали, сняв индукторы с аэропланов, с тем чтобы солдаты не могли их использовать для бомбардировки города. На артиллерийских батареях произошло нечто подобное, только там офицерам не удалось привести в негодность орудия. Время от времени в центре города падали ядра, производя разрушения и сея волнение среди народа. Вода и электричество пока еще были, и телефон работал, но мы не знали, надолго ли.

В среду утром Кириенко был еще в штабе, Кантакузин тоже, но уже было невозможно что-либо предпринять, весь город был охвачен волнениями. Офицеров расстреливали на месте, разрывались снаряды, в воздухе свистели пули, разбивая окна и застревая в стенах. Мы очень тревожились, поскольку несколько домов по соседству разграбили, сотни людей арестовали, и время от времени сообщалось, что толпа большевиков движется в нашем направлении.

К полудню украинцы потребовали, чтобы в целях всеобщей «безопасности и защиты революции» войска Временного правительства покинули Киев и подверглись расформированию, а кадеты должны были немедленно вернуться в свои школы, где будут содержаться на положении военнопленных. Кириенко вынужден был подчиниться силе. Стало совершенно очевидно, что власть Временного правительства в Киеве закончилась и перешла в руки толпы. Мой муж, возмущенный тем, что его солдат рассеяли и изгнали из города, не мог ничего поделать, разве что подать прошение об отставке, что он и сделал. В результате он лишился командования. В тот день мы стали обсуждать планы на будущее на случай, если выберемся живыми из этого осинового гнезда. Мы решили прежде всего отправиться в Крым отдохнуть.

Я знала, Михаил будет обречен, как только украинцы захватят власть в свои руки; поскольку все лето он тратил энергию и силы на борьбу с их пропагандой, и, безусловно, они захотят отомстить. Мы оба очень устали, особенно его изнурила работа.

Внезапно объявили о приходе полковника Сахновского, тогдашнего командира кирасир, заявившего, что он должен поговорить с Кантакузиным по неотложному делу. И тот его принял в своем кабинете. Когда муж вернулся, он без всяких преамбул спросил: «Ты можешь покинуть дом через десять минут?» Я ответила, что могу. Тогда он добавил: «Сахновский только что приехал из штаба. Он говорит, что захватившая власть толпа уже расстреляла командира гарнизонной пехоты и намерена арестовать всех офицеров-кирасир, оставшихся в городе, а меня разыскивают, чтобы предать суду и казнить. Кириенко тоже приговорен и скрылся. Сахновский предлагает мне или выбраться из

города и укрыться во временном лагере кирасир, или спрятаться в городе. Я решил предпринять последнее, тогда я по крайней мере не подвергну полк опасности и риску нападения. Если хочешь, мы можем провести ночь в гостинице. Номер уже зарезервирован».

Взяв небольшую сумочку, в которую я сложила кое-какие ценные бумаги, свои драгоценности и деньги, которые были в доме, я набросила накидку, меха и надела шляпу.

Мы знали, что главным затруднением будет выйти из дому и пробраться через ряды войск, расположившихся у наших дверей и на тротуарах вдоль улиц между нашим домом и гостиницей. Теперь все эти войска принадлежали украинцам, знавшим мужа в лицо слишком хорошо. К счастью, было холодно и довольно темно, он надел гражданскую одежду, которой никогда прежде в Киеве не носил. На нем было тяжелое дорожное пальто, мягкая фетровая шляпа, а на шее дорожный шарф, прикрывающий подбородок и бороду. Под пальто из предосторожности он спрятал револьвер и шпагу. Я с удовлетворением отметила, что в этой одежде Михаил совершенно неузнаваем. Закутавшись в меха и взяв сумочку с ценностями, я прикрыла ее своей большой муфтой. Над экстравагантностью моей муфты часто подсмеивались, но в тот вечер я была благодарна ей за ее размер и ту защиту, которую она мне предоставляла. Я также держала внутри муфты заряженный и спущенный с предохранителя револьвер.

Мы попрощались с нашими гостями и слугами в холле, затем потушили все огни для того, чтобы открытая передняя дверь привлекла меньше внимания с улицы. Куракин разбаррикадировал дверь и придержал ее открытой, пока Кантакузин выскользнул наружу. Я последовала за ним, и дверь за моей спиной тихо закрылась. Сердце мое учащенно билось, а тело покрылось потом, несмотря на холодный воздух, когда мы осторожно пробирались через улицу и брели по тротуару противоположной стороны улицы по направлению к углу. Здесь стоял часовой с заряженным ружьем. К счастью для нас, он принадлежал к новой формации. Вместо того чтобы выполнять свои обязанности и окликнуть нас, он продолжал болтать и курить со своими обедавшими товарищами. Мы медленно, крадучись, прошли у него за спиной и дошли до остатков баррикад, беспорядочно громоздившихся поперек улицы. Перейдя их, я вздохнула свободнее, а муж сказал: «А теперь поторопимся! Может, мне взять сумочку? Здесь, похоже, разрешается движение транспорта, и, думаю, мы теперь в безопасности!» Я настояла на том, чтобы оставить сумочку у себя, дабы ему легче было держать и прятать свое оружие. Мы пошли как можно быстрее. И на то были причины, поскольку вокруг время от времени пролетали пули. Мы поравнялись с генералом, который, склонив голову, шел быстрым шагом. Это был муж моей золовки Нирод. «Тео», – тихо позвала я. Он поднял глаза. «Что такое? И Миша в таком прелестном наряде! Куда вы направляетесь? На маскарад?» Кантакузин сказал: «Тише, – а затем, – пойдем с нами».

Тео повернулся и пошел с нами, а мы в нескольких словах рассказали о событиях, произошедших с нами со времени обеда, хотя, казалось, все случилось несколько веков назад. Мы вышли на другую улицу, увидели экипаж и, попрощавшись с Тео, пообещавшим сообщить домой о том, что мы благополучно преодолели опасную зону, и прислать нам что-нибудь на ужин, вскочили в экипаж и поехали к гостинице. Швейцар, которого мы знали, поскольку часто обедали в ресторане в лучшие дни, чуть не упал, когда увидел нас и узнал Кантакузина. Он проводил нас в комнату верхнего этажа, которую мой муж несколько месяцев удерживал за собой, используя ее, когда появлялась необходимость поселить какого-нибудь офицера или коммерсанта, которого он хотел

задержать в городе. Нам повезло, что она сохранялась за нами, поскольку гостиница была переполнена. К счастью, когда мы поднялись на свой этаж, услышали, что солдаты украинского правительства только что закончили там обыск и спустились вниз. Они искали оружие, проверяли паспорта и конфисковывали ценности. Я почувствовала себя в безопасности, когда спрятала наши револьверы. В номере было ужасно грязно и все перевернуто вверх дном, постели не заправлены, в умывальниках грязная вода, вся мебель перевернута, словно после землетрясения. Наши окна выходили во двор, так что нам не грозили случайные выстрелы или нападения. У меня не было особого желания испытать больше волнений, чем мне уже пришлось испытать. Но мужу, который провел все эти дни в основном в канцелярии, очень хотелось освободиться и посмотреть на события с точки зрения зрителя. Он считал, что в достаточной мере замаскировался, чтобы не быть узнанным; и ему было легче куда-то пойти, чем сидеть на месте, так что я даже не стала протестовать, когда он снова отправился на главную улицу. Я уже начинала испытывать нетерпение по поводу обещанного ужина, когда около девяти часов появились Давидка и Елена с холодной ветчиной, сваренными вкрутую яйцами и другими припасами, подходящими для пикника, которые прислала госпожа Иванова. Лучшее всего мне показалась бутылка горячего кофе и маленькая фляжка со старым бренди для Кантакузина. Слуги также принесли все необходимое (постельное) белье, одежду для завтрашнего дня и наши дорожные несессеры. Они храбро встретили уличную стрельбу, когда несли нам все это, и сообщили, что, когда уходили, в доме все было спокойно. Хотя какие-то солдаты заходили и спрашивали Кантакузина, но, переговорив с князем Куракиным и графом Ниродом, они ушли, даже не обыскав дом.

Вернулся муж, и мы пообедали. Мне было очень приятно, когда он сказал, что в критической ситуации мои нервы оказались ничуть не хуже, если даже не лучше, чем его. Мы посмеялись по поводу моей птички Фаберже, которая снова принесла нам удачу. Мы провели короткий спокойный вечер в своей комнате и, усталые, проспали до утра. Давидка и Елена опять принесли из дома кофе и горячие хлебцы. Они рассказали, что предыдущим вечером на Банковой было много волнений. Долго и яростно стреляли, и все домочадцы укрылись в черном коридоре, где провели большую часть вечера, поскольку там не было окон, и они чувствовали себя в безопасности.

Кантакузин пошел за удостоверением об увольнении, которое ему обещали выдать днем в штаб-квартире дивизии, а я отправилась по магазинам, обнаружила, что магазины и банки открыты, и, как и тогда в июле в Петрограде, у меня создалось впечатление об удивительном интеллекте России, живущей по принципу: кто старое помянет, тому глаз вон. Если бы не разбитые окна и поврежденные здания, если бы не гражданская одежда мужа, то я подумала бы, что события последних тридцати шести часов мне просто приснились. В полдень Кантакузин, не принадлежавший больше к русской армии и выправивший документы, отвел меня назад домой, и мы удивили своих гостей, явившись как раз к обеду. Куракин и Тео сказали, что завидуют нашей полной свободе. Теперь никому не позволялось выходить в отставку, что касается Кантакузина, не было бы счастья, да несчастье (его рана) помогло. Тогда мы решили как можно скорее, если позволят обстоятельства, в следующую субботу выехать на юг и взять с собой госпожу Иванову, а затем по возможности поскорее выбраться за границу. Мы понимали, что наконец пришло время присоединиться к нашим детям, и благодарили небеса за то, что они находились в безопасности и им не пришлось пройти через то, через что прошли мы

или нам еще предстояло пройти.

Глава 25

Наше бегство из Киева

Снова стали курсировать поезда, и наконец поступили новости из Петрограда. Сообщили, что большевики полностью преуспели и захватили власть, а члены Временного правительства, за исключением Керенского, бежавшего в самом начале беспорядков, заключены в крепость. Зимний дворец атакован и взят штурмом после храброй защиты женским «батальоном смерти», потерявшим половину своего состава. Все остальные войска перешли на сторону большевиков, и повсюду в столице разыгрался карнавал мятежей, разгула, убийств и арестов – новая страница февральского представления, но уже достигшего иного уровня. Что касается лично нас, это определенно означало конец карьеры мужа. Мы должны благодарить судьбу за то, что оказались в числе тех немногих, кому, возможно, удастся избежать дальнейших опасностей и невзгод. Все поздравляли нас и выражали облегчение оттого, что муж покидал то место, которое так доблестно защищал от украинской пропаганды. Ему советовали уезжать как можно скорее, поскольку как только новые правители утвердятся в своем положении, то, безусловно, вспомнят о нем как об одной из первых политических жертв.

Началась упаковка вещей. Мне казалось, что я ничего не привезла в Киев, но, когда слуги сложили все вещи, их оказалось слишком много. Я увидела перед собой десять больших сундуков, которые невозможно было взять с собой при создавшихся условиях и которые мы решили оставить на попечение наших верных друзей, берущих наш дом в субаренду до окончания срока контракта. Мы намеревались взять с собой в поездку шесть сундучков меньшего размера с ценностями и предметами первой необходимости. Кроме того, у нас оказалось много ручной клади, а также большая корзина с провизией в дорогу. Каждый из знакомых, пришедших попрощаться перед разлукой, принес какой-нибудь маленький подарок из своих скудных запасов – стакан варенья, печенье или несколько ломтиков ветчины.

Давидка и Елена, возмущенные уготованной нам судьбой, но довольные тем, что покидают Киев, организовали все с явным желанием угодить нам. Когда Кирасирский полк выслали из города, мы сняли с Давидки эполеты, чтобы ему не причинили вреда на улицах украинские «товарищи».

В субботу, предвидя грядущие трудности, мы отправились на вокзал в четыре часа, чтобы занять места в поезде, отправлявшемся в восемь тридцать. Начальник станции Бирон был большим приверженцем моего мужа, поскольку все лето вокзал охраняли кирасиры, поэтому он пригласил нас с госпожой Ивановой в свой личный кабинет, где мы и оставались вдали от толпы в сравнительном удобстве и чистоте в течение четырехчасового ожидания.

Мы видели, как прибывали поезда и их обитатели, усталые, утомленные люди, выходили из вагонов не только через двери, но и через окна, в то время как на платформах вздымались огромные волны ожидающих своей очереди. Не успевали выйти одни пассажиры, как вагоны атаковали и брали штурмом другие с криками, воплями, причитаниями, проклятиями и ударами, от которых разбивались стекла и трещало и ломалось дерево. Купе и коридоры тотчас же заполнялись до предела. Крыши, площадки,

ступени облепляли, словно мухи, одетые в форму защитного цвета солдаты. Михаил решил, что мы не сможем сражаться за места в таких условиях, и попросил Бирона позволения отправиться в сортировочный парк, сесть там в вагон и дожидаться отправления поезда. Бирон согласился и отправил посыльного узнать о наличии мест, поскольку заказать места заранее было теперь невозможно, кто первый пришел, тот и занял. Посыльный вернулся и сообщил, что вагоны уже заняты сотнями людей, которым пришла в голову такая же идея, как и нам, и они осуществили ее без разрешения Бирона. Там не только не было мест, просто яблоку негде было упасть. Так что нам пришлось отказаться от мысли уехать в тот день, и мы вернулись ночевать домой, чрезвычайно удивив оставшихся в доме слуг. Мы решили попытаться счастья на следующий день. Госпожа Иванова была ужасно подавлена и огорчена при мысли о трехдневной поездке в таких условиях. Кантакузин был в высшей степени взволнован и огорчен, я же, как никогда, была полна решимости любой ценой уехать на следующий день и не откладывать наш отъезд больше ни на день.

На следующее утро после ванны и завтрака настроение у нас всех, за исключением Кантакузина, немного улучшилось. Он еще ни разу не путешествовал со времени начала революции, и вчерашние наблюдения привели его в ужас. Я же смирилась и покорно ожидала своей участи, поскольку уже один или два раза ездила в сходных условиях. По дороге в депо нам предстояло пересечь главную улицу, минуя которую мы увидели общественные похороны жертв беспорядков прошлой недели – украинцев и большевиков. Тротуары и боковые улицы, насколько видел глаз, были заняты массами взволнованных людей. В последний раз мы ехали в машине мужа, сам он был в гражданской одежде, шофер и Давидка без компрометирующих эполет. Когда процессия из похоронных дрог закончилась и шли только политические депутации, мы заметили, что наша щеголеватая машина привлекает излишнее внимание и недоброжелательные взгляды окружающих. К счастью, шофер заметил в толпе двух конных жандармов и сказал мужу: «Ваша светлость, может, они из наших и помогут нам проехать» – и предложил послать Давидку на разведку. Кантакузин согласился, через минуту жандармы повернулись и улыбнулись, но чести не отдали, чтобы не выдать нас. Они понимали, в каком затруднительном положении мы находимся, и не сомневались, что если толпа узнает бывшего командующего, то разобьет машину на куски и нам не спастись. Давидка тихо вернулся и занял свое место. «Они сказали, что это возможно. Немедленно», – заметил он.

Шофер завел мотор, и, когда в процессии образовался небольшой разрыв, жандармы, съехавшись поближе друг к другу, сказали, обращаясь к толпе: «Путешественники. Они должны успеть на поезд. Пропустите». Толпа довольно доброжелательно, и не проявляя к нам большого интереса, расступилась. Жандармы медленно двинулись вперед, разделяя толпу на две части, мы проехали за ними. Люди молча смотрели на нас, когда мы проезжали мимо. Я видела, что муж держится за револьвер. Он ничего не говорил, и я радовалась, что он сидит в середине заднего сиденья, а не ведет машину, как прежде, и поэтому привлекает к себе меньше внимания. Мы благополучно проехали между двумя депутациями, принимавшими участие в процессии, и свернули к противоположной боковой улице. Там стоял еще один кирасир в форме жандарма. Он посмотрел на нас, узнал полковую машину и своего бывшего командира, на его лице появилось довольное выражение, и он молча отдал мужу честь. Мы добрались до свободной улицы, почувствовали, что опасность осталась позади, и вздохнули с облегчением. Госпожа Иванова промокнула глаза. Бедняжка была ужасно расстроена, но старалась не причинять

нам беспокойства. Кантакузин поблагодарил наших спасителей, кирасиров. Они с широкими улыбками весело ответили, как в прежние дни: «Рады стараться, ваше сиятельство! Не стоит благодарности!» Затем мы благополучно добрались до вокзала.

Бирон придумал, как захватить для нас купе, и отправил двоих крепких сотрудников на станцию, предшествующую Киеву. Там они должны были сесть в поезд, а когда пассажиры покинут вагоны в Киеве, занять одно купе и удерживать его до нашего прихода.

Когда старушка госпожа Иванова увидела колышущуюся толпу, она потеряла самообладание и, дрожа, сказала, что слишком стара, чтобы рискнуть путешествовать в таких условиях, и предпочитает остаться в Киеве. Мы с грустью простились с ней, чувствуя, что, по всей вероятности, никогда не увидимся снова. Я сохранила теплые и благодарные воспоминания о ней и ее уютном доме. Она проявляла трогательную заботу о нашем благополучии, и ее письма еще долго следовали за нами во время наших скитаний.

Подошел наш поезд. Нас поставили на нужное место в окружении охранников, державших наш небольшой багаж. Как только последний прибывший пассажир спустился на землю, мы вскочили на ступени, после чего напиральная сзади толпа только подталкивала нас вперед к нашим местам. Мы нашли купе, занятое людьми Бирона, и устроились в нем. Я оставила Елену с нами, чтобы не потерять ее, некоторое время с нами оставались и все четверо мужчин, пока не стихла первая битва за места. Только Давидка покинул нас, поскольку должен был ехать в багажном вагоне, чтобы уберечь наши сундуки от разграбления или пропажи. В купе, предназначенном для двоих, в котором были две узкие, верхняя и нижняя, полки, нас было две женщины и пятеро мужчин, и так продолжалось несколько часов, пока желающие вторгнуться к нам не поняли, что их усилия напрасны. Из прошлого опыта я знала, что сохранить купе для себя невозможно. Я сказала об этом Михаилу, и мы решили, когда придет вторая волна пассажиров, самим выбрать себе товарищей по несчастью и постараться избежать общества отвратительных грязных солдат и беженцев. Вскоре наш вагон снова заполнился, на этот раз толпой, ворвавшейся с приграничных военных станций.

Мы увидели в первых рядах толпы, входящей в коридор, сестру милосердия, чистую, в форме Красного Креста. «Скорее, сестра, здесь есть для вас место!» – позвал Кантакузин. Один из наших охранников выскользнул из окна, в то время как сестра входила в дверь. Я поместила ее вместе с Еленой на верхней полке, предполагая, что они превосходно поладят. Внизу теперь оставались мы с мужем и остальные наши охранники. Минуту спустя показался огромный добродушного вида блондин, довольно чистый и хорошо выбритый, одетый в форму кавалерийского полковника. Его багаж, судя по его виду, прослужил ему три года или более во время войны, к одной из его котомок был привязан чайник. Его сопровождал маленький смуглый солдат, явно его денщик, поскольку они говорили с фамильярной веселостью на старый патриархальный лад. Мы тотчас же приняли эту пару в свою компанию. Теперь, почувствовав, что жаждущие проникнуть в наше купе поймут, что оно не сможет больше никого вместить, мы отпустили своих последних охранников и принялись обустраиваться. Мы закрыли дверь и открыли окна, чтобы шесть человек, находившихся в таком маленьком пространстве, могли дышать.

Елена и сестра расположились на верхней полке, разместив свой багаж на полочках около себя, в распоряжении нашем с Михаилом, полковника и его солдата была узкая нижняя полка и пространство пола. Мужчины уступили мне место около окна. Я свернула

свою накидку и меха и подложила за спину наподобие подушки, завернув внутрь футляр для ювелирных изделий и сумочку с нашими деньгами и документами. Передо мной были составлены на большую высоту чемоданы, а наверху в пределах досягаемости стояла корзина с провизией. Рядом со мной сидел муж со свертком пледов за спиной, за ним огромный полковник, излучавший жизнерадостность и благодарность за то, что выбрали его. Он с готовностью предложил: «Я могу обеспечить вас чаем, как только захотите. Иван может бегать за кипятком на каждой станции». Иван, сидевший на корточках в ногах своего офицера, улыбался при мысли о своей удаче, благодаря нашему предложению ему удалось избежать поездки на крыше. Казалось, он готов услужить любым способом. Кантакузин представился, поскольку в гражданской одежде его было невозможно узнать. Полковник в свою очередь тоже назвал свое имя и сообщил, что они с Иваном едут на два месяца в отпуск в столицу Крыма Симферополь. Следовательно, нам предстояло совершить всю поездку вместе. Я пообещала кормить всю компанию, а поскольку мы могли рассчитывать на чай полковника и посылать с поручениями Ивана, то имели возможность вполне комфортно вести хозяйство в своем купе. Мы все еще находились на сортировочной станции, все купе были заняты, и солдаты размещались на крыше. Огромное количество людей расположилось в коридоре, он был завален багажом.

Но это еще не все, что нам предстояло пережить. После часового ожидания нас прицепили к локомотиву и отбуксировали на станцию, где новая волна людей, казавшихся обезумевшими, попыталась взять поезд штурмом. Набившись, как сардины в бочку, мы чувствовали себя в безопасности, надеясь, что наше купе никого не соблазнит, и сидели спокойно, прислушиваясь к происходящему. Полковник рассмеялся. «Страшнее, чем шум сражения. Это дикие звери, не люди», – заметил он.

Новая волна ринулась в коридор, и крыша над нами заскрипела. Лица прикипали к нашему окну, глаза всматривались, и их обладатели тотчас же оценивали обстановку; затем появлялись новые лица. В дверь забарабанили, и Иван тотчас же открыл ее. «Двое наверху, трое внизу, один на полу, к тому же много багажа». И незваные гости прошли мимо. Теперь коридор был настолько заполнен, что никто уже не мог сесть, за исключением нескольких человек, вошедших раньше и взгромоздившихся на свои чемоданы. Полковник выглянул и сообщил, что туалетная комната занята солдатами и что нам, возможно, не удастся добраться до нее во время поездки, потому что не хватит целой жизни, чтобы преодолеть такое расстояние. Двух раненых офицеров подняли над головами толпы. До нас доносились слова «раненые офицеры», и каким-то образом, передавая с рук на руки, их занесли в вагон. Прежде чем они добрались до нас, двое милосердных людей уступили им свои места. Уверена, что только русские могли совершить революцию таким противоречивым образом.

Было жарко, душно и ужасно неудобно, из коридора доносилось невыносимое зловоние. Мои спутники убедили меня, что будет лучше, если мы, невзирая на ноябрьский холод, оставим окна открытыми. Только это нас и спасло.

Ночью мы спали, сидя на жесткой незастеленной постели. Не было ни подушек, ни постельного белья, давным-давно украденного. Мы не могли побыть наедине с собой, не могли распаковать вещи. Было невозможно передвигаться или меняться местами, а также невозможно было вытянуться. Наверху лежали две женщины, но они не могли сесть – не было места, и там было жарче, чем внизу. Полковник и Кантакузин отважились снять ботинки. Иван лег, свернувшись калачиком, и во тьме было невозможно понять, как ему

удается занимать так мало места. Я узнала, что он татарин-магометанин, преданный своему хозяину и готовый угодить и услужить нам.

В купе было очень холодно и темно, освещалось оно только лунным светом, проникавшим через мое окно. Полковник спокойно и уютно похрапывал. Муж стонал во сне, видимо, сказывалась боль от ран и нервное напряжение. Обе женщины на верхней полке лежали тихо, и над всем вагоном тяжело нависла дремота.

Я заснула перед рассветом, но ненадолго. Я была слишком избалована и не могла отдохнуть в такой тесноте. Но мое наконец-то исполнившееся желание осуществить эту поездку и скрытые резервы сил помогали мне выносить неудобства.

Утром во время первой остановки Иван выбрался через окно и принес чайник полковника, полный кипятка, затем они с хозяином заварили превосходный чай, достав листья из газетного клочка и кусочки сахара из лоскутка; все это было сложено вместе в старый мешок из-под муки, перевязанный бечевкой, который они принесли с собой. Я достала из своей корзины с провизией чашки, хлеб и масло, и мы вполне удовлетворительно позавтракали. Затем мужчины закурили и принялись рассуждать о своей армейской жизни.

По мере того как долгие часы проходили и мы дремали, читали или болтали, я все больше и больше начинала ценить нашего полковника. Он был типично русским человеком, обладающим чувством собственного достоинства, никогда не проявляющим фамильярности, хотя всегда дружелюбным и готовым прийти на помощь. Его чай и сахар, и его денщик всегда были всецело в нашем распоряжении. Но он с большими колебаниями принимал наши продукты для себя и Ивана. Все его разговоры были обращены к Кантакузину, и он не просил позволения закурить до тех пор, пока я сама не сказала, что не возражаю против курения. Полковник старался, чтобы он сам и его багаж занимали как можно меньше места, и оказался самым удобным спутником в поездке, какого только возможно вообразить. Он видел, как болен мой муж, и, чтобы развлечь его, перешел от военных тем к анекдотам и забавным историям.

Еще одна долгая ночь, и по-прежнему никакой возможности сдвинуться с места. Я даже не снимала перчаток и вуали в течение тридцати шести часов. Когда мы приближались к станции, на которой должны были пересесть на другой поезд на Симферополь, перед нами встал серьезный вопрос, как покинуть свою тюрьму. Почти все другие пассажиры оставались в вагонах, направляясь на Кавказ. Следовательно, пройти по коридору было невозможно, а нас было пятеро и весь этот багаж, который нужно было каким-то образом вынести. Муж пребывал в полнейшем замешательстве, я же так часто видела, как люди входят и выходят через окна, что (хотя все это были мужчины) ощущала, что усвоила их метод и смогу последовать ему, невзирая на накидку, юбку и меха. Я изложила свою идею Михаилу, сказав, что она кажется мне более предпочтительной, чем возможность уехать дальше места своего назначения. Полковник, слышавший наш разговор, вмешался: «Мы с Иваном прыгнем первыми и вытащим свой багаж, затем – вы, княгиня, со своей горничной, а мы поможем вам приземлиться; потом князь передаст нам свой багаж и выпрыгнет сам». Так мы и сделали.

Мы прибыли на вокзал, походивший на огромный улей рассерженных пчел. Как только поезд остановился, проворный Иван протиснулся через окно и с легкостью приземлился. Полковник выбросил ему свои сумки, упавшие на платформу мягкой горой подушек, затем полез сам, и я затаила дыхание, так как боялась, что он застрянет в узком окне, но он каким-то образом протиснулся и с глухим стуком приземлился на свои пожитки.

Настала моя очередь. Я начала с того, что вскарабкалась на грудку багажа. Добравшись до подоконника, села, свесив ноги наружу, затем плотно закуталась в накидку, чтобы подол не зацепился за что-нибудь и не развеялся, но придерживал юбку. Держа в руках футляр с ювелирными изделиями и сумочку с ценностями, я закрыла глаза, сжала зубы и прыгнула.

Елена покорно последовала за мной, но, усевшись на подоконник, она посмотрела вниз и отчаянным голосом закричала: «Я не могу! О, я не могу!» При этом выглядела она решительной и взъерошенной. «Прыгай сейчас же! – велела я. – Ты должна». Но Кантакузин поступил еще более решительно: не говоря ни слова, он подтолкнул ее сзади, она с криком полетела вниз, приземлилась рядом со мной, и полковник поддержал ее. Затем последовал наш багаж. Потом муж открыл дверь, ведущую в коридор, и, сказав, обращаясь к заполнившей его толпе: «Здесь освободилось пять мест», поспешил к подоконнику, выпрыгнул в окно и приземлился рядом с нами, в то время как обитатели коридора с воем врывались в наше купе.

Мы поспешили в здание вокзала. Я казалась себе калекой, пребывающим в каком-то полубессознательном состоянии после столь утомительного путешествия и вынужденной неподвижности. Мы с Еленой, не трата времени даром, схватили свои несессеры и бросились на поиски дамской комнаты. И хотя там было не менее пятидесяти женщин, таких же перепачканных после путешествия, как и мы, и само место не отличалось особой привлекательностью, я впервые за два дня наслаждалась видом мыла и воды. Никогда не испытывала я большего наслаждения, чем это, которое даровали мне теперь губка, зубная щетка и моя дорожная резиновая миска, наполненная горячей водой, разложенные на подоконнике этой грязной привокзальной комнаты.

Наш поезд отходил не раньше полудня. Я выпила плохой кофе без сливок и сахара, затем крепко проспала два часа, положив голову на ресторанный стол и подложив под нее муфту, в которой лежал футляр с драгоценностями. Михаил разбудил меня вовремя, чтобы мы успели на поезд, приходивший из Москвы. Он очень беспокоился, опасаясь, что эта часть нашего путешествия окажется еще хуже, чем была его первая глава, поскольку на этот раз мы должны были сесть в поезд, уже заполненный путешественниками. Он обдумывал, как нам предстоит устраиваться в коридорах! Я ему напомнила, что у нас в запасе есть хорошая идея, которую мы можем претворить в жизнь, если нам окажут помощь. Ободренная своим недавним удачным опытом, я заявила, что мы с Еленой не побоимся влезть в окно. Мы наняли двух крепких носильщиков и пообещали по пять рублей каждому, если они обеспечат нас местами. На платформе знакомый полковник сразу заметил нас в толпе, и они с Иваном тотчас же присоединились к нам. «Там, несомненно, будут места, – заверил нас он. – Поскольку я самый крупный из вас, то зайду первым, как только поезд остановится, а вы следуйте за мной».

Мы выстроились в ряд, и, как только вагон остановился, словно клин взлетел по его ступеням с доблестным полковником в качестве его вершины. Он бранился, увещевал, шутил и извинялся, пробиваясь вперед и увлекая за собой наших дюжих носильщиков и меня. Муж и Иван замыкали шествие. Нам сопутствовал полный успех главным образом благодаря нашим энергичным действиям, а также потому, что в московском экспрессе было немного больше места, чем в прошлом поезде, и в коридоре находилось человек двенадцать – двадцать. Меня даже удалось усадить на свободное место в купе между очень толстым и раздражительным мужчиной и опрятным симпатичным офицером. Рядом с ним с несчастным видом сидела застенчивая молодая женщина с прекрасными черными

глазами и большими бирюзовыми серьгами, в помятом шелковом нарядном платье.

Я сбросила свою накидку и меха, свернула их в узел, чтобы использовать вместо подушки, и со вздохом облегчения села. Здесь было достаточно места, чистые спутники и свежий воздух и только двенадцать часов пути! В довершение удачи Давидке удалось погрузить наши сундуки на другой поезд, более медленный, но идущий впереди нас. Самая тяжелая часть пути, безусловно, осталась позади, и хотя мы были сейчас рассеяны по вагону и я не имела ни малейшего представления, что случилось с нашими чемоданами и корзиной для провизии, но надеялась, что Елена позаботится о них должным образом, а сама предалась наслаждению.

Мой толстый сосед хранил молчание, явно недовольный чрезмерно большим числом попутчиков; хотя он занимал лучшее место около окна и подложил за спину две красные бархатные вагонные подушки, в то время как ни у офицера, ни у меня не было ни одной. Когда я вошла в купе, он запротестовал и заявил, что свободных мест нет, но, не обращая на него внимания, я, не проронив ни слова, села. Теперь он ерзал и двигал большую картонную коробку, в которой, по-видимому, лежал его лучший костюм. Она стояла между нами.

– Очень много народа, – заметил он.

Я тотчас же взяла коробку и молча положила ее на груды багажа, стоявшего передо мной.

– Это моя коробка, – сказал он.

– Я так и думала. Но она очень большая, и мне неудобно, а теперь и вы сказали, что вам тоже неудобно. Потом мы снимем ее и поставим на место.

Я опять откинулась на спинку, расположилась поудобнее и снова присоединилась к разговору с соседом слева.

Муж принес мне почитать французскую газету, содержащую последние телеграммы с фронта.

– Когда вы закончите газету, мадам, не позволите ли мне взглянуть? – неожиданно застенчиво спросил сосед.

Триумфально захватив место и убрав его коробку, я почувствовала, что могу ему это позволить, так что, дочитав газету, передала ее ему с самой любезной улыбкой и спросила:

– Вы читаете по-французски? Она на французском языке.

– Да, мадам, я довольно свободно читаю.

Я почувствовала себя очень усталой; увидев, как я поправляю за спиной накидку, толстяк, явно желая заслужить прощение, предложил:

– Не возьмете ли одну из подушек? У меня их две.

Я взяла ее и испытала блаженство. Я немного поспала, а когда проснулась, обнаружила, что мой раздражительный сосед совершенно переменился и стал значительно сердечнее.

– Могу я проявить нескромность, мадам, и поинтересоваться, кто вы по национальности? – спросил он. – Вы говорите о России доброжелательно и с любовью даже в эти черные дни, хотя вы явно не русская. Вы читаете по-французски, но вы не француженка, ибо лишены ажитации, присущей латинянкам. Вы говорите по-английски, но я уверен, что вы не британка, поскольку вы более живая и общительная, чем англичане, и я уже давно размышляю, кто же вы?

Я рассмеялась и ответила:

– Я подданная России. Мой муж и дети русские, сама же я родилась в Америке.

Мне всегда нравились странные типы, а толстяк стал теперь очаровательным. Он покинул нас в тот же вечер, но перед тем как сойти, позвал Михаила, чтобы тот занял его место и унаследовал его подушку на ночь.

Мы ехали уже три ночи и два долгих дня и ни разу за все это время не прилегли и не отдохнули по-настоящему. Когда мы подъезжали к Симферополю, я почувствовала, что не могу больше этого выносить. Муж казался мертвенно-бледным, и я опасалась, что он не выдержит дороги. Я рассчитывала, что мы сможем подкрепиться горячей едой на вокзале, который помнила чистым и ярким, каким он был летом. Затем мы найдем машину и проедем через горы на Южное побережье, в Симеиз, где находится вилла свекрови.

Вокзал, прибытия на который я с таким нетерпением ожидала, принес ужасное разочарование; поскольку я питала надежду, что здесь будет свежий воздух, сиденья и завтрак, это испытание показалось мне самым тяжелым. Мои усталые глаза видели миллионы мужчин в поношенной, грязной одежде защитного цвета, толкающих нас или валяющихся у нас под ногами, а зловоние было столь ужасным, что было почти невозможно дышать. Дважды я пробиралась к единственному открытому окну, которое было в дамской туалетной комнате, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом, но она уже была заполнена женщинами, потерявшими сознание или, как и я, близкими к тому, чтобы его потерять, из-за того, что главный зал был настолько переполнен. Остальная часть вокзального помещения, переполненная настолько, что почти не оставалось даже мест для стояния, была слабо освещена.

Поскольку Севастополь, который прежде был конечной станцией, теперь был закрыт для всех пассажиров, за исключением местных жителей и служивших там моряков, маленький симферопольский вокзал стал перевалочным пунктом всего Крымского побережья; а также превратился в конечную цель для солдат, ринувшихся на юг. Половину толпы составляли эти дезертиры, несущие огромные сумки с едой и прочими необходимыми предметами, вторую половину – татары со своими семьями, евреи, беженцы и нищие. Все несли узлы. Никогда не представляла, что в мире существует столько горя и грязи, как здесь. Поесть не было никакой возможности. Стульями нам удалось завладеть по счастливой случайности после более чем часового ожидания. Отдохнуть в таком шуме было невозможно, и я предложила перебраться на платформу и ждать там. Сходив туда на разведку, муж отказался от этой идеи, сказав, что толпа там еще больше и грубее, чем здесь, что там абсолютно темно и небезопасно для нас с Еленой. Так что мы смирились и остались задыхаться там, где были, с четырех до семи утра.

Мужчины, женщины, дети лежали вокруг нас на полу, спящие или дремлющие, некоторые распаковывали свои вещи, ели, без стеснения переодевались. Нам постоянно приходилось присматривать за своими чемоданами, и два-три раза мы отгоняли от них каких-то подозрительных типов, которых приняли за воров.

Это были по-настоящему беспокойные три часа. Михаил выглядел таким больным, что я опасалась за него, но наконец наступило утро и показалось долгожданное солнце, а вместе с ним – различные машины.

Глава 26

Крым

Мы, не тратя времени даром, наняли машину и покинули Симферополь. Когда свежий ветер ударил мне в лицо, я ощутила, что кошмар нашего путешествия на этот раз закончился, и испытала благодарность к провидению, которое нас направляло. Мы благополучно выбрались из Киева, и я надеялась, что все худшее уже позади. Хотя нас и ожидали какие-то неудобства и опасности впереди, я надеялась, что муж больше не будет подвергаться особым преследованиям, поскольку мы теперь за пределами Украины, вне досягаемости тех, кто жаждал мести. Так что мы могли оставить волнения позади и насладиться мягким ходом нашего экипажа и великолепием крымского пейзажа, который я особенно любила. Муж, внезапно почувствовав, как нервное напряжение покинуло его, расслабился и задремал, так что я наслаждалась красотой чудесной поездки в одиночку.

По мере того как мы продвигались, температура так стремительно менялась, что за коротких полчаса я сбросила с себя меха, затем накидку и, наконец, свитер, мы открыли все окна машины, чтобы впустить порыв свежего морского воздуха и нежное прикосновение солнца. Мы остановились у небольшого ресторанчика на набережной в первом же городе, до которого доехали, нас быстро и приветливо обслужила хорошенькая деревенская девушка, узнавшая меня по моей прошлой поездке и поинтересовавшаяся о детях. Никогда в жизни кофе с густыми сливками, горячие ломтики хлеба и фрукты не казались мне такими вкусными. Кантакузин проснулся и отдал должное своей порции еды. Он все еще выглядел измученным, но его настроение соответствовало очарованию окружающей обстановки. Я надеялась, что Крым поможет восстановить его здоровье в достаточной мере, так, чтобы мы смогли совершить предстоящую впоследствии долгую поездку на север.

После завтрака мы продолжили путь по дороге, идущей вдоль побережья, через леса, мимо курортов, где жизнерадостные и нарядные посетители гостиниц ходили по магазинам или просто прогуливались, слушая музыку, словно войны и революции остались где-то далеко. Мы проехали через Ялту, по-прежнему богатую и роскошную, а за ней стояли Ливадия и Ореанда со сверкавшими на солнце императорскими дворцами. Не удивительно, что император так любил этот свой личный дом, не принадлежавший государству. Я подумала о большой семье, живущей теперь в тесноте в маленьком домишке в далеком и холодном сибирском городе [142 - Имеется в виду Тобольск в Западной Сибири, куда Николай II и его семья были сосланы Керенским в августе 1917 года. Большевики вернули их на запад в уральский город Екатеринбург в апреле 1918 года. Там, в подвале Ипатьевского дома, они были убиты 17 июля 1918 года.]. Какой контраст с этим!

Наконец мы добрались до виллы свекрови в Симеизе. Это был простой, но удобный и красивый белый дом, окруженный садом цветущих роз, с видом на горы позади и на море впереди. К тому же он был достаточно большой, чтобы с легкостью вместить всех ее ближних. Наш приезд всех взволновал. Она не видела сына с тех пор, как была в Петрограде, когда они вместе пережили первые дни революции. Я тоже не видела ее с весны. Ее очень расстроило плохое состояние здоровья сына, но радовало то, что мы уехали из Киева. Он сообщил ей о финансовых делах, из которых выходило, что они по крайней мере год могут прожить безбедно.

Единственная опасность, по ее мнению, исходила от машин, полных солдат и матросов-большевиков, осуществлявших вылазки по всей области специально для того, чтобы убивать и грабить. За летние месяцы отношение свекрови к революции полностью переменялось, и восторженное отношение к первым революционерам, учредившим

Временное правительство, переросло в ужас. Она не могла найти слов достаточно сильных, чтобы выразить свой гнев и презрение, и клялась, что, когда у нее появится возможность уехать за границу, она намерена навсегда остаться там вдали от России и никогда не иметь ничего общего с нашими людьми. Ее французская душа и способность выражать свои чувства сослужили ей хорошую службу в теперешнем состоянии души!

Каждый дворянин, которого я встречала, больше огорчался по поводу наших военных действий, чем из-за своих личных неприятностей, и каждый утверждал, что «все можно простить, кроме того, что революционеры нарушили слово, данное союзникам». Некоторые опасались, что наше отступничество приведет к победе Германии, и эта мысль причиняла самые большие страдания. Никто сильно не обвинял людей, напротив, многие считали, что революция в конце концов приведет к развитию нации. Конечно, все без исключения эти аристократы сожалели об уходе старых прекрасных традиций и поэзии нашей деревенской жизни с ее патриархальными связями между хозяевами и крестьянами, и, несомненно, они исчезли навсегда. Все говорили с сочувствием о бедном императоре и нависшей над ним опасности и о печальной, похожей на заточение жизни, которую вели члены императорской семьи здесь в Крыму.

Две недели пролетели слишком быстро. Мне было тяжело прощаться и не хотелось уезжать, оставляя товарищей многих лет. Однако мы имели веские причины для отъезда. Мой муж мог вновь обрести здоровье и силы только в том случае, если бы уехал как можно дальше от этой среды со всеми ее трагическими проявлениями. Теперь он уже ничего не мог сделать для своей страны, мы с ним могли стать только двумя лишними ртами, которых нужно было кормить из семейных запасов, а оказавшись за границей, мы перестали бы зависеть от семьи.

Мы обнаружили, что безгранично тяжело достать билеты и места на поезд в Петроград, но судьба, как обычно, позаботилась о нас – наша добрая приятельница, отказавшаяся от поездки, уступила нам два купе, которые давно заказала. Каким-то чудом Совет севастопольских моряков ответил на телеграфный запрос Кантакузина, они позволили нам проехать через их город-крепость и сесть в поезд на их вокзале. Наша семья не могла поверить, что такое разрешение возможно, до тех пор пока мы не показали им телеграмму. Я была чрезвычайно благодарна за подобное благодеяние. Теперь мы сможем устроиться и погрузить свои вещи в пустой вагон, и у нас даже была слабая надежда удержать за собой зарезервированные места, за которые мы заплатили, поскольку это был прямой экспресс. Последние прощания очень меня опечалили, я опасалась, что мы никогда больше не увидим членов нашей семьи. Мне была ненавистна мысль о том, что оставляем близких в такой опасности. Тяжело бедняжке старой княгине пройти через подобные испытания в семьдесят лет после той роскошной легкой жизни, которую она привыкла вести. Нелегко было моей золовке и ее детям, отличавшимся хрупким здоровьем, с отчаянием в сердце встретить лицом к лицу будущее. При расставании они представляли собой трагическую картину!

Было 5 декабря, и хотя мы покидали Южное побережье, омытое солнечным светом и украшенное цветами, наше настроение не соответствовало окружающей обстановке. Бесчисленные пессимистически настроенные друзья предсказывали, что телеграмма от Севастопольского Совета окажется западней, они не знали, что с нами произойдет, когда мы попадем в этот город-цитадель большевиков, и были уверены, что на нас нападут или заключат под стражу. Другие, в равной степени мрачно настроенные, утверждали, будто первая часть путешествия пройдет хорошо, а наши беды начнутся, когда мы сядем в

поезд. Они сообщили нам, что особенно достается поездам-экспрессам. Донские казаки собираются под руководством генералов Каледина [143 - Каледин Алексей Максимович (1861—1918) – генерал, донской казак, был одним из первых генералов, поднявших оружие против большевиков на юге после Октябрьской революции. В январе 1918 года совершил самоубийство в отчаянии от ситуации в антибольшевистских вооруженных силах.] и Корнилова (который бежал из тюрьмы во время восстания в штаб-квартире, ухитрился проехать полстраны инкогнито и присоединился к Каледину в Новочеркасске). В скором времени ожидалось сражение между ними и большевистскими силами, двинувшимися им навстречу из Москвы, в то время как украинцы тоже послали свои войска из Киева и Полтавы. Никто не знал, чью сторону они займут. Нам говорили, что мы, безусловно, попадем между двух огней и нас убьют в схватке. Мы слышали, что в Петрограде совсем нет продуктов и всех убивают, а в разрешении уехать за границу всегда отказывают. И рефреном всех разговоров была тема полнейшего безумия нашей попытки!

Мы с мужем с некоторой долей сомнения обсуждали, что нам следует предпринять, но в конце концов решили, что ситуация еще долго не улучшится и что если мы хотим уехать за границу, то должны попытаться сделать это сейчас. А отъезд казался необходимым из-за состояния здоровья Кантакузина. Нам казалось, со всех точек зрения следует положиться на удачу, пока мы еще обладаем в достаточной мере мужеством и деньгами и пока еще существует сообщение. Мы знали, что если казачий рейд разделит страну на две части или если железные дороги из-за многочисленных забастовок перестанут действовать, то мы окажемся в Крыму в «мешке» и не сможем осуществить свой план. Окончательно решившись, мы пообещали себе: что бы ни случилось, не станем сожалеть о наших теперешних действиях и используем все возможные средства, чтобы успешно осуществить свои замыслы. Если нам не удастся выехать из Петрограда за границу, мы просто соберем все наличные деньги, какие только сможем, каким-нибудь образом вернемся и на неопределенное время обоснуемся поблизости от семьи. Между тем мы были готовы дорого заплатить за возможность выбраться.

Прежде всего мы зашили мои драгоценности в дорожную одежду. Там они будут меньше привлекать внимание и не так нам мешать, как в футляре для драгоценностей. Затем мы разделили деньги, и каждый взял половину на случай, если одного из нас обыщут или ограбят или же нам придется разлучиться. На всякий случай мы взяли с собой 10 тысяч рублей в банкнотах. Мы уменьшили количество багажа, оставив два сундука свекрови. Готовые ко всевозможным неожиданностям, мы решительно предприняли первый шаг своего путешествия.

Давидка выехал на несколько часов раньше, он вез наши сундуки на повозке, запряженной тройкой хороших лошадей, мы ехали следом на машине. Он должен был ждать нас у въезда в Севастополь, поскольку у мужа был один пропуск на всех нас. Кантакузин был в гражданской одежде, но в паспортах, естественно, указывались наши имена и титул, а мы должны были предъявлять их. Я очень надеялась на то, что нам поможет солдатская форма Давидки.

Мы были слишком взволнованы, чтобы о чем-то говорить во время нашей долгой поездки. Поднявшись на перевал, мы бросили оттуда прощальный взгляд на прекрасный райский сад: Крымское побережье, расстилающееся внизу. Когда мы миновали узкий

Байдарский проезд среди скал и обратились к северу, нам навстречу подул холодный северный ветер со снегом. Два-три часа мы ехали сквозь снегопад по направлению к полю битвы Балаклавы [144 - Балаклава – портовый город в Крыму.], мы проезжали мимо памятников французским, английским и русским солдатам, погибшим и похороненным там, где пали, бывшим врагами в той большой битве, состоявшейся так давно. Затем мы приблизились к наружным укреплениям Севастополя, и нас остановили на контрольно-пропускном пункте.

Давидка со своей повозкой был уже там. Вместо доброжелательного, одетого с иголки офицера прежних дней нас встретили два грубых солдата с угрюмыми лицами. Но нельзя сказать, что они были пьяными или неопрятно одетыми. Они прочли наш пропуск, затем проверили паспорта, сопровождая чтение грубоватыми, но неглупыми комментариями. Им не очень понравились наши с Кантакузиным паспорта, они на минуту заколебались, и душа у меня ушла в пятки. Муж объяснил, что мы собираемся посетить их город проездом и уедем ночным поездом в Петроград, они, наконец, неохотно согласились, чтобы мы проехали.

Мы отправились в гостиницу, пообедали, и у нас осталось время почитать газету и осмотреть город. В последнее время он приобрел дурную репутацию среди обитателей тех районов, где мы жили. С тех пор как в конце июня адмирал Колчак был смещен своим флотом, из Севастополя стали распространяться по всей округе разрушения и беспорядки. Но сейчас это место, несмотря на зловещую тишину и пустоту, производившие угнетающее впечатление, содержалось в чистоте и абсолютном порядке.

Однако директор гостиницы горько сожалел по поводу потерь, которые испытывал из-за недостатка путешественников и из-за постоянных реквизиций продовольствия. В гостинице проживало только несколько французских офицеров, в основном молодых летчиков, но они, похоже, вот-вот собирались уехать. А в основном гостиница была практически пуста. На вокзале то же самое – очень мало путешественников, никакой разношерстной публики, почти нет солдат, кое-где щеголеватые матросы и морские офицеры с семьями, повсюду чистота и никакой неразберихи в делах. Мы легко и быстро нашли свой поезд и вагон. Заплатив в два раза больше прежней цены, мы обнаружили, что вес нашего багажа на целый сундук превышает вес, положенный по последнему закону. Это так огорчило Кантакузина, что он предоставил Давидке неограниченные полномочия действовать от нашего имени, зная, что солдат может иметь большее влияние. Наш слуга сделал все от него зависящее и через полчаса вернулся и сказал, что сундук не будет конфискован. Его можно взять с собой, несмотря на недавний закон, но ему пришлось купить дополнительный билет первого класса до Петрограда и потратить пятьдесят рублей на взятки, потому что билетом невозможно было воспользоваться!

В поезде у нас было два соединяющихся купе и туалетная комната, так что, если бы «товарищи солдаты» не вторглись в наши владения, мы могли рассчитывать на вполне комфортабельную поездку. Сначала у всех было много места. Два мускулистых матроса Севастопольского гарнизона вошли в наш вагон, сказав проводнику, что им «так хочется», но они пообещали позаботиться о том, чтобы не было других незваных гостей. Им позволили спать в нашем коридоре, они быстро там обосновались и завели вполне добродушную беседу с Давидкой. Я поместила Елену с Давидкой, мужа оставила с собой в целях безопасности, а дверь между двумя купе оставила открытой. Мы сложили все свои чемоданы, корзины и пледы около окон, так чтобы толпе на станциях казалось, будто наши купе переполнены и чтобы они не испытывали соблазна проникнуть к нам. В

вагонах больше не оставалось ни подушек, ни одеял, ни простыней. По одному из наших окон сверху донизу проходила трещина. Раздеться, конечно, было невозможно, но уже то много значило, что можно было лечь и вытянуться, даже если в любой момент можно было ожидать вторжения. Я с содроганием думала о толпах, ожидающих наш поезд в Симферополе и других городах по пути! Однако пока мы могли надеяться на несколько часов спокойного сна и поторопились воспользоваться этим. Я крепко спала часов до двух, затем в панике проснулась и стала прислушиваться к раздававшимся вокруг крикам и глухим ударам. Но, несмотря на все это, матросы сдержали данное нам слово, и ни один захватчик не вторгся в наш вагон. Окно как раз у меня над головой треснуло, и затем какую-то тяжелую вещь бросили на наши вещи, к счастью, она там застряла, и это, похоже, несколько охладило пыл нападающих. Раздались оскорбления и выкрики: «Капиталисты! Буржуи!» Я увидела, что Михаил нащупывает револьвер. Мы оба сидели прямо и в молчании ждали, что произойдет. Но ничего не произошло, и поезд покинул Симферополь, оставив позади орущую и бурлящую толпу.

После этого первого опыта я набралась мужества и снова легла спать. Но нам сказали, что впереди ждут другие станции, где толпа еще хуже, чем эта, и мы провели много часов в тревоге. Наши защитники-матросы были воистину достойны восхищения. Они подружились с Давидкой и Еленой, оказывали нам большую помощь и постоянно заботились о нашей безопасности. За эти два дня и три ночи они впускали в вагон только тех, кто показывал надлежащие билеты на зарезервированные места, и сделали исключение только для трех раненых солдат, которых попросили нас принять. У одного из них было прострелено легкое, и он с трудом дышал; другой, раненный в живот, лежал на спине; а у третьего не было обеих ног. Со времени революции не стало поездов Красного Креста, чтобы перевозить таких несчастных, и раненые зависели теперь от случая. Этим троим повезло, ибо наши огромные моряки и Давидка помогали беднякам как могли, муж тоже часто разговаривал с ними и заботился о них, время от времени мы давали им чай с сухим печеньем.

Мы благополучно проехали земли казаков, сделали остановку в Харькове, а когда на следующий день прибыли в Москву, прочли в специальных телеграммах, продававшихся на вокзале, что той же ночью в Харькове состоялось сражение и теперь все сообщения с югом прерваны. Так что наш поезд, возможно, оказался последним, приехавшим с юга. Наконец после всех наших напрасных тревог мы прибыли в столицу с опозданием на двадцать четыре часа и были очень рады этому, несмотря на то что поездка стоила нам почти две тысячи рублей, хотя в прежнее время было бы вполне достаточно трехсот.

Мы поблагодарили наших защитников – двоих моряков – за их превосходную службу, попрощались с ранеными солдатами, а они с большим энтузиазмом пожелали нам всего наилучшего. У нас сложились с ними чрезвычайно теплые отношения, чего не могло бы произойти ни в одной другой стране при подобных обстоятельствах. Нужно быть русским, чтобы сохранять такую небывалую простоту в столь сложной ситуации.

Глава 27

Петроград при большевиках

Петроград имел какой-то пугающе жалкий вид. Улицы были покрыты глубоким слежавшимся снегом, прорезанным колеями и ямами, передвигаться по ним было ужасно.

Толпы на улицах увеличились и стали еще более необузданными, чем прежде. Если кто-либо осмеливался выйти ночью на улицу, то ему вряд ли удавалось избежать инцидента: его обычно останавливали, отбирали деньги, меха, шерстяную одежду, обувь и оставляли почти раздетым на холоде, предоставляя возможность идти дальше своей дорогой. На каждом приличном лице отражалось горе. Неприглядные солдаты продавали разные украденные вещи, и мы купили на тротуарах несколько ценных изданий редких книг за нелепо маленькую цену. Они явно происходили из разграбленных дворцов.

Половина магазинов была закрыта, многие из них разграблены и стояли с разбитыми окнами, или же витрины были заколочены досками. Город наводнили преступники, состоятельные люди стали испытывать нужду, а честные бедные люди просто голодали. Отвратительные красногвардейцы [145 - Красногвардейцы – «рабочая милиция», созданная большевиками и получившая такое название в апреле 1917 года; им было суждено сыграть значительную роль в последующих действиях большевиков в течение года.], напоминая тех людей, каких я видела на французских картинках, представляющих царство террора в Париже, «поддерживали порядок». Одеты они были в грубые одежды, но в их гардеробе встречались и превосходные вещи, явно украденные. Эти люди шествовали по улицам или сидели по углам с хорошими ружьями, извлеченными из наших домов, заряженными и повешенными через плечо на веревке или свободно висевшими на руке, иногда о них опирались, как о трость. Естественно, при таком обращении ружья всегда стреляли.

На перекрестках горели костры, чтобы обогреть защитников нового правительства, и я не раз видела, как красногвардейцы использовали дуло или штык, прикрепленный к дулу заряженного ружья, для того чтобы помешать пламя! Постоянно в различных кварталах города раздавались пулеметные выстрелы, и, когда выстрелы приближались, прохожие спешили укрыться в подворотнях. Но никто не сидел дома, опасаясь пуль, ставших привычным явлением. Цены на все взлетели до небес, и люди вынуждены были платить или ходить голодными, раздетыми и холодными.

Нет слов, чтобы описать всеобщее уныние; и все же я повидалась со всеми своими старыми друзьями, остававшимися в Петрограде, и обратила внимание на то, что им доставляло удовольствие поговорить о посторонних вещах или посмеяться с внезапной веселой иронией над какими-то комическими эпизодами своего собственного затруднительного положения, пытаясь хоть на время забыть о невзгодах. Генерал Комаров по-прежнему нес ответственность за Зимний дворец, он рассказал нам об ужасных днях, когда огромное здание было захвачено и разграблено толпой. Я сама видела разбитые оконные стекла и стены, изрешеченные пулями. От нескольких очевидцев мы услышали подробности о действиях толпы. Чрезвычайно странно, но чернь прошла мимо мебели, картин, фарфора и бронзы огромной ценности, непонимающе посмотрела на витрину, полную древнегреческих украшений, сделанных из чистого золота. Пренебрежительно бросив: «Это все игрушки», она оставила все эти дорогие вещи стоять на месте, но бросилась срезать кожаную обшивку с сидений современных стульев, стоявших в приемных и в гостиной императора, и сбивать со стен позолоченную штукатурку в уверенности, что это чистое золото. Малахитовый зал совершенно разорили, и огромный ущерб нанесли некоторым церемониальным залам. Погребя разграбили, и толпа мертвецки напилась. По всему городу установилась гнетущая трагическая атмосфера, и великолепная столица стала похожа на роскошную знаменитую красавицу, обесчещенную, изуродованную и брошенную умирать в сточной канаве.

На улицах я постоянно слышала открыто звучащую немецкую речь; вокруг самоуверенно расхаживали подозрительные типы, лицом и одеждой похожие на немцев. Правительство Германии прислало делегацию с графом Мирбахом во главе, и Бронштейн (известный под именем Троцкий) принимал их.

Я повидала Татищева, и он рассказал мне о вступлении Троцкого в министерство после ареста Терещенко. Собравшаяся группа секретарей и чиновников с ним самим во главе вручила Троцкому ключи от всех шкафов, а затем, поклонившись, все положили на центральный стол свои прошения об отставке. Он изобразил растерянность нового министра, его недоумение по поводу того, как он будет справляться без их помощи, рассказал о его угрозах опубликовать все секретные договоры России с союзниками – пустая угроза, хотя Троцкий и не знал об этом. Уже давно все важные документы были изъяты верными людьми, и теперь было невозможно их отыскать.

Каждый день какая-то часть города пребывала во тьме, и постоянно ожидали, что закончатся запасы воды. Все остальные службы стали работать нерегулярно, в том числе телефоны и такси, извозчики превратились в случайную роскошь. Даже в нашей хорошей гостинице, где мы поселились в моих прежних апартаментах, почти испытывая чувство возвращения домой и некоторой защищенности, но даже и здесь ощущалась атмосфера неопределенности. Однако мы не могли жаловаться, по сравнению со многими окружающими мы жили в роскоши. Служащие гостиницы почему-то относились к нам чрезвычайно доброжелательно и превосходно о нас заботились. Даже когда на нижних этажах была забастовка и другие посетители остались без еды, официант, обслуживавший наш этаж, сообщил мне со своей обычной улыбкой: «Ваше сиятельство получит свой завтрак и обед, как обычно, их подадут сюда в салон, мы не хотим, чтобы вы терпели какие-то неудобства». Так они и сделали. Позже я узнала, что мы были единственными в гостинице, кому подали еду! Это нас озадачило. Муж обвинил меня в связи с большевиками, но я так и не поняла подлинных причин такого необычайно хорошего отношения, которым нас окружали в течение всего нашего пребывания в Петрограде, разве что оно проистекало из преданности этих слуг, которых я знала и с которыми часто беседовала в течение тех трех лет, в которые занимала одни и те же апартаменты во время своих коротких посещений столицы. Я оказывала им небольшие любезности, но недостаточные, чтобы объяснить их теперешнюю доброту.

Самым удивительным доказательством их заботы о нас стал случай, произошедший в вечер нашего приезда. Директор гостиницы в первый же день предупредил нас о постоянных посещениях гостиницы большевиками с целью осуществить проверку и реквизировать оружие, – эти реквизиции зачастую превращались в грабеж, они уносили все, что привлекало их внимание. Тогда мы собрали все свои драгоценности, отнесли их в банк и поручили их старому знакомому, управляющему «Лионским кредитом»; все, за исключением нитки жемчуга, которую я особенно любила, и кое-каких сережек, колечек и булавок, которые обычно носила. В тот вечер мы поужинали с другом, который случайно заглянул к нам. Он ушел около десяти вечера. Кантакузин докурил, мы перешли в спальню и стали готовиться ко сну. Наши комнаты были связаны, к комнате Кантакузина слева примыкала комната Давидки, а справа от моей спальни находился салон, в то время как горничную мы поместили отдельно, дальше по коридору. Все наши двери со стороны коридора были закрыты. Я сидела перед зеркалом в халате, моя одежда была развешана по стульям, а мелочи разбросаны по туалетному столику, как вдруг мое внимание привлек стук в дверь салона. Поленившись встать и открыть ее, я крикнула: «Эта дверь закрыта.

Подойдите к номеру пятнадцать». Там спал Давидка, и я попросила мужа велеть ему принять то, что принесли. Кантакузин, всегда пребывавший настороже, сам прошел в комнату слуги, как раз в тот момент, когда последний отвечал на стук из коридора. Муж тотчас же вернулся к двери смежной комнаты и сказал: «Скорее готовься! Это большевики. Я задержу их на минуту-другую в своей комнате, но они захотят зайти и сюда». Затем он скрылся, и я услышала громкие голоса, приближающиеся из комнаты Давидки в спальню мужа.

Я схватила жемчужное ожерелье и кольца и забросила их высоко в гардероб, где они упали за стопки белья, затем спрятала свои новые комнатные туфли и дорожные ботинки за ванну в ванной комнате, а птичку Фаберже за угол коврика. Больше я ничего не могла спрятать, за исключением револьвера, который засунула за подкладку стоявшей открытой пустой дорожной сумки. Одежда, мех, серебряные туалетные принадлежности были предоставлены своей судьбе. Я решила, что мне следует присоединиться к Кантакузину, чтобы не казаться слишком занятой. Я открыла дверь и от изумления застыла на пороге, поскольку большевики, которых мы так боялись, уже уходили. Они по-военному уважительно отдали мужу честь и, обращаясь к нему, как к генералу, просили извинения за то, что побеспокоили нас! Я едва могла поверить собственным глазам и ушам! Кантакузин вполне доброжелательно отвечал им, а когда они ушли, закрыл дверь, послав с ними Давидку, чтобы показать комнату Елены. Их отряд состоял из двенадцати матросов под командованием молодого врача, они просто проверили наши бумаги и сказали, что все в полном порядке. Двое из них к тому же заметили, что знали Кантакузина еще до революции.

На следующий день слуги сказали нам, что матросы, немного поколебавшись, оставили Давидке его револьвер и сказали, что знают все о его хозяине и что он «наш». Мы так никогда и не поняли, чему обязаны такому превосходному обращению. Может, издавна сложившейся среди военных репутации Кантакузина как либерала и офицера, которого уважали и любили? А может, всего лишь слепая удача и влияние моей птички Фаберже? Во всяком случае, мы с благодарностью восприняли результаты и на время исключили из списка своих волнений страх перед проверками большевиков.

К концу нашего пребывания в Петрограде, когда условия значительно ухудшились, я получила по телефону сообщение от управляющего «Лионского кредита». Он пригласил меня в свою контору по срочному делу, и я, естественно, не трата времени даром, отправилась туда. Он сообщил мне о том, что случайно узнал, что, возможно, в течение ближайших дней все банки – как русские, так и иностранные – будут закрыты.

Не дам ли я ему чеки на ту сумму, которая нам необходима на поездку? Он сможет выплатить мне эти деньги из фонда, который хранится в личном сейфе дирекции, и заменит их позже, когда станет возможно получить деньги по моим чекам. Он посоветовал мне согласиться на такое предложение, поскольку банкам уже запрещается законом выдавать своим клиентам более тысячи рублей в день. И даже такая выдача вскоре прекратится с полным закрытием банков, после которого никто не сможет осуществлять банковских операций. Он знал, что деньги Кантакузина хранятся в Русском банке и их нельзя получить, и сказал: «Мне хотелось бы, чтобы вы с супругом смогли покинуть столицу в назначенный день, так что вы, княгиня, должны незамедлительно последовать моему совету. А также возьмите домой свои драгоценности. Если со мной что-нибудь случится, вы не сможете получить их, поскольку я положил ваши пакеты в свой личный сейф. Невозможно предугадать, что нас ждет; если даже я останусь на своем

посту, большевикам, возможно, взбредет в голову конфисковать все подобные вещи, и нельзя будет требовать возмещения убытков».

Немного поколебавшись, я сделала так, как посоветовал мне С. Поспешно подсчитав, сколько нам может понадобиться на расходы до отъезда и на путешествие, я выписала ему за его столом несколько чеков по тысяче рублей каждый, датировав их последовательно день за днем. Он вручил мне 10 или 11 тысяч рублей – сумму, указанную мною в чеках, – и посоветовал: «Постарайтесь купить у себя в гостинице или в магазинах как можно больше 500-рублевых банкнот прежнего правительства, если даже придется переплатить за них. Их вы сможете выгодно обменять, даже если здесь стоимость рубля упадет ниже, чем сейчас. Немцы скупают их в Стокгольме и Копенгагене, а насколько я понял, вы собираетесь ехать этим путем? Я отдал вам все, что у меня здесь было».

Испытывая безграничную благодарность, я безуспешно попыталась выразить свои чувства словами, а затем спросила, что он намерен делать и что будет с ним. Он рассмеялся и ответил: «Жду распоряжений от большевиков. Мы подготовились к их вторжению, и все наши книги готовы к инспектированию. Думаю, они не причинят нам большого вреда, поскольку мы французское учреждение, но случайно могут кого-нибудь убить. Я знаю, что рискую».

Я осведомилась, не усугубит ли его трудности оплата моих чеков. «Пожалуйста, не думайте об этом, княгиня, – ответил он. – Полагаю, что те люди, которые придут сюда, будут не в состоянии судить о тех счетах, которые им предъявят. Если даже они не одобряют их, это лишь малая деталь по сравнению со всеми прочими нарушениями, которые есть у меня на совести. Уже несколько месяцев я управляю делами банка таким образом, чтобы привести в соответствие внешние обстоятельства и нужды наших клиентов, делая для последних все, что в наших силах, а это постоянно требует нестандартных действий. Если вы с мужем услышите, что я убит, пожалуйста, не укоряйте себя. Я, безусловно, погибну не из-за вас. До свидания, княгиня, желаю удачи, если я переживу весь этот бандитизм и смогу быть вам чем-то полезным, дайте мне знать».

Невозможно оказать большую услугу и при этом вести себя сердечнее, чем он! Его информация оказалась верной, ибо уже на следующее утро большевики захватили все банки в городе и закрыли их. Всех директоров арестовали и отправили в Смольный институт [146 - Смольный институт был основан Екатериной Великой как учебное заведение для девочек из аристократических семейств. В середине 1917 года туда переехал из Таврического дворца Петроградский Совет, а в ноябре Смольный стал местом заседаний нового большевистского правительства.], где фактическое правительство устроило настоящий карнавал с разгулом неразберихи. Большинство из этих финансовых деятелей было вскоре выпущено на свободу, после уплаты больших сумм выкупа, но до нашего отъезда из Петрограда банки оставались закрытыми. Если бы не полученное вовремя предостережение и не помощь мне С, мы не смогли бы покинуть Россию в то время.

Когда я принесла свои драгоценности обратно в гостиницу, перед нами встал большой вопрос при постоянной неопределенности в жизни, где их хранить. В конце концов мы связали их в пакет вместе с деньгами, документами и прочими ценностями и завернули в небольшой лоскут белой ткани. Мы держали этот странный предмет около окна нашего салона. За этим окном был небольшой балкончик, который никогда не очищался от глубокого снега, и мы решили, если наши комнаты подвергнутся непрошеному визиту большевиков или иных воров, потребуется всего мгновение, чтобы выбросить наш

драгоценный сверток в снег. Мы надеялись, что белая ткань не привлечет внимания, даже если кто-нибудь случайно выглянет за окно.

Было ужасно смотреть на беды окружавших нас людей, большинство из которых не имело надежды, подобно нам, выбраться отсюда. Поместья конфисковывались, почти все фабрики вышли из строя. Городская собственность тоже не давала никаких доходов, поскольку никто не устанавливал ни квартирной платы, ни налогов. На собственном примере я поняла – почему.

Я обладала довольно значительной собственностью в городе, подаренной мне много лет назад мужем, и управляла ею сама. Управляющий сообщил мне в сентябре, что никто из съемщиков, даже муниципалитет, снимавший одну из квартир, уже в течение шести месяцев, фактически с начала революции, не вносил квартирной платы.

Я распорядилась оплачивать расходы по дому до 1 января и оставила управляющему достаточную сумму денег на это; после этой даты он должен был предоставить событиям идти своим чередом и не платить никаких налогов и прочих расходов до тех пор, пока сами постояльцы не станут заботиться о себе. Тогда по крайней мере сократятся мои ежедневные расходы, а поскольку в прокламациях объявлялось, что в ближайшем времени вся городская собственность будет «национализирована», я сочла, что необязательно больше заботиться о ней. Советуясь с другими собственниками, я обнаружила, что они прошли через нечто подобное и пришли к такому же решению, как и я.

Это, безусловно, должно было сыграть дурную роль для правительственных финансов, как и для города в целом, и похоже, что вскоре городские дома станут рушиться, поскольку их перестали ремонтировать, а климатические условия у нас, как известно, плохие. Однако угроза бедности и беспорядков никогда не приходила в голову демагогам, находившимся у власти. Троцкий произносил неистовые кровожадные речи, проповедуя анархию и преступления как противовес «контрреволюции», выставляя себя «защитником народной революции». Я так и не смогла понять, на что рассчитывают он сам и его правительство, чтобы удержать популярность. У них явно не было никаких планов, как спасти Россию или совершить нечто рациональное.

Основой правительства, на которой строилось все остальное, был Смольный. В старом здании Института благородных девиц, основанного Екатериной Великой для обучения дочерей дворян, устраивались нескончаемые собрания дезорганизованных групп большевиков, нечто наподобие Центральной рады, но эти в Петрограде все время проводили в пререканиях и борьбе за власть, только выпуская прокламации. Каждый занимался исключительно своими личными делами, бессмысленно и безрезультатно – разве что шум и неразбериха. Если кто-то обращался за паспортом либо по какому-то иному вопросу, он получал его, если только вообще получал, по чистой случайности.

Как ни странно, но некоторым представителям старого режима предоставлялось покровительство, особенно это касалось тех, кто принадлежал к «окультной партии». Госпожу Вырубову освободили из заключения и так щедро снабдили деньгами, что она обосновалась с еще большей роскошью, чем в прежние дни. Я слышала, что она была близким другом Троцкого-Бронштейна. Мне также сказали, что мы не испытываем трудностей с приобретением паспортов, если обратимся к ней. Но мы сочли подобные действия невозможными для себя!

Похоже, в самое плачевное положение попали офицеры – как армейские, так и флотские. Их лишили чинов, и они оказались без эполет, без жалованья и буквально

голодали. На одном из вокзалов хотели нанять группу офицеров в качестве носильщиков, а генерал Комаров пытался нанять другую группу колоть дрова для печей в общественных зданиях, но им этого не позволили. «Они образованные, могут воспользоваться своей наукой и работать там, где требуется читать и писать, чего не можем мы. Пусть этим и занимаются и не отнимают хлеб у нас, бедных» – такой ответ каждый раз давало правительство черни. Отменили все пенсии для стариков, больных, вышедших в отставку правительственных чиновников, для всех офицеров как раненых, так и здоровых, а также для всех георгиевских кавалеров (прежде эта награда несла с собой небольшую пенсию). Что касается офицеров, они если не были убиты мятежными войсками, то умирали вместе с семьями от голода. Наши друзья подобрали голодавшего офицера, которого нашли лежащим без сознания у себя на пороге, у него под формой даже не было нижнего белья, и он не ел три дня! Он бродил по улицам в поисках работы до тех пор, пока не упал. Очаровательная маленькая женщина, которую я знала прежде, пришла ко мне предложить свои услуги в качестве швеи. Она сказала, что ее муж, награжденный за храбрость и дважды раненный, оказался теперь без пенсии и без работы. Можно насчитать тысячи подобных случаев, а рассказы о ежедневных пытках и убийствах офицеров слишком ужасны, чтобы их пересказывать!

Иностранцы были сильно обеспокоены происходящим. Они не могли рассчитывать ни на защиту в России, ни на разрешение выехать. Их положение оказалось особенно опасным. Я слышала от тех, кто встречался с французами (как из посольства, так и из военной миссии), что они жаловались и гневно обвиняли нашу страну и ее жителей всех классов. Британцы держались намного спокойнее, хотя их беспокоили больше, чем французов, поскольку сэр Джордж Бьюкенен [147 - Бьюкенен Джордж Уильям (1854—1924) – профессиональный дипломат, британский посол в Санкт-Петербурге в 1910—1918 годах (см. Бьюкенен А. – Моя миссия в России и другие дипломатические воспоминания).], сохраняя чувство собственного достоинства, решительно отказывался принять Троцкого или иметь с ним какие-либо дела. Он отказался и от красногвардейцев, предложенных ему для охраны посольства. Месье Нулен [148 - Нулен Жозеф (1864—1939) – французский посол (1917—1918), бывший военный министр и министр финансов, сенатор (см. Нулен Ж. Мое посольство в Советской России).], напротив, встретился с Троцким во французском посольстве и согласился принять охрану от действующего правительства, которая, насколько мне известно, состояла из польских отрядов.

Итальянский посол уже давно заболел и покинул Петроград, когда к власти пришли большевики. Мистер Франсис, как всегда, сохранял жизнерадостность, доброжелательность и проявлял глубокий интерес к исторической ситуации. Даже в самом трудном положении он был полон сил и проявлял изобретательность. Он надеялся на успешное вмешательство казаков, возглавляемых Калединым и Корниловым, и хотя мы не разделяли его оптимизма, но не могли не восхищаться силой духа и бесстрашием американского посла. Однажды он отметил, что несколько разочаровался в русских людях или скорее в том, как они воспользовались великим даром – благом свободы, но это было брошено мимоходом. Ему явно никогда не приходило в голову покинуть свой пост, что бы ни произошло, хотя он вполне откровенно говорил о тех угрозах и опасностях, которым постоянно подвергался. Он отказался от охраны, предложенной правительством для защиты посольства, но позволил генералу Джадсону, главе военной миссии, согласиться на охрану его ведомства. Посол и его секретари сами днем и ночью несли охрану посольства. Штат посольства не отставал от своего главы в отваге и мужестве,

невозможно было не восхищаться этой маленькой группой.

Несмотря на пессимистичные прогнозы окружающих, мы внезапно получили паспорта. Муж, не пытаясь применить какие-либо окольные пути или протекцию, интриги или взятки, просто поговорил со служащим гостиницы, занимавшимся документами своих постояльцев. В конце концов однажды утром они поехали вместе в Смольный, чтобы получить необходимое разрешение, прежде чем обращаться в муниципальную полицию за паспортами для поездки за границу. В Смольном, где на них почти не обратили внимания, какой-то солдат направил их в большую комнату, на двери которой они увидели надпись «Паспорта». Они постучали, получили позволение войти и оказались перед еврейкой, которая написала заявление, которое Кантакузин подписал. Затем она взяла все наши удостоверения и старые паспорта, сказав, что ответ будет в течение трех дней. Мы прождали пять, причем последние два дня провели в сильном волнении.

Наконец, на пятый день сотрудник, занимавшийся паспортами, вернулся из Смольного и сразу же прошел в наши номера, с явным удовольствием сказав: «Посмотрите, ваши сиятельства, ваши бумаги все здесь и в полном порядке. Вы – единственные, кому дали разрешение. Все остальные отказы». И он показал нам большую пачку бумаг, которую нес. Надо ли говорить, что муж дал ему щедрые чаевые, и снова мы не могли понять тайну нашего успеха в подобных обстоятельствах.

Глава 28

Последние дни в России

После этого мы оставались в Петрограде еще около двух недель, пока не выполнили все формальности, связанные с оформлением паспортов. А это оказалось чрезвычайно трудным делом. Обладая разрешением Смольного, мы потребовали предоставить нам простые паспорта в муниципальной полицейской части. Затем Генеральный штаб, не признававший Смольный, выдал нам военные паспорта. Поскольку Америка также не признавала большевистское правительство, было необходимо получить в американском посольстве еще один комплект документов для въезда в Соединенные Штаты. Кроме того, нам нужно было получить визы в шведском, датском и британском дипломатических представительствах и «контрольных управлениях». Наконец со всем этим было покончено, и мы смогли заняться приобретением билетов. Нам снова повезло, как тогда в Крыму, – кто-то уступил нам свои давно зарезервированные места!

Все эти приготовления продвигались крайне медленно, нам часто приходилось менять свои планы. Каждый раз в таком случае нас охватывала паника, мы опасались, как бы все не провалилось или, если мы задержимся слишком долго, как бы нас не остановила забастовка на железной дороге, которой ежедневно угрожали. Состояние здоровья мужа значительно ухудшилось из-за холода, к тому же он был на грани нервного срыва. Я тоже очень устала от борьбы, но с каждым днем во мне крепла уверенность, что мы каким-то образом выберемся, и, когда нам сопутствовал первый успех в приобретении паспортов, я стала меньше беспокоиться.

Мы отказались от своего первоначального плана проехать через Сибирь и Японию из-за холода и беспорядков на железной дороге в тех краях. Мы также слышали о безобразиях, творившихся в больших городах Востока, протянувшихся вдоль железной дороги. Трехнедельная поездка в таких условиях казалась совершенно невозможной при

ухудшившемся состоянии здоровья мужа. Когда мы, наконец, решились ехать через Швецию, я испытала огромное облегчение. В последний момент передо мной встала серьезная проблема, что делать с моими драгоценностями, и я чуть не возненавидела хорошенькие вещицы, которые еще недавно носила с таким удовольствием.

Кантакузин предоставил мне самой размещать и прятать свои драгоценности. Я зашила их в меха и более тяжелую одежду, разместив последнюю по разным сундукам, вознося безмолвную молитву, чтобы оказалось так, что я выбрала правильные места и чтобы грубые руки солдат не ощутили лишний вес и не нащупали твердые поверхности. Я также зашила в жесткие воротники (платьев и пальто) старые 500-рублевые банкноты. Свои самые ценные камни (жемчуга и бриллианты) прикрепила к внутренней стороне дорожной муфты и боа, между густым плотным мехом и хлопчатобумажной набивкой подкладки, где их было невозможно заметить, разве что вещи стали немного тяжелее. Мелкие вещицы я поместила за ленты шляпки.

Спрятав таким образом свои драгоценности, я могла при необходимости раздеться, не привлекая внимания к ценностям, с таким видом, будто мне было нечего скрывать. Михаил взял только ту сумму, которую позволялось иметь при себе, а также все наши бумаги, положив их в свой портфель, я тоже положила немного денег в свою сумочку, чтобы не вызвать подозрений, притворяясь слишком бедными. Елена тоже везла деньги и некоторые из моих драгоценностей, рассеянные по ее маленькому сундучку. Кантакузину пришла блестящая идея позвать гостиничного маляра, который за день до отъезда под нашим руководством закрасил короны и монограммы на наших сундуках и чемоданах грубыми мазками черной и белой краски, заставив наши пожитки выглядеть, насколько возможно, жалкими и грязными.

В поездку мы решили надеть ту одежду, которая прежде служила нам для охоты, зимних видов спорта за городом и выглядела простой, бесформенной и удобной. Мы решили, что не привлечем в ней внимания в толпе пассажиров, и надеялись на лучшее.

При входе на Финляндский вокзал наши паспорта случайно попали в руки офицера, знавшего Кантакузина по армии, он повел себя по отношению к нам вежливо и не причинил никаких хлопот. Некоторых других пассажиров остановили и вернули с вокзала в Петроград, невзирая на их протесты. Ночь и следующий день мы провели в поезде спокойно. Услышав, что опаздываем на восемь часов, мы размышляли, как это отразится на настроении солдат, ждавших нас на таможне. Приблизившись к границе, мы обратили внимание на всеобщее возбуждение. Муж испытывал лихорадочное волнение, я же почувствовала озноб. Мы видели, как пассажиры уничтожали письма и бумаги, и сделали то же самое, оставив только самые необходимые документы.

Прибыв на вокзал в Торнео, мы оценили, насколько теплым и удобным оказался наш поезд, поскольку снаружи была темная ночь и термометр показывал тридцать три градуса ниже нуля, так что было почти невозможно дышать. Войдя в здание вокзала, мы увидели солдат, сидевших за низкой стойкой, на которую нужно было ставить багаж для досмотра. Они выглядели усталыми, сонными и вяло перебрасывались репликами друг с другом. Мы шли впереди толпы. Среди солдат мое внимание сразу же привлекло одно сонное, добродушное лицо. Я сказала Кантакузину: «Пойдем к этому», и мы тотчас же подхватили свой багаж и положили на стойку перед ним. Он открыл сундучок Елены и, не найдя там ничего интересного, отставил. Думаю, он счел нас бедными и, по-видимому, решил, что у нас нет ничего достойного конфискации. Мы сами имели такой жалкий вид. Тем не менее он открыл один из моих чемоданов и небрежно пощупал голубой саржевый костюм. Глядя

на него с равнодушием, он не догадывался, что под его руками в высоком жестком воротничке спрятаны 5 тысяч рублей. Остальные чемоданы оказались для него еще менее интересными, хотя он и вытащил из чемодана Кантакузина расписание движения поездов по России, сказав, что если он желает взять его с собой за границу, то должен пойти с ним к цензору. Мы предложили ему взять расписание себе в подарок, поскольку нам оно больше не было нужно. Мы объяснили, что покидаем Россию.

В одном из моих чемоданов солдат обнаружил несколько конвертов с листами белой писчей бумаги, он открывал каждый из них, смотрел на свет, чтобы проверить, не написано ли что-нибудь на них. Затем он схватил лист черной папиросной бумаги, которым Елена прикрыла мой халат. Его он тоже с большим интересом рассматривал на свет, но, когда я предложила ему оставить его себе, он, хмыкнув, положил его назад. Мы сохраняли абсолютное терпение и нахваливали его, говоря, как хорошо он все тщательно осматривает. Мы с готовностью продолжали открывать свои чемоданы и разворачивать свертки пледов до тех пор, пока парень не сказал «достаточно». Тогда со своей самой доброжелательной улыбкой, показав на наши сундуки, я спросила, когда должна буду их открыть. «В этом нет необходимости, – довольно дружелюбно ответил он. – У вас явно нет ничего важного или запрещенного. Вас трое, и у вас всего лишь четыре сундука». Но я-то знала, что лежит в моих сундуках (а там были драгоценности, меха, кружева, одежда, а также деньги и пять старинных ценных картин, написанных маслом, наше наследство, которые я рискнула прихватить с собой, скатав их в рулоны и положив на дно сундука), и это тяжким грузом лежало у меня на сердце, к тому же примешивался ужас перед этими головорезами и страх, что они могут арестовать Кантакузина. Теперь, когда мы благополучно прошли испытания таможенной, я вздохнула немного свободнее.

Как раз в этот момент кто-то заговорил с нами сзади самым сердечным тоном, обращаясь к мужу с титулом, что было немного рискованно при подобных обстоятельствах.

– О, князь, это действительно вы. Чем могу помочь? Ваши паспорта попали ко мне в руки, и я чрезвычайно рад этому. Не представите ли меня своей супруге?

Мы обернулись, и Кантакузин узнал молодого офицера, которого знал по фронту. Под огнем у них сложились теплые отношения, и теперь муж был рад увидеть снова этого славного молодого человека. Он представил его мне, и вскоре мы непринужденно болтали, словно в прежние времена, мы сообщили ему новости о Петрограде, а он сказал нам, что уже просмотрел и проштамповал наши паспорта, и добавил: «Теперь, если вы закончили с этими товарищами, можете заполнить денежные декларации, а затем пройти в ресторан и поужинать, пока допрашивают остальных путешественников». Он проводил нас, и мы предъявили разрешенные деньги и написали в декларации, что не имеем золотых монет, ни русских, ни иностранных. Затем мы прошли в столовую и заказали горячий ужин.

Я ощущала волчий аппетит после долгой поездки в поезде и крайнего напряжения последних часов. Офицер, которого мы пригласили к нам присоединиться, вскоре пришел и привел с собой коллегу, который также был знаком с Кантакузиным на фронте, и вскоре мы весело ели и болтали. Я заметила, что сидевшая за соседним столиком группа из пяти моряков прислушивается к нашему разговору с необычайным вниманием и зловещим выражением на лицах. Один из них развернулся и сидел, почти касаясь стула Кантакузина, чтобы лучше слышать, что тот говорит о политическом положении и условиях на юге. Я подала знак, муж тотчас же понял и изменил тему разговора, и интерес

слушателя угас.

Я испытывала торжество по поводу нашего успешного прохождения таможни. Я всегда гордилась тем, что никогда ни через одну границу не провозила никакой контрабанды, но теперь перед лицом большевистского правительства делала это без малейших угрызений совести. Я понесла достаточно большой ущерб за последние годы, чтобы уравновесить сегодняшние долги. К тому же мы не взяли с собой ничего из наследства Кантакузина, оно было конфисковано, сожжено – в общем, полностью потеряно.

Поужинав, мы собрали свои пожитки и надели тяжелые пальто. Отправив багаж вперед на одних больших санях, мы последовали за ним на других. Они были невысокими, но глубокими, с мягкой соломенной подстилкой, на которой мы и расположились, в то время как нас укрыли большими теплыми коврами. Мы подняли повыше свои меховые воротники, прикрыв ими рты, чтобы вдыхать через них холодный воздух. Один из молодых офицеров доехал с нами до паспортного контроля у заставы, где стояло караульное помещение, нам сказали, что здесь мы должны в последний раз предъявить удостоверения личности, прежде чем проехать в Швецию.

Когда сани замедлили свой бег, готовясь остановиться, офицер сказал:

– Вам нет необходимости выходить. Вот ваши паспорта, князь. Они в порядке. Я уже отделил их от других на вокзале. Возьмите их и поезжайте прямо через шлагбаум. Я отвечаю за вас.

Он соскочил с саней и отдал честь, кучер хлестнул коней своей тройки, и мы устремились вперед по мягкому снегу, мимо шлагбаума, вниз к берегу реки, по льду, а затем быстро въехали на другой берег. Впереди горели огни Хапаранды.

Мы были в Швеции, и я оглянулась, чтобы в последний раз посмотреть на родину, которую мы покидали. Три-четыре часа назад, когда мы сошли с поезда в Торнео, небо казалось темным и угрожающим. Теперь все переменялось: на нем сияли миллионы звезд, а на горизонте высоко до небес поднимался великолепный ореол северного сияния. Возможно, это было обещание будущего для нашей несчастной страны.

Как всегда таинственно, Россия простерла вперед к свету свои огромные равнины, и это единственное, что мы могли увидеть.

Затем я снова повернулась вперед и увидела веселые огни вокзала Хапаранды, к которому мы приближались, и поняла, что мы свободны и вне опасности, хотя мы и беженцы в чужом королевстве.

Автор: Юлия Кантакузина

Издательство: Центрполиграф

ISBN: 978-5-9524-2649-8

Год: 2007

Страниц: 304